

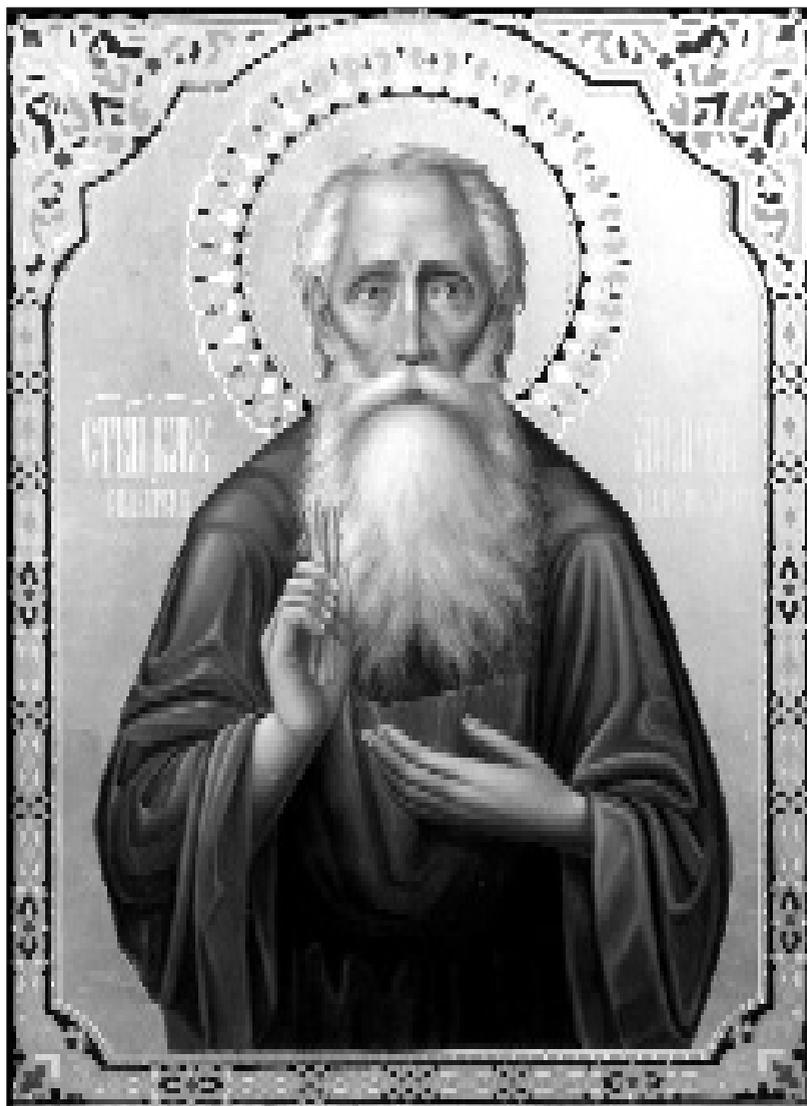
Святые,
в земле Симбирской
просиявшие

“Ульяновский Дом печати”
Ульяновск
2009

По благословию Высокопреосвященного Прокла,
архиепископа Симбирского и Мелекесского,
жития святых Симбирской епархии составлены,
подготовлены к печати и изданы
настоятелем храма во имя Всех Святых г. Ульяновска
протоиереем Алексием Скала

Икона “Собор Симбирских святых”
из Всехсвятского храма г. Ульяновска

Святой блаженный Андрей,
Христа ради юродивый,
Симбирский чудотворец

Житие святого блаженного Андрея, Христа ради юродивого,
Симбирского чудотворца.

Годы земной жизни его с 1763 г. по 1841 г.

Древний Симбирск издавна величали «Городом-дворянином на Волге». Воистину, в нем жили и владели поместьями в Симбирской губернии представители знатнейших и известнейших дворянских родов России. Город был известен и родившимися здесь писателями, художниками, историками и политическими деятелями.

Однако имена многих из них канули в вечность и теперь известны лишь узкому кругу историков и специалистов. Время не щадит человеческой памяти. Но имя одного симбирянина, родившегося в сем граде в середине 18-го века и прожившего здесь всю свою долгую жизнь, бережно хранится в сердцах не только верующих православных жителей этого средневожского города, но и пользуется почитанием далеко за пределами Симбирской епархии.

Это имя не выходца из родовитой дворянской знати, не выдающегося чиновника или государственного деятеля, не победоносного воинственника или градостроителя. Это имя простого городского нищего, не имеющего ни тленного богатства, ни талантов, коими издавна прославляются служители искусств и политики в купе с военачальниками. Но этот человек был столь богат благодатными дарами веры, человеколюбия и блаженной нищеты духовной, что и при жизни своей земной, и после праведной кончины был почитаем как сильными мира сего, так и духовенством, и простыми верующими людьми.

Даже после отшествия сего праведника в мир горний, на месте его упокоения можно было увидеть людей коленопреклоненных в молитве, изливающих свою печаль и горечь, несущих сюда свои беды и тяготы, благодарно зажигающих свечи на месте погребения Божьего угодника, имя которого было записано чуть ли не во всех помянниках православных христиан города. Имя этого праведника – Андрей Ильич Огородников. Но православный российский люд знает его по другому именованию – Андрей Блаженный, Симбирский Христа ради юродивый. Со временем к

нему прибавилось и еще одно великое титулование – чудотворец.

Никогда память о блаженном старце не исчезала в народе. В день праведной кончины Андрея Ильича, в родительские дни над его могилой звучали слова заупокойных молитв, освящал воздух кадильный фимиам, служило духовенство. Сотни переписанных от руки повествований о жизни блаженного Андрея бережно хранятся и по сегодняшний день в домах верующих, хотя в конце прошедшего столетия многотысячным тиражом были выпущены книги и брошюры с жизнеописанием праведника.

Что же за личность был Андрей Ильич, ныне именуемый Церковью как святой блаженный Христа ради юродивый чудотворец, и чем оставил по себе такую неувядающую память?

Не гражданские подвиги и не воинские доблести прославили его, а принятый им на себя добровольно с самых юных лет подвиг глубокого смирения и нищеты духовной, подвиг отречения от всех благ жизни и умерщвления плоти, подвиг так называемого юродства, которому он остался неизменно верен до последних дней своей жизни. Вся жизнь его была непрерывным выражением этого подвига; во внешних действиях и поступках его, как в зеркале, с поразительной ясностью отражаются все характеризующие этот род подвижничества ради Христа признаки и черты.

Чтобы убедиться в этом, изложим историю жизни Андрея Ильича, насколько она открывается нам из рассказов его современников и дошедших до нас письменных и печатных источников. Из последних наиболее значимой является изданная в 1865 г. и составленная епископом Ревельским Герасимом (1809-1880), бывшим ректором Симбирской духовной семинарии, брошюра «Блаженный Андрей Ильич». Будучи жителем Симбирска, тогда еще архимандрит Герасим собрал все возможные сведения о блаженном, о его жизни, подвигах и чудесах, им совершенных. И уже приняв епископский сан, он систематизировал и опубликовал сие первое жизнеописание симбирского юродивого. Следует упомянуть и о том, что владыка Герасим прославлен в лике святых, а его мощи ныне почивают в Успенском соборе Астраханского кремля. Так, волею Божией, один святой, прославленный Церковью как Святитель, стал житиеписателем другого святого, почитаемого верующим

народом в лике юродивых Христа ради. Следует упомянуть и книжку «Андрей Ильич Огородников блаженный, симбирский юродивый», изданную в 1902 г. и написанную священником симбирского Спасо-Вознесенского собора Иоанном Никольским, который уже глубоким старцем был расстрелян большевиками в 1938 г. в сане обновленческого архиепископа Ульяновского.

Андрей Ильич родился в г. Симбирске 4 июля (ст.ст.) 1763 года и назван именем в честь свят. Андрея, архиепископа Критского. (Эти сведения заимствованы из надписи на могильной чугунной плите, ранее покрывавшей могилу старца, а после сооружения на месте его последнего упокоения величественной часовни, хранившейся в кладовой при Симбирском Покровском мужском монастыре, а ныне безвозвратно утерянной или уничтоженной).

Родители его Илья Иванович и Анна Иосифовна Огородниковы были бедные симбирские мещане, проживавшие в Подгорной части г. Симбирска, где Андрей Ильич и родился. По отзывам

лиц, знавших его родителей, они отличались благочестивой жизнью, а особенно мать его, которую прямо называли женщиной набожной.

До смерти родителей Андрей Ильич жил в их доме, под горою, на берегу реки Волги, а затем поступил на попечение старшего

своего брата Фаддея. С 1813 года, когда скончался и брат, Андрей Ильич имел приют у овдовевшей сестры своей Натальи, которая, как передают, исключительно ради него вышла из симбирской женской обители, куда поступила было, и служила ему, чем могла, всю свою жизнь, при помощи благодетелей. К числу последних благодарная память относит, между прочим, одну из симбирских помещиц. Е. А. Мильгунову, которая выстроила для него сестрою хижину на дворе у племянницы его по брату Агафьи (на принадлежащем затем на Панской, ныне Энгельса, улице господам Сахаровым месте) и до самой кончины Андрея Ильича жертвовала ежегодно на его содержание по 60 руб. ассигнациями.

До трехлетнего возраста Андрей Ильич был сиднем, пил и ел из чужих рук; потом стал ходить, но ничего не говорил, кроме — «мама-Анна», или просто «Анна», как звали его мать, и так босиком, в одной длинной рубахе, и с той поры сделался предметом благоговейного почитания и удивления для одних, сомнения и предубеждения для других, и для некоторых, к счастью немногих, предметом насмешек и глумления. Находились люди, которые склонны были считать Андрея Ильича безумным и деятельность его бессознательной. Между тем, при внимательном взгляде на его жизнь, нельзя не видеть, что все его внешние действия и поступки, особенно те, которые служили выражением его духовной жизни, запечатлены глубокой сознательности и обнаруживают в нем совершенно естественное состояние ума.

На обращаемые к нему вопросы он давал ответы звуками, жестами, движением рук или головы, утвердительные или отрицательные, смотря по смыслу речи, и, несомненно, вполне сознательные. Другие с твердым убеждением принимали это молчание за подвиг, с чем и нужно согласиться, так как не подлежит сомнению, что он не лишен был ни органов слуха, ни других органов для правильного произношения слов. И свидетельством того могут послужить несколько случаев, когда блаженный старец четко и внятно выражал свою мысль ясными словами, о чем и будут далее приведены примеры. Может казаться он отрешавшимся от ума лишь в случаях соприкосновения его деятельности с внешней стороною жизни, не имеющей существенного отношения к вечному нашему спасению. Так, например, в общественной

жизни он нередко являлся наивным макдита. Попечение о пище, одежде, приличии для него оставалось как бы неизвестным и ненужным. Как дитя в первом, младенческом возрасте, он часто ползал по земле, целовал ее и то подражал, то мешал окружающим, не допуская, впрочем, своими действиями ничего соблазнительного или оскорбительного. Андрей Ильич никогда не давал покоя своему телу. Одним из обычных занятий его после быстрого перехода и беготни из одной части города в другую было стоять на одном месте часами, перекачиваясь с ноги на ногу, подобно маятнику, из стороны в сторону, и твердя ему одному понятные звуки: «бум, бум, бум» (об этом сообщила А. И. Карташева), со взором, обращенным на какой-либо предмет. По временам уходил он на сутки и более из дома и скрывался в каком-либо тайном месте. Когда же открывали его убежище, то с той поры он туда более не ходил. Любимым его местом для стояния было то место, где теперь (на углу нынешних улиц Гончарова и Энгельса) установлен памятный к 2000-летию Рождества Христова поклонный Крест и где прежде находились деревянные постройки с торговыми помещениями. Покойно лежащим Андрея Ильича увидели только на смертном одре. Спал он с самых юных лет весьма мало, да и то на голых

досках или на земле. Случалось, что ляжет на лавке, а голову держит на весу, ни к чему не прикасаясь и ни на что не опираясь. Рубаха для него шилась, обыкновенно, с сумкой на груди, куда многие клали ему, и всегда почти насильно, милостыню, которую он или сам раздавал, или каждый, кто хотел, мог оттуда брать у него беспрепятственно. Впрочем, бывало и так, что насильно положенную милостыню он выбрасывал, и, говорят, сразу находил, в числе многих положенных в сумку разными лицами денег, монету именно того лица, от которого почему-либо не хотел принять милостыню; причем у одного ничтожное подаяние брал, а у другого и ценное откидывал.

Пища Андрея Ильича была самая простая; ни вина, ни мяса он не употреблял, а любил, по рассказам знавших его, чай и намазанный медом черный хлеб. По временам любил он кушать и сухие ягоды, которые разваривались для него в особом горшочке. Придет, бывало, домой и стучит по столу, приговаривая: «Мама», - давая, этим знать своей сестре или племяннице, чтобы покормили его. От необыкновенного воздержания тело его было сухо, как трава, и очень легко. Кротость его нрава и незлобие были поразительны. Бывало, что являлся он домой избитый, выпачканный в муке или в смоле, потому что иногда, как было сказано, служил предметом глумления, наталкиваясь на пьяных или на дерзких людей, которые оскорбляли его своими низкими и пошлыми шутками, и даже били. Терпел поношения и от невоспитанных и шаловливых ребят, которые, при встрече с ним, дергали его за рубаху и щипали тело.

Несмотря на всевозможные издевательства, Андрей Ильич никогда не выходил из себя и даже не оборонялся, а обыкновенно, оставаясь невозмутимым, отходил от оскорбителей. Но были случаи, что за издевательство над ближним, помимо его воли и всякого желанья, виновного карал сам Господь. Так, в самый день похорон блаженного один мальчик лет 12-ти, издевавшийся над ним при жизни, подбежал на улице к его гробу и тут же, говорят, упал в страшных конвульсиях. Так дерзкий шалун на глазах всех был наказан за свое кощунство над блаженным и за оскорбления. Передают также, что незадолго до блаженной кончины своей Андрей Ильич забежал в лавку к одному купцу и,

по обыкновению, стал мешать ему. Последний, будучи крутого нрава, избил его и выгнал из лавки. Но потом в этот же день, когда стал закрывать одно из окон в верхнем этаже своего дома, потеряв равновесие, выпал из него и едва не разбился до смерти. Почувствовав свою вину перед блаженным, он тот час же послал к нему просить извинения. Незлобивый и кроткий Андрей Ильич простил обидчика, и последний поправился.

Как на особенность его характера следует указать на то, что он никогда не смеялся.

Необычайность жизнеповедения Андрея Ильича приковывала к нему взоры и внимание всех окружающих: и бедных и богатых, безвестных и знатных, и вообще людей всех сословий, званий и состояния. Народная вера назвала его «блаженным», а стоустая молва быстро распространила славу о его праведности и святости. С течением времени, подражателями почитателей его в воздаваемой ему чести сделались и те, которые прежде относились к нему с сомнением и предубеждением. Уважение к нему, как к мужу праведной жизни и достойному почитания, стало заметно увеличиваться с 1812, года, т. е. с начала Отечественной войны. Война эта воспламенила религиозную настроенность и чувство во всех сословиях русского народа. Многие из знатных дворянских фамилий стали посещать замечательные русские св. обители и в том числе Саровскую пустынь. Подвизавшийся там великий праведник Земли Русской святой преподобный Серафим, о чем рассказывали некоторые из жителей г. Симбирска, отказывал в благословении приходящим к нему симбирским богомольцам и, отсылая их в отечественный город к блаженному Андрею, говоря: «Зачем это ко мне, убогому, вы трудитесь приходить, — у вас лучше меня есть, Андрей ваш Ильич...». А проживавшая в г. Арзамасе в Алексеевской женской обители и прославившаяся прозорливостью Елена Афанасьевна отзывалась об Андрее Ильиче, как о человеке праведном, покровительствующем Симбирску. Все это вместе взятое так возвысило Андрея Ильича в глазах и во мнении народа, что вера в него, как в праведника, покровительствующего своими молитвами г. Симбирску, непоколебимо упрочилась. «Пока Андрешка блаженный жив, не будет у нас пожаров», с уверенностью говорили жители Симбирска, И, действительно, по

свидетельству современников, в то время, как соседка Симбирска Казань сгорала чуть не дотла, в Симбирские, пока был жив Андрей Ильич, пожаров совсем не было. После же его кончины начались пожары и здесь. В 1864 году Симбирск почти весь полностью выгорел. По свидетельству же современному, полученному от начальствующих лиц, после прославления блаженного Андрея в лике святых в 1998 году, количество пожаров в нынешнем Ульяновске значительно снизилось. Почитаемый симбирянами угодник Божий вновь сохраняет свое земное отечество. Особенно же укреплению в народе веры в его праведность - веры, которая пережила более полутора столетия, и нисколько не умалившись в своей силе и упрочению памяти о нем в последующих поколениях до нашего времени - способствовали проявленные им дарования, например прозорливость и другие, свидетельством о которых служат разные обстоятельства его жизни, сохранившиеся рассказы о которых были записаны и напечатаны в разных изданиях.

Во дни отрочества своего, когда мать его уходила в Киев или другие места на богомолье, Андрей Ильич перед возвращением ее довольно часто начинал обыкновенно кричать «мама-Анна». По этому признаку домашние догадывались о скором возвращении Анны Иосифовны домой, что, по отзывам их, и сбывалось действительно.

•

Все, что подавал он встретившимся с ним, имело особенное значение и смысл: кому, например, давались Андреем Ильичем деньги, тот вскоре разживался и богател, а кому предлагал он щепку или землю, тот вскоре умирал. Пред переходом дома в чужие руки или пред пожаром, приходил он с метлой и начинал мести двор хозяина или выметал сор из дома, и домохозяин непременно лишался своего имущества. Так, г-жа фон-Руммель передает в своих записках следующее. «Старинный дом наших родителей, где все мы родились, находился в приходе церкви во имя Святителя Николая (храм был снесен в 1930-е г.г. и находился за сквером с памятником Н.М. Карамзину на ул. Советской – прот. А.С.); при нем был прекрасный сад. И не думали никогда наши родители его продавать... Но вот прибегает однажды в наш дом Андрей Ильич, никогда в этой местности города раньше не бывавший, и начинает из всех углов выметать сор. Все семейные

тут же сказали, что из этого дома нам придется выехать. И что же? Совершенно неожиданно, месяца через два после этого, дедушка наш И. А. П. подарил матери нашей прекрасный каменный дом на Большой улице (ныне Гончарова – прот. А.С.), куда мы и переехали».

Симбирские торговцы считали за особенное счастье, когда Андрей Ильич, пробегая мимо лавок, что-либо брал, по предложению того или другого из них, так как бывало, что в тот же день или вскоре они были вознаграждаемы за это необыкновенной успешностью торговых оборотов.

Раз забежал блаженный в дом к г-же Быковой, когда она, оправившись уже после родов, шла в баню; прошел в ее спальню, лег на диван и, сложив на груди руки, вытянулся, как мертвец. Г-жа Быкова, шедши из бани, простудилась, и, в скором времени, на этом же самом диване скончалась.

Мать инокини, которая передала это последнее событие, мучилась родами несколько дней, но едва взбежал на крыльцо их дома Андрей Ильич, она тотчас же разрешилась от бремени сыном, и пожелала, чтобы крестным отцом последнего был старец. Потом, после очистительной молитвы на сороковой день, она отправилась с новорожденным к Андрею Ильичу. Завидев гостью, входившую в убогую его хижину, Андрей Ильич бросился к божнице, взял образ Ангела Хранителя с соловецкими чудотворцами и положил его на крестника своего, хотя никто не говорил ему, что при купели поминали его, как отца восприемного.

По окончании курса в Казанском университете крестник Андрея Ильича, приехав домой, пожелал поздороваться с ним и попросить его благословения, но, по брезгливости, не решался поцеловать его руку потому что обе его руки всегда бывали испачканы. Забежавший на этот раз в дом родителей крестника Андрей Ильич подал знак няне, чтобы она вымыла ему руку, которую затем и подал крестнику поцеловать, а потом, обнявши его, дал поцеловать ему и голову свою.

Означенная няня осуждала однажды Андрея Ильича, говоря: «Какой он святой, все чай пьет», а он вскоре, побывав в этом доме, напился помоев из лохани и скрылся.

Одной из благородных девиц, проживавших в доме князей Хованских, однажды угрожала почти неминуемая опасность от соблазнов. Андрей Ильич, невзирая на то, что раньше никогда не бывал в этом доме, прямо подбежал к двери ее спальни и закричал на весь дом: «Анна, Анна!». Когда же увидел саму девушку, блаженный стал еще больше кричать и, выталкивая ее из дверей дома, так строго и проницательно взирая на нее, что та не могла, говорит, забыть его взгляда до тех пор, пока совсем не оставила

этого своего жилища. Когда же, решившись на это, пожелала она, в знак благословения Божия на перемену места, встретиться еще раз с Андреем Ильичом, вдруг, говорит: «Вижу на конце улицы пыль, а за ней и подбегавшего Андрея Ильича, который подал мне руку и тем успокоил меня совершенно».

Неоднократно случалось, что Андрей Ильич, где бы ни завидел г-на Оржанского, стяжавшего в Симбирске незавидную известность своим вольнодумством, то бросал в него камнем или кирпичом.

Известный в свое время в Симбирской епархии протоиерей села Бурундук Буинского уезда Алексей Ивано-вич Баратынский рассказывал, что, в бытность учеником Симбирской духовной семинарии, он сначала относился к блаженному Андрею Ильичу скептически и далеко не считал его за того, за кого принимал его народ. Но вот однажды шел он толкучим рынком, будучи почему-то в это время очень голодным, денег же на покупку хлеба при себе не

имел. Вдруг откуда-то появился Андрей Ильич, на бегу вынул из сумки половину булки, сунул ему в руки и продолжал бежать далее. Это обстоятельство заставило о. Баратынского изменить взгляды на Андрея Ильича.

По прозорливости Андрей Ильич всегда узнавал, с каким кто усердием приносил ему гостинцы. Один семьянин нес ему большую коврижку, но дорогою подумал; «Зачем это я такую большую коврижку несу ему? Верно, не скушает сам всей; лучше бы я детям оставил половину». Андрей же Ильич принял коврижку, но, отломив себе кусочек, остальную часть возвратил принесшему ее.

Другой нес ему яблоки в платке, и жалко ему стало отдать вместе с яблоками и платок; но Андрей Ильич, выложив яблоки, отдал платок этот назад и, таким образом, дал понять, что не нуждается в невольном подарке.

Раз он неожиданно вбежал в хижину одной почитавшей его бедной мещанки, а у нее в эту пору варилась щи. Схватив руками из пылающей печки горшок со щами, Андрей Ильич бросил его на пол и скрылся. Бедная женщина сначала тужила об утрате своих щей, но при уборке черепков разбитого горшка на дне его нашла огромного паука, который, возможно, мог бы и отравить ее через употребление щей.

Рассказывают и другой подобный случай. Проходя мимо одной из торговых лавок, Андрей Ильич разоткнул у бочонка с маслом отверстие, из которого наливалось масло; масло вылилось, чем он навлек на себя гнев хозяина. После же оказалось, что на дне бочонка лежала мертвая змея.

Одной из сестер симбирской Спасской обители П. С. Андрей Ильич предсказал иноческую жизнь, а бывшей при ней в эту пору матери он предсказал скорую кончину; при виде последней он лег и вытянулся, как мертвец, скрестив руки на груди.

Другая инокиня той же обители Антония рассказывала, что раз игуменья передала, ей письмо, полученное с почты. «Я, говорит, вышла в другую комнату, а тут Андрей Ильич пьет чай с блюдечка, стоявшего на полу. Едва развернула я это письмо, чтобы прочитать, как старец начал вырывать и бросать его, и прятать от меня то под кровать, то за шкаф. Потеряв терпение,

я говорю ему с досадою: «Что это, Андрей Ильич, не даешь ты мне прочитать письмо?», а он все одно и то же делает: вырывает письмо и прячет его, а в рот мне сухарь сует... Наконец не без труда отняла я письмо; но едва пробежала его глазами, как из него узнала о кончине сестры-благотельницы. Тогда только поняла я, отчего Андрей Ильич не давал мне читать письмо это».

Еще более замечателен следующий случай. Помещик Симбирской губернии П. А., терзаемый ревностью, отправился однажды в дом девицы А., куда ходила для духовных бесед с духовным отцом его супруга, чтобы убить последнюю, как подозреваемую им в нечистой связи. Но при выходе из дверей дома встретился с ним неожиданно Андрей Ильич и, загородив ему дорогу, начал кричать на него и толкать назад домой. Изумленный П. А. волей-неволей должен был уступить блаженному и воротился домой, не исполнив своего намерения. То же самое противодействие со стороны Андрея Ильича встречал он и после раз до двух; но, наконец, образумившись, сказал своей супруге, женщине благочестивой: «Благодари Андрея Ильича, что осталась ты жива: не жалея себя, я шел было убить вас, но Андрей Ильич не пустил меня».

Это не раз рассказывала сама супруга этого помещика, примерная подвижница А. П., когда проживала в симбирском Спасском женском монастыре.

В 1825 году привезли в Симбирск одного из местных помещиков, П. А. Л., который в припадке умопомешательства ужасно богохульствовал. Неожиданно является в квартиру помешанного Андрей Ильич и, по обыкновению своему, начал качаться из стороны в сторону; когда же опечаленная мать больного Т. Е. хотела предложить сыну через слугу ломтик арбуза, Андрей Ильич останавливает слугу и, толкая назад от помешанного, проговорил к изумлению всех вслух: «Он Бога бранит!». Это был один тех случаев, которые подтвердили всеобщее мнение о том, что имеющий дар речи блаженный старец нес, кроме многих иных, еще один подвиг – молчания.

А лет за десять до этого обстоятельства та же самая Т. Е. чувствовала ужасную тоску, которая доводила ее почти до сумасшествия. В таком положении вели ее раз из церкви. На паперти

храма встретился с ней блаженный. Она поклонилась ему и сказала: «Застрадалась я, помолись ты за меня». Андрей Ильич сказал ей в ответ: «Будешь здорова», и тотчас же скрылся. Госпожа эта действительно от своей болезни вскоре избавилась.

Однажды, - это случилось также в 1825 г., - вбежал Андрей Ильич в дом служившего тогда советником А. Ф. С. и, схватив медные деньги, лежавшие на окне, стал совать их в руку зятю его Павлу А. Л. и супруге его Ф. А. Когда же они клали эти деньги на свое место, он опять подавал их, делая

при этом вид, как будто бы считает их. И что же? В непродолжительном времени вышеупомянутый г. Л. получил должность казначея. Племянница Агафьи Фаддеевны, у которой Андрей Ильич жил, тетка рассказавшей настоящее происшествие А. А. П-ховой, сильно заболела. Указывая на больную, Агафья Фаддеевна просила Андрея Ильича помолиться о выздоровлении ее, а он показывал жестом, чтобы ее положили в передний угол,

как кладут обычно усопших. Спустя немногo времени больная скончалась.

По рассказу А. Г. Сальниковой, Андрей Ильич ходил нередко к секретарю Консистории Прозорову. В одно из таких посещений хозяева, узнав о его приходе, стали искать блаженного в своих комнатах, и нашли его лежащим на составленных стульях, в переднем углу, подобно покойнику. Вскоре после этого в семействе г. Прозорова был случай смерти.

Одна заволжская помещица однажды к празднику прислала Андрею Ильичу воз провизии: масла, яиц, крупу, меду и т. п. Тогда было крепостное право, и госпожа эта плохо кормила свою прислугу. Что же? Андрей Ильич не принял ее подарка; все кадочки и мешочки вынес назад из своей хижины, куда их внесли, уложил на телегу и жестами давал знать, чтобы все это везли назад.

Кроме прозорливости, многие замечали в блаженном Андрее и другие необыкновенные дарования и свойства.

Так рассказывают, что Андрей Ильич иногда голыми руками вытаскивал из пылающей печи чугунные горшки, нередко целовал кипящий самовар, при чем случалось, весь обливался кипятком, и, однако ж, это нимало не вредило ему. Нередко целыми ночам простаивал он в снеговых сугробах. В таком положении не раз заставлял его пред алтарем Вознесенского собора духовник его, священник этого собора В. Я. Архангельский, когда приходил к утрени. Некоторые видели его также стоявшим в трескучий мороз в воде на озере Маришке.

Одну даму, любимую им, исцелил он коврижкой, и вот каким, образом; к этой даме шла знакомая ей бедная женщина для посещения, и, встретившись с Андреем Ильичом, умоляла его дать ей что-нибудь для исцеления любимой им Ф. И. Блаженный, подал этой женщине коврижку; больная, жестоко страдавшая перед этим бессонницей и признанная врачами безнадежною, отведав этой коврижки, вскоре заснула, а затем оправилась и выздоровела.

Близ хижины, в коей проживал Андрей Ильич с сестрою, жила на дворе одна престарелая нищая, одержимая нечистым духом. В припадке беснования старуха эта кричала, что тяжело ей в присутствии блаженного Андрея и чтобы ушел он куда-либо из дома; а он, говоря, не внимая этому, иногда совал ей, что

поднимал с полу, и она успокаивалась.

В постоянном подвиге и всевозможных лишениях прожил Андрей Ильич 78 лет. Пред своей смертью от телесной слабости и изнеможения, он слег в постель (21 ноября 1841 г. по ст.ст.). Заслышав о его болезни, народ во множестве стекался к нему как бы за благословением и напутствием для жизни, считая за великое счастье поцеловать его руку. Без всякого зова перебивало у него за это время также почти и все городское духовенство. 23 ноября он пожелал в последний раз причаститься Св. Таин. В этот день после ранней литургии духовник его о. В. Я. Архангельский прибыл со Св. Дарами в карете, любезно предоставленной для этого глубокой почитательницей Андрея Ильича Екатериной Алексеевной Столыпшиной. После исповеди с редким благоговением причастился Андрей Ильич Св. Таин. По свидетельству очевидца, в это время на лице его отражалась неземная радость. Во время приобщения, одна из присутствующих, опасаясь, чтобы Андрей Ильич не подтолкнул и не пролил Св. Дары, хотела было держать его руки, которыми он, обыкновенно, размахивал; но духовник блаженного остановил ее, заметив, что «бояться нечего». Вечером того же 23-го ноября над ним совершенно было таинство Св. Елеосвящения, во время которого он, находясь на своем ложе, держал свечу сам, а когда духовник подносил ему Евангелие, с необыкновенным чувством брал его обеими руками и крепко прижимал к своим устам. Пред кончиною почти всю ночь духовник провел у постели его и вслух умиравшего читал акафист Успению Богоматери, а потом и отходную, вслед за которой, а именно в 4 часа по полуночи 28 ноября по ст.ст. (10 декабря по н.ст.) 1841 года (так время кончины Андрея Ильича было означено на чугунной могильной плите) блаженный тихо и безболезненно скончался.

Кончина старца взволновала не только жителей города, но и народ из окрестных селений на значительное расстояние. Стечение к хижине его людей всякого сословия было чрезвычайное. Улица была запружена экипажами; все стремились отдать последний христианский долг усопшему. Полиция и жандармы оберегали вход в тесную хижину, где покоились останки блаженного, впуская народ по очереди. Возможность заказать гроб для покойного

почиталась за счастье и честь, и оспаривалась многими его почитателями. Право это было предоставлена одному столяру, который, по словам племянницы Андрея Ильича, еще за несколько лет ранее в ноги кланялся, чтобы никому не заказывали, кроме него, гроб для блаженного. Рубаха для усопшего была сшита сестрами Андреевыми; они же надели на него старинный 8-ми конечный позолоченный медный крест (сведения эти заимствованы из рукописи г-жи фон-Руммель). Другие принадлежности для погребения, как то: бархат для обивки гроба, дорогие покровы (всего три), множество подсвечников с большими и тяжеловесными свечами - все доставлено было от своего усердия богатым купечеством и знатным дворянством.

В богатом гробе, в обычной длинной рубахе и босой, как ходил

при жизни, Андрей Ильич покоем 5-ть суток в своей маленькой тесной хижине. День и ночь без перерыва здесь служились панихиды и толпился народ. 3-го декабря ст.ст. останки блаженного торжественно были перенесены, с благословения симбирского архиепископа Анатолия, в Вознесенский собор ко всеобщему бдению, по совершении которого, затем во всю ночь при гробе были отправляемы панихиды. Однако шесть суток прощания с покойным, сначала при невыносимой духоте и жаре в его хижине, а потом в теплом храме, не имели влияния на тело умершего. Тление не

касалось блаженных останков, и запаха не было. Старец покоем с выражением умиления и радости на лице, что в совокупности еще сильнее подогревало народное благоговение, и окончательно

подтверждало всеобщее признание его праведности. В день погребения Литургию совершал ректор духовной семинарии архимандрит Гавриил, сказавший одушевленное слово. К отпеванию же собралось до 30-ти городских священников и много сельских.

Из церкви, по окончании отпевания, гроб вынесли диаконы, передавшие его потом народу, которого, несмотря на холод и гололедицу, собралась необъятная толпа. Толпа эта заключала в себе всех выдающихся по положению граждан из купеческого и дворянского сословия, которые, наперерыв один перед другим, несли дорогой гроб на своих плечах в преднесении хоругвей и при колокольном звоне, на расстояние более версты до самой могилы, приготовленной, с разрешения Высокопреосвященного Анатолия, в Покровском монастыре, где обыкновенно погребались лишь люди знатные. (Видные представители города, просили разрешения у Высокопреосвященного положить останки блаженного около находящегося в центре Симбирска Вознесенского собора, но такового разрешения, как не соответствующего распоряжениям Правительства о запрещении погребении умерших в черте города, владыка дать не смог).

Один из дорогих покровов народ домогался разорвать на лоскутки в воспоминание покойного, но это не было допущено полицией. Вообще, по описанию очевидца, при погребении и выносе блаженного только тот из жителей города оставался в своем доме, кому не было возможности сделать и одного шага. Даже закоренелые раскольники разных сект решились присутствовать в церкви во время литургии и погребального чинопоследования, и с благоговением проводили гроб до места погребения.

Могила Андрея Ильича находилась на южной стороне монастырского храма, около южной стены. Вскоре после погребения Андрея Ильича на ней положен был камень в виде гроба, а на камне чугунная плита с надписью о происхождении, времени рождения и кончины его. В таком виде могиле блаженного сохранилась до 1893 года, когда, по мысли и почину Преосвященного Симбирского Варсонофия, на пожертвования благотворителей из симбирских граждан поставлен над нею прекрасный

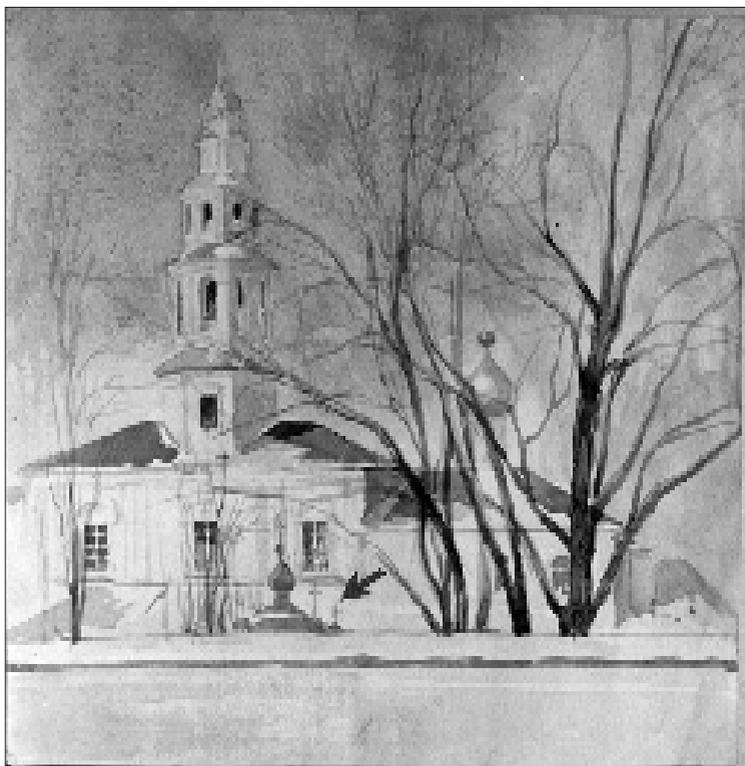

чугунный памятник (весом до 400 пудов) с находящемся внутри его живописным изображением блаженного, списанным с имевшегося у бывшей игуменей Спасского женского монастыря Евфросинии портрета.

История сооружения, и постановки памятника на могиле блаженного была рассказана достоуважаемым о. ключарем Симбирского Кафедрального собора протоиереем М. Ф.. Троицким, принимавшим, по поручению Преосвященного Варсонофия, ближайшее и самое деятельное участие в осуществлении этого дела, и в кратком виде заключается в

следующем. Преосвященный Варсонофий с личностью Андрея Ильича по рассказам очевидцев знаком был значительно ранее поступления своего на Симбирскую кафедру, а именно в начале пятидесятих годов 19-го столетия. Обучаясь в Казанской духовной академии, он несколько раз возвращался через г. Симбирск на родину в Тамбовскую губернию на каникулы. Во время этих-то временных остановок в Симбирске Преосвященный и имел возможность слышать рассказы о жизни и подвиге только что почившего тогда блаженного от жителей г. Симбирска, заронившие в его душу первые семена того благоговейно почтительного отношения к памяти Андрея Ильича, которое с особенной силою обнаружилось в позднейшее время службы этого архипастыря в Симбирске. Несомненно, что рассказы о блаженном глубоко запечатлелись в его памяти, а в душе тогда же созрела вера в блаженного, как в человека праведной жизни. Об этом может свидетельствовать то обстоятельство, что, проезжая

через Симбирск в бытность уже ректором Казанской семинарии, Преосвященный Варсонофий (тогда еще архимандрит), не преминул посетить Покровский монастырь с единственной целью помолиться на могиле Андрея Ильича. Таким образом, на Симбирскую кафедру Преосвященный вступил уже будучи искренним почитателем блаженного. Как следствие этого почитания у Преосвященного явилось настойчивое желание обновить обветшавшую могилу Андрея Ильича, и убогий памятник над нею заменить новым и ценным. Об этом Преосвященный неоднократно говорил о. протоиерею Михаилу Федоровичу Троицкому, исполнявшему тогда должность эконома архиерейского дома, но по разным причинам к исполнению заветного желания владыки приступили только в 1892 году, когда, с благословения епископа, инженером Михаилом Григорьевичем Алякринским безвозмездно был изготовлен проект памятника в виде ажурной чугунной часовни с золочеными главками. Была открыта подписка на расходы по сооружению его и, наконец, заказан был на механическом заведении Н. В. Голубкова и сам памятник. Мысль владыки о постановке нового памятника над могилой блаженного была принята жителями г. Симбирска с живейшим интересом и участием. В короткое время собрана была сумма, вполне достаточная на расходы по исполнению этого дела, определившиеся, по окончательном устройстве памятника в сумме 2791 р., большую часть которой (1864 руб. 74 коп.) покрыла своими личными средствами известная симбирская благотворительница Анастасия Александровна Кирпичникова, сама родившаяся в год кончины блаженного, и после своей смерти в 1918 г. погребенная невдалеке от часовни почитаемого ею старца. Когда пришло время для постановки памятника очистить место над могилой и вскрыть ее, Преосвященный сам назначил для этого день и час; но во избежание стечения массы людей и вполне возможного народного возбуждения, приказал хранить это в тайне. К назначенному времени владыка явился в Покровский монастырь и, при участии членов Консистории и монастырской братии, совершил панихиду. В ожидании разрытия могилы, Преосвященный остался в находящихся при монастыре своих покоях. Ворота монастыря были заперты, и очень немногим, кроме работавших,

пришлось быть при вскрытии могилы. При раскопке могилы земля оказалась настолько сильно пропитанной водой сверху до свода склепа, что представляла собою местами грязь (особенная сырость места объяснялась стоком на могилу дождевой воды с крыши храма), а самый кирпичный свод склепа до того размяк и разложился от сырости, что буквально обратился в глину. По очищении земли со свода склепа, к могиле блаженного вновь явился Пресвященный и, в его личном присутствии, свод склепа был разобран. Присутствовавшие увидели обитый фиолетовым бархатом и серебряным позументом гроб, поставленный вплоть к южной стене храма. При этом все обоняли, исходящую из могилы

благоухание. Желая проверить действительность последнего явления, каждый из присутствовавших старался сверить свое впечатление с впечатлением других бывших при этом лиц, и торжественность испытанного ощущения вполне подтвердила наличие указанного явления,

Для утверждения основания под памятник гроб блаженного пришлось передвинуть на середину могилы. Это исполнил о. протоиерей Михаил Троицкий с иеромонахом Виссарионом. Несмотря на сырость могилы, гроб оказался настолько сохранившимся, что даже деревянные посеребренные ножки под ним остались целыми, и потому перестановка его на середину могилы и затем, после утверждения основания для памятника, на прежнее место, совершилась без всякого повреждения. Несколько загнившим найдено дерево лишь сверху той части гроба, где должны были находиться ноги усопшего.

Преосвященный Варсонофий имел сильное желание вскрыть гроб, но отчасти под влиянием необъяснимого страха и отчасти по соображениям предосторожности не решился на это.

Предусмотрительность побудила Преосвященного оставить могилу блаженного только тогда, когда над гробом был сделан новый свод. После надлежащей подготовки основания, в скором времени был поставлен над могилой блаженного и изготовленный новый памятник, имеющий напоминать последующим поколениям в благочестивое назидание о подвижнике юродивом, и свидетельствовать о благоговейном почитании его памяти согражданами.

Велик и труден подвиг юродства. Это один из самых труднейших подвигов христианской жизни, который очень немногие из святых принимали на себя. В самом деле: обладать богопросвещенным умом, а между тем казаться для людей лишенным даже простого здравого смысла, быть в душе молитвенником и горячим служителем Христа, на деле же вовсе не казаться таковым, а казаться скорее, человеком праздным, бездельным. Быть достойным всякого уважения, и вместо этого быть презренным, возбуждать других к смеху и насмешкам над собою, — что может быть труднее этого? Это значит совершенно забыть себя, в собственном мнении лишить себя всякого значения,

всякого достоинства в среде разумных созданий; это значит — прямо отдать себя на поругание, прямо считать себя достойным одних этих поруганий. Да, в этих людях в высшей степени проявляется самоотвержение, какое требуется от христианина. Они крестоносцы по преимуществу, так как по доброй воле, по собственному избранию, единственно из любви к Господу несут самый трудный и тяжелый крест... Вера народная присвоила Андрею Ильичу именование «блаженный» — и не напрасно, ибо вся его жизнь есть постоянный подвиг духовной нищеты, несущие которой названы блаженными, по принадлежности им Царства Небесного, Самим Господом Нашим Иисусом Христом, изрекшим: «Блаженны нищие духом, яко тех есть Царство Небесное».

Во время десятилетий воинствующего безбожия на Святой Руси в годы большевистского правления могила блаженного старца, как и все кладбище на территории Симбирского Покровского мужского монастыря, да и сама обитель были уничтожены и сметены с лица земли. В 1950-е года на месте монастыря был разбит сквер, где была сохранена лишь одна могила - место последнего упокоения действительного статского советника, директора народных училищ Симбирской губернии и многих орденов кавалера И.Н. Ульянова, имевшего несчастье стать отцом одного из самых ярых богонена-вистиков и бунтарей во всей российской истории В. Ульянова-Ленина. А могила Андрея Ильича оказалась сокрытой под одной из асфальтовых дорожек этого сквера.

Но память верующего народа сохранила имя Блаженного Андрея не смотря ни на что. И именно она, эта память, понудила епархиальные власти в канун 150-летия со дня смерти старца в начале осени 1991 года организовать работы по поиску места упокоения симбирского праведника. В результате проведения этих работ была обретена могила Андрея Ильича и его честные останки. После проведения экспертизы, подтвердившей принадлежность мощей Блаженному, они были положены в новый гроб и в воскресенье, 8 сентября, после совершения Божественной Литургии в кафедральном храме, в городском сквере состоялось захоронение останков блаженного Андрея в его же склепе.

Сотни верующих собрались к двум часам пополудни к месту, где земля ранее скрывала прах старца.

С о б о р о м городского духовенства была отслужена панихида, которую в отсутствие правящего архиерея, Преосвященного Прокла, по его благословению возглавил митрофорный протоиерей Борис Крыжин. Пел церковный хор, но его усилило многоголосое пение пришедших сюда православных симбирян.

Божия Милость была явлена Андрею Ильичу и на сей раз. За полчаса до начала панихиды небо заволочло тучами и неожиданно хлынул ливень с градом. Конца ему, казалось, не будет. Но едва гроб с мощами старца был принят на руки священством из машины, доставившей его к месту погребения, дождь сразу стих и засияло яркое солнце.

На протяжении всей панихиды и погребения небесное светило согревало своими лучами это благодатное место. Едва был установлен крест на могиле и после краткой заупокойной литии народ Божий стал расходиться, вновь сошлись тучи, и пошел

дождь. Это событие еще раз подтвердило уверенность людей в святости старца.

С этого дня на могиле блаженного Андрея никогда не исчезали

свежие цветы. Православные верующие красили ограду, покрывали лаком крест, ухаживали за могилкой. Городское общество слепых установило в ограде латунные цветочные вазы, кто-то на кресте укрепил фонарь-часовенку с негасимой лампадкой. Некий благодетель принес сюда изготовленный им самим большой подсвечник. Духовенству оставалось лишь следить за тем, чтобы время от времени подсыпать могильный холмик и обкладывать его новым дерном по причине того, что молящиеся разбирали землю с могилки блаженного.

К могиле Андрея Ильича все шли и шли молодые и пожилые, приходили за благословением старца новобрачные.

Постоянно у могилы можно было видеть верующих людей, пришедших помолиться у этой городской святыни, чтобы найти здесь душевный покой, утешение и помощь. Сюда ехали паломники из соседних областей, сюда же вели гостей города нынешние симбиряне. Десятки и десятки документально зафиксированных случаев исцелений и помощи по предстательству пред Богом блаженного Андрея Ильича легли

в основу материалов о симбирском праведнике, переданных в Комиссию по канонизации святых при Священном Синоде Русской Православной Церкви.

Со 2 по 4 июня 1998 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II состоялись торжества

прославления
в л и к е
местночтимых
с в я т ы х
Симбирской
епархии Христа
ради юродивого
блаженного
А н д р е я

(Огородникова).

У ч а с т и е в
к а н о н и з а ц и и
п р и н я л и, к р о м е

правлящего симбирского Преосвященного архиепископа Прокла, архиепископ Чебоксарский и Чувашский Варнава и архиепископ Саранский и Мордовский Варсонофий. Более сотни священников не только из Симбирской епархии, но и из соседних областей и республик, а также из Москвы и других городов России, около десяти тысяч православных верующих из Ульяновской области и других мест разделили с симбирянами великое торжество прославления в лике святых первого угодника Божия земли симбирской.

С тех пор святые мощи Блаженного Андрея покоятся во

Всехсвят-ском храме города Ульяновска. К ним идут и едут многочисленные паломники со всех мест нашей православной Родины. У этой великой святыни совершаются чудеса, здесь находят успокоение мятущиеся души, сюда за помощью небесного покровителя града Симбирска спешат верующие, здесь врачуются душевные и телесные недуги.

Учитывая не прекращающееся и все увеличивающееся народное почитание святого блаженного Андрея, многочисленные случаи чудес и исцелений у его святых мощей, исходя из ходатайств многих правящих архиереев Русской Православной Церкви, Освященный Архиерейский Собор РПЦ, состоявшийся в Москве в октябре 2004 года, определением своим причислил к лику общецерковных святых и включил в Месяцеслов Русской Православной Церкви имя святого Блаженного Андрея Симбирского, Христа ради юродивого.

Святой Блаженный Андрей, Христа ради юродивый, Симбирский чудотворец, прославлен в лике местночтимых святых Симбирской епархии по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II 3 июня 1998 года. Освященным Архиерейским Собором в 2004 году святой Блаженный Андрей Симбирский был причислен к лику общецерковных святых.

Память святого Блаженного Андрея совершается 21 мая (3 июня по н.ст.) в день обретения его святых мощей и прославления и 27 ноября (10 декабря по н.ст.) в день праведной кончины святого.

Житие святого праведного Алексия Бортсурманского,
иерея с. Бортсурманы
Курмышского уезда Симбирской губернии
(ныне Пильнинского района Нижегородской области).
Годы земной жизни его с 1762 г. по 1848 г.

Почитание священника Успенского храма с. Бортсурман иерея Алексия Гневушева как человека праведного, угодного Богу служителя Алтаря Божия и наделенного Господом многими

духовными дарами корнями своими восходит еще ко времени земной жизни ныне прославленного святого. А посему и следует уделить место описанию земного бытия этого подвижника земли Симбирской.

Родился будущий иерей Божий в семье простого сельского священника Петра Гневушева 13 мая 1762 года (ст.ст.). Сведений о детстве и отрочестве праведника до нашего времени не дошло. Однако, следует с большой долей уверенности утверждать, что жизнь отца Петра мало чем отличалась от жизни простого сельского пастыря того времени. Как и всякому представителю духовного сословия дореволюционной Руси, особенно несущего свое служение в обычном сельском приходе, родителю будущего угодника Божия приходилось самому обеспечивать достаток в своей семье. Для этого он был вынужден заниматься всеми видами труда простого крестьянина-труженика - засеивать поле, заниматься садоводством и пчелничеством, ухаживать за скотиной, пахать, заготавливать корм и выполнять множество иных работ, присущих обычному крестьянину. Очевидно, что и сын его, Алексей, также с измалства был приучен к труду хлебороба. Именно эта привычка батюшки с малолетства заниматься крестьянским трудом так удивляла потом многих его почитателей, видящих, с каким усердием и любовью занимался отец Алексей всей домашней работой, трудился в саду и на пчельнике, до самого почтенного возраста не оставляя эту свою привычку к физическому труду.

Известно, что в 1784 году, в возрасте двадцати двух лет, Алексей Гневушев оставляет обучение в Нижегородской духовной семинарии. Судя по возрасту, к этому времени он уже успел окончить курс духовного училища. Что стало причиной того, что Алексей не завершил семинарского образования, доподлинно не известно. Однако, судя по многочисленным примерам того времени, следует отнести эту причину к факту недостатка средств в семье отца, что и не позволило Алексею Гневушеву получить законченное богословское, или, как тогда говорили, риторическое образование. Но и тех знаний, которые он успел получить в семинарии, оказалось достаточно для того, чтобы стать священнослужителем. В том же 1784 году в жизни будущего пастыря произошло два значимых события. Он женился на дочери

священника села Старинского Сергачского уезда Нижегородской губернии и вскоре после этого был рукоположен в сан диакона епископом Нижегородским Дамаскиным к Успенскому храму села Бортсурманы. В этом храме и будет совершать свое служение

будущий праведник на протяжении почти шести десятилетий!

В сане диакона отец Алексей прослужил тринадцать лет. За это время у него с матушкой Марией Борисовной, женщины достойной своего супруга во всех отношениях, благочестивой и трудолюбивой, в семействе появились дети - сын Лев и две дочери, Надежда и Татьяна. Впоследствии в семье отца Алексея нашла себе приют и осиротевшая его крестница Матрена. Затем в доме отца Алексея жил и его родной брат, заштатный диакон Александр Петрович, который под

старость сошел с ума и доставлял батюшке большие хлопоты и неприятности своими выходками. Однако милосердный пастырь смирялся со всеми стеснениями, испытаниями и искушениями в своей жизни, оставаясь терпеливым и спокойным не смотря ни на что. 28 ноября 1797 года Преосвященным Павлом, епископом Нижегородским, диакон Алексей Гневушев был рукоположен в сан священника и оставлен на настоятельской должности в том же храме села Бортсурманы.

Для того, чтобы описывать дальнейшее житие сего святого иерея Божия, следует несколько времени уделить описанию нравственного и морального состояния всего общества того времени, и в особенности той его части, в окружении которой и нес свое служение отец Алексей.

Свое служение в Бортсурманах еще в сане диакона отец Алексей начал в 1784 году, когда всю Россию, особенно в части высшего, дворянского, сословия поразило религиозное вольнодумство. Эта духовная зараза пришла в православную Русь вместе с атеистической французской философией, начав растлевать вековые устои и моральные ценности государства Российского. Это станет в дальнейшем основой для возникновения масонских декабристских выступлений 1825 года, псевдо-народничества середины века и богоотрицания Л. Толстого и иных предст-авителей наиболее “про-грессивной” части рус-ской интеллигенции. В приходе села Бортсурман проживало семь поме-щичьих семейств, да и в окрестных селениях было немало местных “дворян-ских гнезд”. По роду своего служения, посещая эти семейства, бывая на помещичьих собраниях, молодой тогда еще отец Алексей был вынужден слышать огромное коли-чество модных в то время безбожных речей, изде-вательств над верой и быть свидетелем безнрав-ственных поступков. Нельзя даже предположить, что все это не оставляло в душе молодого священнослужителя своего тлетворного следа. Ведь, как уже было сказано, богословского образования отец Алексей не получил, а поэтому простодушной, детской вере его необходимо было подкрепление святоотеческим учениям, более глубокое знание Писания и догматов Церкви. Именно тогда в библиотеке Успенского храма появляются четьи-минеи, творения святых отцов, а келейными книгами батюшки становятся Синодальное издание Библии и собрание святоотеческих поучений. Отец Алексей искал ответы на те вопросы и сомнения, которые стали посещать его верующее сердце после подобных встреч со своими “продвинутыми” в теософии духовными чадами. Он жаждал откровений свыше. Именно об этом батюшка и писал в своем дневнике. Он писал о потребности в особом Божественном откровении для уверения в догматах воплощения Сына Божия, преосуществления хлеба и

вина в Тело и Кровь Спасителя и в отношении других важнейших учениях христианского богословия. О, сколько будет этих откровений в дальнейшей жизни этого казалось бы обычного сельского пастыря!

Но сначала случилось самое первое откровение, перевернувшее не только мировоззрение и отношение священника к своему собственному служению, но и саму жизнь отца Алексия. Как уже было сказано, вольнодумство той эпохи, отсутствие необходимого образования и соблазны, исходящие от его окружения, способствовали тому, что отец Алексей в первое время своего пастырского служения не отличался особой строгостью жизни и ревностью служения. Но, случай, произошедший с молодым тогда еще священником, стал воистину переломным моментом всей его жизни. Господь внял молитвам и искренним желаниям отца Алексия, а также насущной его духовной нужде, и явил ему Свое откровение. Произошло же следующее.

Однажды ночью в дом отца Алексия постучали. Это были жители соседней с Бортсурманами деревни, которые приехали за священником чтобы тот исповедовал, причастил и напутствовал в жизнь вечную умиравшего в том селении крестьянина. Однако поднятый пришедшими с постели отец Алексей осерчал на гостей и отчитал их за то, что побеспокоили его среди ночи напрасно. Со словами о том, что больной наверняка проживет до утра и дождется священника, отец Алексей отправил пришедших восвояси. Однако после того, как нежданные гости покинули его дом, священник уже не смог вновь уснуть. Мысль об умирающем прихожанине не давала батюшке покоя. Ведь, согласно правил и обычаев Церкви, священник должен был даже оставить служение Литургии ради того, чтобы напутствовать умирающего православного христианина. Смерть же без исповеди и последнего Причастия всегда считалась постыдной и несправедливой. Встав с постели, священник все же отправился в соседнюю деревню. Однако, войдя в дом болящего, он уже не застал его в живых. Покойный уже лежал на лавке под образами, и мерцающая лампада освещала его мертвое лицо. Но то, что увидел священник у изголовья умершего, поразило отца Алексия словно громовой раскат! У одра отошедшего в мир иной человека стоял Ангел, державший в руках

своих Чашу со Святыми Дарами. Господь не попустил смерти своего истинного чада без доброго напутствия из-за нерадивости священника, и послал Ангела Своего для причащения умиравшего Святых Своих Таин! Видение так подействовало на отца Алексия, что, упав на колени у тела почившего, он целую ночь провел в истовой молитве о спасении души как своей, так и умершего своего единове́рца. Утром батюшка вернулся домой. Но это уже был совсем иной человек! Божественное Откровение, которого он так долго желал, было ему явлено. Да так, что все сомнения и заблуждения разом отпали, обнажив и открыв перед духовным взором священника ту бездонную пропасть, в которую он уже начал падать по своему духовному нерадению и своемыслию. С этого дня отец Алексий уже без каких либо рассуждений отдался полностью служению Богу и Его Церкви, заботе о пастве и храме. Именно с этого дня началась его праведная, святая и подвижническая жизнь, которая была таковой до самой кончины батюшки.

Желание постоянного общения с Богом привело к тому, что отец Алексий стал служить Литургию почти каждый день. Молитва, переставшая быть обязанностью, а сделавшаяся радостью и духовной необходимостью, занимала все свободное время священника. Его молитвенное правило было похожим на монастырское: в полночь он вычитывал полунощницу, затем 12 избранных псалмов, житие святого, память которого приходилась на этот день и поучение на тот день из Пролога. Утром, после молитв утренних, батюшка читал часы, акафист преподобному Сергию Радонежскому, или великомученице Варваре, или святителю Митрофанью Воронежскому. В полдень отец Алексий прочитывал 4 кафизмы из Псалтири, а вечером канон Спасителю с акафистом, канон святому Ангелу Хранителю и молитвы на сон грядущим. Кроме этого большого молитвенного правила, священник клал поклоны с Иисусовой молитвой, что совершал и ночью при каждом пробуждении. Вообще же всех поклонов батюшка в течении суток совершал более полутора тысяч.

Пищу отец Алексий до глубокой стрости вкушал самую простую, да и ту всего лишь один раз в день. Только в первый день Святой Пасхи батюшка делал себе послабление и вкушал вечером

освященное яйцо. Мясо в пищу праведник не употреблял вовсе, а из скоромного ел только рыбу и молоко. По средам и пятницам он не вкушал горячей пищи. В посты масло постное позволял себе лишь в субботные и воскресные дни. В первую и последнюю седмицу Великого поста никто из домашних не знал, чем батюшка питается - в эти дни по его же распоряжению никто никакой пищи ему не подавал и не приносил.

Б о р я с ь с
искушениями плоти,
отец Алексей до
глубокой старости не давал телу своему покоя ни днем, ни ночью. Однажды, когда батюшка был уже весьма в преклонных годах, его крестница, крестьянка Евфимия Аникичева (ей еще в день крещения старец предсказал долгую жизнь в девичестве до конца дней), работавшая в прислугах у внучки отца Алексея, заметила как-то кровь на одежде священника. Ее сильно заинтересовало, откуда эта кровь могла появиться. Оставшись однажды ночевать в доме батюшки, она решила рассмотреть, что же такое всегда лежит в ногах у старца прикрытое грубой дерюгой. Мучимая любопытством, она потихоньку подошла к спящему батюшке и приподняла край дерюги. Под ней Евфимия увидела большой камень, о который, вероятно, во время молитвы и разбил до крови ноги свои отец Алексей. Тихонько, чтоб не разбудить спящего, девица накрыла вновь камень дерюгой, и отошла от

постели. Каково же было ее удивление, когда уже утром батюшка призвал ее к себе и начал мягко выговаривать и порицать: “А ведь ты, Афимьюшка, согрешила этой ночью! Любопытство - грех, и никогда не следует пытаться узнать то, что скрывают!” При жизни своей, для усмирения плоти, батюшка тайно под верхней одеждой носил власяницу. Эта власяница после смерти праведника была принесена неким странником в Симбирск и передана управляющему тогда Симбирской епархией Преосвященному Феодотию.

О силе молитвы батюшки и его молитвенном усердии может свидетельствовать следующий случай. Одна старушка из соседней с Бортсурманами деревни пришла Великим Постом в церковь ко всенощной. Из-за ранней весны была большая распутица, а поэтому и добираться ей обратно до дому с тем, чтобы утром опять успеть в храм к Литургии, было весьма затруднительно. Вот женщина и напросилась в дом отца Алексея переночевать. Ночью старушка, проснувшись, заглянула через приоткрытую дверь в келию отца Алексея и увидела, что батюшка стоит на коленях перед аналоем, молится и усердно кладет поклоны. В келии было полутемно, горела лишь лампадка перед образами, и была видна лишь фигура молившегося старца. Женщина вновь прилегла, и стала размышлять о том, что батюшка все же очень долго молится. Ведь ему пришлось каждый день совершать утомительные для тела великопостные службы, так он и ночью не дает себе покоя. С этими мыслями женщина и уснула. Проснувшись внезапно вновь, она со страхом заметила, что келия батюшки залита каким-то необыкновенным ярким светом, а сам отец Алексей с воздетыми вверх руками весь светится и, отделяясь от пола, несколько возносится вверх! При виде всего этого, женщина в испуге закричала во весь голос. Свет тотчас исчез, батюшка опустился на пол, подошел к ней и стал успокаивать. Также он просил старушку никому ничего об увиденном не говорить. Долгие годы она хранила обещанное старцу молчание, и лишь после его кончины рассказала о виденном ею чудесном явлении.

Все свободное от церковных служб и треб время отец Алексей всецело посвящал приходившим к нему людям. К нему, видя праведное его житие, стали приезжать за советом и утешением не

только его прихожане, не только жители окрестных сел и деревень, но и народ из соседних уездов и губерний. Кто бы не приходил к нему, всех батюшка принимал с радушием и любовью. Для него не было богатого или бедного, знатного или убогого. Для всех двери его дома были всегда открыты. С чем бы не приходили к нему люди - с горем ли, нуждою, несчастьем или болезнью - никто не оставался без батюшкиного совета, утешения или помощи. В своем дневнике, частично дошедшем до нашего времени, отец Алексей писал о том, что Господь по милосердию Своему дал ему особые дары: “Потом же даде (мне) премилостивый Бог благодати дар целения и дар пророчества отчасти, дар целения Божией Милостию и помазанием елеем от образа Пречистыя Богородицы”. Тут же праведник записал и несколько случаев исцелений, совершенных им по воле Божьей: “Исцелил села Бортсурман у крестьянина Павла Иванова жену Наталию от немого беса и проглаголала. Сельца Рословки госпожи Горской крестьянина Иллариона Алексеева сына Никифора и оздорове”. В другом же месте дневника можно прочесть следующие строки: “Даде (мне Бог) дар целения - нынешнего года 1811 месяца мая исцелил благодатию и помощью Божией и Пречистыя Божия Матери и всех святых села Бортсурман господина гвардии поручика Сергея Петровича Пазухина. Крестьянина Петра Алексеева, да сельца Рословки господина губернского секретаря Василия Яковлевича Толстого, крестьянина Григория Вавилова жену Параскеву помазанием елеем от образа Пречистыя Божия Матери от немого беса и проглаголала (заговорила) в июне месяце 11 числа”.

Больных и немощных батюшка исцелял своей молитвой. Печальных и унылых утешал отеческим советом и Словом Божьим. Если кто решался предпринять кое-что важное в жизни или совершить значимое дело - таковых отец Алексей либо благословлял на это, либо отговаривал - смотря что дано было знать ему об этом свыше. Иногда приходилось ему пришедших наставлять и вразумлять, но всегда делал это батюшка с кротостью, любовью и состраданием. И люди его безоговорочно слушались, настолько были слова его тверды, уверенны и одновременно сказаны по-отечески с любовью и верой в промысл Божий.

Единственно, к кому батюшка был непреклонно строг и суров, так это колдуны, ворожен, знахари и предсказатели. Таковых батюшка всегда порицал и обличал, что также делал и в отношении также и тех, кто прибегал к услугам этих злоторителей. Не нуждаясь в чем либо особом по причине крайнего своего нестяжания и скромности жизни, отец Алексей часто сам одаривал приходивших к нему чем мог. С бедных и неимущих он ничего не брал даже за совершение треб. Если же ему приносили деньги богатые его почитатели, то часть этих средств батюшка отдавал на украшение Бортсурманского храма, а другую расходовал на помощь нуждающимся. Бедным он также раздавал приносимые ему холсты и вещи, одаривал их лаптями, которые сам же и плел, сидя на лавочке около своего домика после обедни. При этом рукоделии по привычке своей отец Алексей напевал вполголоса “Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть...”. Часто прихожане отца Алексея после постигшего их несчастья или каких-либо бедствий - пожара, падежа скота или иных напастей - находили у себя неизвестно кем оставленные или подкинутые деньги. И лишь однажды в приходе батюшки застали самого священника, клавшего тайно на оконницу погорельцам узелок с деньгами. Долго еще даже после кончины отца Алексея в приходе его поминали как “жалостливого ко всем бедным” священника.

В ходе сего жизнеописательного повествования уже неоднократно упоминался дневник, который вел отец Алексей. Эти записки интересны и важны для потомков не только как описание праведником своего бытия, но и по иной, более значимой причине. Именно на этих страницах священник описывал великие откровения, знамения и видения, которых удостоивал его Господь и Пресвятая Богородица. В житиях великих святых нашей Церкви мы с благоговением можем прочесть о явлениях, которые по милости Божией были дарованы сим угодникам Божиим. Начав от праотца Авраама, которому явилась Святая Троица под дубом Мамврийским до св. преподобного Александра Свирского, который также был удостоен явления Троичного Божества во всех Своих Ипостасях. Как не вспомнить преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского, которые как награду за богоугодное житие свое были почтены явлением Пресвятой

Матери Божией? И с каким удивлением, душевным трепетом и умилением мы можем прочесть в дневниках Бортсурманского праведника, нашего по сути земляка, о тех чудесных видениях и явлениях, которыми почтен был он Бога! Таковых чудесных случаев в дневниках старца описано более шестидесяти! Когда в 1913-1914 годах специально созданная комиссия Симбирской Духовной Консistorии выезжала в Бортсурманы для изучения имевшего место уже в то время особого почитания в народе памяти иерея Алексея Гневушева, то именно тогда страницы из дневника батюшки были впервые изучены и описаны. И тогда же опытные протоиереи, члены Консistorии, прочитав строки этих записок, были столь поражены описанием видений и откровений, что сделали вывод: “все описанные в дневнике видения и откровения о. Алексею искренно признавались им как явления реальные, что после описания какого либо видения он иногда прибавляет, что все написанное им истина - “и не лгу”, и он действительно не лгал”, все же попытались приписать все это тому, что священник “находился в постоянном религиозном экстазе, слишком глубоко и сердечно переживал все им прочитанное и встречающееся в повседневной жизни, чувствовал себя под постоянным непосредственным водительством Св. Троицы”. Действительно, иногда трудно поверить, что человек может находиться под таким постоянным водительством Божиим! Когда чуть позже будут процитированы некоторые отрывки из дневников, благочестивый читатель этих строк сможет понять возможно и ту причину, по которой Духовной Консistorией было сделано указание: “предавать гласности этот дневник чрез какой либо печатный орган следует считать неудобным во избежание могущих возникнуть по поводу этого дневника соблазнительных толков, а поэтому печатание дневника в каком бы то ни было органе или отдельным изданием нужно безусловно воспретить и признать его документом секретным”. Дневник этот мог свидетельствовать лишь об одном - о богоизбранности иерея Божия Алексея Гневушева, а поэтому и огласка его с доведением до широкой публики не дожидаясь времени прославления Бортсурманского праведника в лике святых допущена быть не могла. И ныне, когда имя этого угодника Божия уже вписано в

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or manuscript. The text is densely packed and spans the entire page, though it is significantly obscured by dark, irregular shadows and artifacts, particularly in the lower half. The visible portions of the text are difficult to decipher due to the poor condition of the scan and the nature of the original document.

великий сонм Российских святых, мы можем опубликовать хотя бы часть из собственноручных писаний праведника.

Есть и еще один момент, который также необходимо учесть. До нашего времени сохранилась лишь часть дневников отца Алексия, содержащаяся в трех отрывках. Видимо, имеющийся ныне в нашем распоряжении документ весьма не полон, и по зафиксированным в нем датам относится лишь к первой четверти 19-го столетия. Судить о содержании несохранившихся частей весьма затруднительно. Но доподлинно известно лишь одно. Зная, что все описанное на страницах дневника для человека неподготовленного, а может быть и маловерного, может стать соблазном, отец Алексей еще при жизни своей завещал передать эти рукописные страницы лишь тем из своих потомков, кто будет облечен священным саном. Мало того - по некоторым сведениям он собственноручно положил дневник под престол Бортсурманского храма. Оттуда его мог достать действительно лишь священнослужитель. Но именно благодаря этому мы сегодня и можем прочесть эти строки. Сын отца Алексия Лев стал священником и наследовал дневник отца. Кстати, саном Лев был удостоен по молитвам отца. И это тоже можно прочесть в дневнике! “В 1820 году молился я, грешный и окаянный, о сыне моем Льве, дабы посетил его Бог во священника. Это и открыл Бог мне грешному, что “Услышана молитва твоя” и посети его милостивый Бог в село Деяново”. Так, по молитвам своего праведного отца и стал Лев Алексеевич Гневушев священствовать в соседнем с Бортсурманами селе Деяново. Священником был и муж родной внучки отца Алексия от старшей дочери его Надежды. Именно этому священнику, о. Павлу Вигилянскому, и передал Бортсурманской приход отец Алексей, когда в возрасте 77 лет, за девять лет до своей кончины, ушел на покой. Вдова священника, правнучка о. Алексия, Мария Павловна Люцернова (дочь о. Павла Вигилянского) предоставила в распоряжение представителей Симбирской Духовной Консистории в 1913 году дневник святого праведника, который те, в свою очередь, и привезли в Симбирск. Именно М.П. Люцернова и сообщила о том, что “эти записки о. Алексием завещано словесно сохранить только в роде его, как бы в руководство и назидание тем из его

родственников-потомков, которые будут проходить иерейское служение”. Как уже было сказано, дневник сей был отнесен к документам секретным и помещен в архив Консistorии. Можно лишь чудом считать, что этот столь значимый документ сохранился на архивных полках до наших дней, и ныне мы можем привести его, хоть и частично, на страницах житийного описания святого праведного иерея Алексия Бортсурманского.

Приведенные в записках явления и видения, коими был удостоен отец Алексей, вероятней всего начались спустя 3-4 года после духовного переворота, произошедшего в жизни праведника. Не сразу после духовного преображения, случившегося у одра умершего прихожанина, отец Алексей стал удостаиваться чудесных явлений и дара исцелений. Естественно, он должен был выдержать не малую борьбу с собой, с искушениями и соблазнами мира, пройдя все это через покаяние, самоиспытание, самоуглубление - чтобы принять от Бога великие дары Его.

Первым из дошедших до нынешнего дня описаний видений, которыми был удостоен бортсурманский праведник, было явление ему Пресвятой Владычицы со многими святыми: “Богородицею и всеми святыми также, и жен праведных лики в своих образах, и Креста Причистого и Животворящего со славою небесною неизреченною. Свет же оный сниде с неба и паки взыде на небо”. И сразу после описания сего чудесного видения отец Алексей говорит на страницах дневника о тех искушениях, которыми диавол мстил праведнику за его приближение к Богу: “Диавол же попусти яд свой на меня, и погна крепко своими хитрыми и мерзкими стрелами, и уязвлял мою окаянную душу и тело. Я же, окаяннейший и грешный, от того времени много приходил и прихожу в уныние, отчаяние и объядение, сластолюбие и прочее. Нет от своих дел человеку спасения! Не может человек оправдаться сам собою, если не посетит его Человеколюбец Господь Бог и Спас наш Иисус Христос. О, сколь милосердие и человеколюбие Божии неизреченны!”. Но Господь не оставляет Своего раба и утешает его Своим посещением в трудные минуты духовной брани: “По некотором времени Сам прииде Спас мира Христос Господь, живой Бог и человек, сяде на престоле яко Царь в царской одежде. И сего мое бренное естество терпети

не могло и упал я...”.

Та борьба, которую вел в сердце своем отец Алексей, сражаясь с сатаной за бессмертную свою душу, подчас весьма изнуряла праведника, и ему иногда казалось, что плоть его не выдержит этого сражения, и душа покинет брненное его тело. Но Господь не оставлял Свое чадо и укреплял его веру: “Бог же, человеколюбивый Творец, не хочет нас погубить. Послал же ангелов Своих многих и херувимы поющих взять мою окаянную и грешную душу. Но посреди их (глас был) невидимого Иисуса, повелевающего меня оставить здесь в мире, и оставили”.

Как уже упоминалось чуть ранее, отец Алексей просил у Господа откровения и вразумления для того, чтобы уверится в непреложной истине преосуществления хлеба и вина и Тело и Кровь Христовы во время Святой Евхаристии. И такое откровении батюшке было дано! И дано было именно во время Литургии и самым сверхъестественным и чудесным образом: “Еще же и в откровении Пречистых Таин животворящих Христовых, когда в раздроблении на жертвеннике и прободении слышан (был) глас : “Абие изыде кровь и вода”. И вторично слышал глас по прошении о снисхождении Святого Духа, когда просил “Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Своим ниспославый...” и прочее, то слышал я, грешный и окаянейший, более всех человек нечистыя уста имеющий, “Сеи есть Сын Мой возлюбленный” на Тело и Кровь сходящий и от небес происходящий. Еще же слышал во время приобщения Святых Таин глас, от Чаши исходящий, от самого Тела и Крови Христовых... Я же весьма убоялся и приложил покаяние. Бог же призрел на меня и послал глас ангелов и архангелов, и объявил о тайне Причастия. Что они (ангелы) как предстоят Престолу величества Его со страхом и трепетом и любовью осеменяющий Престол, и поют трисвятую песнь непрестанно”.

Следующее описанное в дневнике явление имеет столь значительный и богооткровенный смысл, что даже читая его в изложении отца Алексея, испытываешь поневоле внутреннее содрогание и волнение. Господь в видении показал священнику как страсти ада, так и величие рая. Но здесь же произошло и благословение Божие отца Алексея на некое важнейшее служение

и исполнение великого церковного послушания: “Видел же Архиеерея Божия Великого Христа Бога нашего служаща и повелевающего воскроплять росу благодати на человека Божия. Видел же и страшные книги ада, и висящие и жегомые человеки, и потемнения ада мерзости, и слышал скарედные его вини скверные. И еще милосердие Божие не покинуло (меня), и слышал я воню благоухания райского. И слышал я глас, повелевающий пасти Христово стадо: “Паси овцы моя, паси избранные моя. Аз же ты поставил над ним горою святою Моею, внедли стаду моему, и стража Церкви поставил ты”.

Вот еще одно рукописное свидетельство об особом покровительстве Пресвятой Богородицы над иереем Божиим Алексием Гневушевым: “Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Ныне начинаю аще виденное мною и слышанное верно, не лгу. Когда я в покаянии молился Пречистой Божией Матери и присно Деве Марии пред Ея Пречистым образом Смоленския Божия Матери, то слышан был глас от образа Ея пресвятаго человеческий вещающий и велящий целовати. Я, грешный и окаянный, целовал с любовию моими бранными и скверными и недостойными устами”. Вот же еще одно, удивительнейшее и сверх понимания человеческого явление, которым Христос посетил бортсурманского праведника. И вновь удивлению достойно это событие, так как многие праведнейшие и угоднейшие Богу святые не удостаивались подобной чести, которой сподобился простой сельский пастырь из симбирской глубинки: “Ныне повествую: видел Архиеерея и Бога в сонном видении, в царской одежде Христа Бога нашего, благословляющего мене грешного, пришедшего свьше, и три девы в белых ризах близ меня стоящих - то есть три добродетели Веру, Надежду и Любовь. Видел же Царицу Небесную от небес пришедшую свьше неизвестно мне с какою праведною женою. Царицу Небесную Богородицу видел как в тумане и лица Ее не видел, только слышал глас Ея вещающий: “Сей есть Сын мой Единородный, Сын Божий”, а праведная жена весьма хороша лицом, подобной же красоты ея нигде и не сыщешь, покрыта была претонкой и белой фатою”.

Часто в ответ на молитвы свои получал отец Алексий откровения, в которых сообщалось ему о том, что моления и

прошения его были услышаны. Во время Отечественной войны 1812 года, когда в Россию ворвались полчища французов, батюшка сугубо молился о даровании победы российскому воинству. “Ныне отвратил Господь праведный Свой гнев от нашего рода. Ныне возвестил мне грешному и окаянному о победе над Францией. Когда я молился за Божественной Литургией, послал Бог ангела своего возвестить мне, как Петру, что ныне двинулись силы небесные к нам на помощь, и возрадовалась Россия ныне, возвеселилась Россия с небесными силами. Аминь! Мы же восстахом и справихомся. Господи, спаси царя...!”. Вот еще одно свидетельство о силе молитвы отца Алексия: “Сотворил Преплагий Бог чудо (в день Николая Чудотворца 1813 года): когда я молился грешный о утишении пожара в деревне Ягодной, в тот же день молитвами Николая Чудотворца послал Бог милосердный глас Свой Духом Святым и утиши сей пожар”. И несколько далее батюшка вновь свидетельствует о видении ему райских обителей: “Видел же и град Царя Небесного... в церкви окрест величества пречистых тайн херувимы и серафимы окружаемую, и непрестанными гласами поющих песнь херувимскую со страхом и трепетом согбенным... И вся сия истина и не ложно написано. Аминь”. Самое же значимое явление и откровение было дадено отцу Алексию во время служения им Литургии. Это было столь великое событие, что батюшка в своих записках четко зафиксировал не только сам факт этого откровения, но и дату, когда оно свершилось. Для нас же, чтущих святую память праведника, это свидетельство особо важно, так как оно сообщает нам о достоинстве служения батюшки: “В 1814 году, в феврале 16 дня, за Божественной Литургией, возвещено мне было от ангела Господня, что отसेле я начал проходить ангельскую службу. А в сонном видении поклонился я в алтаре как в огне и свете неизреченном Самому Богу”.

Многими дарами удостоил Господь иерея Своего Алексия. Множество свидетельств совершенных им при жизни чудесных исцелениях было проверено Симбирской Духовной Консисторией в 1913-1914 годах. Под присягой были опрошены родственники исцеленных батюшкой православных верующих, проверены факты чудотворений, совершенных праведником. Следует,

вероятно, отметить, что собранных в то время документов, материалов и свидетельств было достаточно для того, чтобы возбудить ходатайство перед Святейшим Синодом о начале процесса канонизации иерея Алексия Бортсурманского. И лишь начавшаяся мировая война, в которой участвовала и Россия, происходившие в то время изменения в политической жизни страны и масса иных возникших в государстве проблем не дали осуществиться этим планам. Причисление праведного иерея Алексия Гневушева к лику святых состоялось лишь спустя почти 85 лет. Однако, собранные в те времена представителями Симбирской Духовной Консистории подтвержденные факты чудесных исцелений и помощи, совершенных батюшкой, ныне свидетельствуют о тех великих дарах, которыми Господь щедро наградил Своего верного слугу.

Дочь церковного старосты храма Рождества Богородицы в уездном селении Курмыш Таня Растригина не владела ногами от самого своего рождения - девочка совсем не могла ходить. Ножки были худенькими, бессильными, а все попытки лечения Татьяны оказались безрезультатными. Будучи наслышанными о святости отца Алексия, родители девочки решили обратиться к нему за помощью и с просьбой помолиться о болящей. Мама девочки Анна Лукинична, не смотря на то, что семья была весьма зажиточна и у нее была возможность нанять лошадей для путешествия в Бортсурманы, из усердия своего отправилась к батюшке пешком. 25 верст она пронесла больного ребенка на руках и лишь к вечеру путницы добрались до дома отца Алексия. Казалось, что праведник ждал гостей - когда женщина с ребенком подошла к нему, он, ни разу до этого не видевший девочку, назвал ее по имени и со словами: "Ах, Танечка, ты верно ко мне в гости пришла" положил ей на головку свою руку, а затем благословил обеих путниц, и помолился с ними. На следующее утро батюшка еще раз помолился о болящей и помазал ее ножки елеем от лампадки перед образом Смоленской Божией Матери. После этого отец Алексий благословил их и отпустил с миром домой, пообещав молиться о девочке. На обратном пути, пройдя приблизительно половину дороги, мать услышала, что дочка просит опустить ее на землю. Подумав, что девочка устала от

долгого пути, Анна Лукинична опустила Танюшу на землю, а та, к величайшему удивлению родительницы, слабо шевеля ножками, поползла вперед! Вскоре мать вновь взяла девочку на руки, но еще несколько раз по просьбе дочери опускала ее на землю, и та вновь ползла вперед, с каждым разом все уверенней и уверенней владея до того обездвиженными ножками. Когда же путницы возвратились в Курмыш, то к величайшему удивлению всех домашних и встречавших их, девочка уже могла твердо стоять на ногах и самостоятельно вошла в дом!

Крестьянин Нижегородской губернии из Сергачского уезда Алексей Шляпников страдал несколько месяцев от паралича, который сковал его тело так, что больной вовсе не мог разогнуться. Одна знакомая ему женщина посоветовала съездить к отцу Алексию. Когда больного привезли к батюшке, тот оставил Шляпникова у себя, сказав, что сообщит родным, когда его следует забрать. Через неделю отец Алексей послал за родственниками, а те, когда приехали в Бортсурманы, застали своего родственника вовсе здоровым. Шляпников затем рассказывал, что батюшка не давал ему никаких лекарств, а только молился над ним и по три раза в день благословлял.

Часто к отцу Алексию привозили бесноватых. Однажды к батюшке привезли одного такого одержимого - огромного роста молодого мужчину, скованного по рукам и ногам цепью, так как без этого сей человек буквально представлял угрозу для окружающих. Привезли бесноватого его отец и брат. На ночь больного привязали к лавке еще и веревками. Однако ночью все были разбужены страшным шумом. Оказалось, что бесноватый разорвал не только веревки, но и цепи на себе, и лишь четверым здоровым и сильным мужчинам удалось вновь связать его. Утром больного привезли к отцу Алексию. Батюшка велел положить одержимого на полу, и начал молиться над болящим. Затем благословил его и приказал привезти его вновь на следующий день. Сам же бесноватый, наводивший до этого на всех ужас, вышел от отца Алексия тихим и спокойным, даже несколько осунувшимся. На следующий день батюшка ничего уже более не читал над больным, а лишь положил на его грудь свою келейную икону Смоленской Божией Матери, затем благословил его и

отпустил домой с миром. Перед отъездом домой в сельской кузнице с бывшего бесноватого сняли сковывавшие его цепи, и он отправился домой совершенно здоровым.

Привозили однажды к отцу Алексею издалека и некоего бесноватого купца, также связанного цепями. Три дня отец Алексей молился над болящим, после чего бесноватый совершенно исцелился. Уезжая, купец просил батюшку принять от него крупную сумму денег, однако отец Алексей отказался от такого приношения и посоветовал ему лучше стать благодетелем для храма в благодарность Господу о своем исцелении. Через некоторое время купец вновь возвратился в Бортсурманы с мастерами и привез новые чугунные плиты, которыми и был выслан пол в местном храме.

Кроме свидетельств об исцелениях, совершенных праведным иереем Алексием, сохранилось множество свидетельств и об его прозорливости. Так, уже упоминавшаяся ранее Евфимия Аникичева три раза пешком ходила на богомолье в Киев. Когда она собралась в паломничество во второй раз, то пришла за благословением к батюшке. Священник предсказал ей, что во время путешествия ей придется нести тяжкий крест. Сказанное священником очень встревожило Евфимию, и она решила отказаться от путешествия. Но отец Алексей успокоил ее, сказав, что Господь поможет ей перенести все испытания и добавил, что это паломничество в Киев будет у нее не последним, и она еще в третий раз сможет поклониться киевским святыням. Повинуясь благословию старца, Аникичева отправилась в путь. Дорога в Киев оказалась благополучной, и лишь на обратном пути она заболела сильнейшей горячкой и испытала много страданий и горя. Ее, больную, изможденную и измученную, весьма неохотно принимали везде, где бы она не просила крова и помощи. Однако в одном месте ее приютили добрые люди на три недели. Выздоровев, но, будучи еще очень слабой, она покинула гостеприимный дом, но, по ее же рассказам, ей приходилось иногда целыми днями лежать в бессилии возле дороги, а подчас передвигаться даже ползком. Но все же Евфимия вернулась в Бортсурманы, и уже после кончины отца Алексея она еще раз побывала в Киеве.

Мать курмышской мещанки Натальи Григорьевны Кузнецовой

пришла раз к отцу Алексею, и тот, видя ее впервые, назвал пришедшую по имени и сказал следующее: “Ульянушка, берегись, готовься! Твоя смерть уже возле порога.” Вскоре после этого женщина действительно умерла от удара (кровоизлияния в мозг), не успев причаститься Святых Христовых Таин. А одному курмышскому рыбаку Луке Шулаеву начальство однажды запретило ловить рыбу в реке Сура. Это был единственный его способ получения средств к содержанию семейства. Соответственно, подобный запрет обрекал Луку и его домочадцев на жалкое прозябание и голод. В отчаянии рыбак обратился к отцу Алексею, а тот успокоил его: “Будешь ты ловить рыбу, правда не скоро”. И действительно, через два года после запрета луке вновь было разрешена рыболовля и в первый же год он наловил ее на громадную по тем временам сумму в 1000 рублей.

У Бортсурманского крестьянина Тимофея Афанасьева было великое горе - все его дети умирали во младенчестве. Так у него погибло 18 детей! И когда родился 19-й ребенок, то жена крестьянина Дарья пришла к отцу Алексею с просьбой сделать хоть что-то для спасения чада. Батюшка помолился вместе с ней и сказал, что этот ребенок, которому при крещении сам батюшка дал имя Симеон, останется в живых. И действительно он не только не умер в дестве, но даже был в живых в то время, когда собирались сведения об отце Алексии в начале 20-го века. Было ему тогда уже более 80-ти лет.

Все описанные случаи исцелений, помощи и прозорливости отца Алексея при его жизни являются лишь малой частью имевших место проявлений тех даров, которыми Господь столь щедро одарил бортсурманского священника. И приведены они здесь лишь для того, чтобы показать необыкновенность и богоизбранность этого великого угодника Божия.

Отец Алексей Гневушев прослужил в Успенском храме в селе Бортсурманы 55 лет. В 1839 году престарелый батюшка в возрасте 77 лет оставил служение по немощности сил. Как итог и оценка его многолетнего служения Церкви и людям стали слова, сказанные об отце Алексии его современником святым преподобным Серафимом Саровским. О бортсурманском праведнике преподобный батюшка говорил совершенно

определенно: “Сей человек своими молитвами подобен свече, возженной пред престолом Божиим. Вот труженик, который, не имея обетов монашеских, стоит выше многих монахов. Он как звезда горит на христианском небосклоне”. Эти слова прп. Серафима Саровского были опубликованы еще в 1884 году в изданном Саровской Пустынью житии преподобного старца - за двадцать лет до его прославления.

Последние девять лет жизни отца Алексия на покое и покоем назвать было нельзя. К тому времени отец Алексей был уже седовласым, согбенным, исполненным жизненной мудростью и мирной молитвенностью старцем. Роста он был небольшого, а тело было весьма худым и легким на вид. Голос у батюшки был тихим и мягким, как в повседневной жизни, так и при совершении богослужений. Одежду он носил самую простую. Белье батюшка носил из обыкновенного простого крестьянского холста. Рясу батюшка почти никогда не носил, а надевал полукафтанье из простой ткани. В последние годы жизни из-за длительных стояний на молитве у батюшки сильно болели и опухали ноги, а поэтому отец Алексей ходил в вязанках. Внешность старца поражала. По воспоминаниям одного из духовных его чад нижегородского дворянина И.Я. Каратаева “особенное впечатление производили его глаза, светившиеся миром, любовью и какой-то внутренней духовной радостью; взгляд его был глубоким и пронизательным; казалось, что он насквозь видел каждого человека и читал в душе его самые сокровенные мысли и дела”. Когда отец Алексей состарился, он, желая не причинять лишнего неудобства своим домашним, перешел жить в отдельную специально при его же доме устроенную келию. В ней была небольшая печь, кровать, покрытая вместо матраца жестким войлоком, стол с несколькими стульями и аналой перед иконой Смоленской Божией Матери с постоянно горящей лампадой. Вот и вся обстановка жилища старца. Интересно, что по воспоминаниям современников и близких батюшки, в какое бы время к нему не заходили в келию, то заставляли его молящимся - молитвенное настроение никогда не покидало праведника. Даже единственное окошко в его келии было обращено к храму - старец мог всегда во время молитвы обратить свой взор к Дому Божию. Домашние не тревожили его

в уединении и заходили в батюшкину келию лишь в крайне редких случаях, когда было необходимо оказать отцу Алексию услуги для удовлетворения его очень скромных житейских нужд. Но никогда батюшка не отказывал приходящим к нему людям - не смотря на возраст и недуги, по обыкновению он принимал пришедших

ИГУМЕНІЯ МАРІЯ,
НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

Арзамасскаго Николаевскаго Монастыря,
скончавшаяся 16-го января 1882 года.

несколько часов до обеда, а потом после обеденного отдыха до семи часов вечера.

Во время молитв диавол часто искушал старца. Случалось, что во время молитв враг понимал его с пола и затем сильно ударял о пол, и только сила Божия сохраняла его невредимым. Не оставляли в покое батюшку бесы и во время сна. Они будили его, слышался крик “царь идет!” или “келья твоя горит, спасайся!”. В случаях таких искушений отец Алексей совершал множество поклонов с Иисусовой молитвой. Однажды, утомленный и измученный подобной долгой борьбой, праведник обратился к Спасителю с мольбой о том, чтобы Он разлучил его душу от тела и избавил от дальнейшей борьбы и страданий. Как ответ на это моление батюшке было явлено чудо - лик Спасителя

на иконе как бы прослезился и отец Алексей услышал голос, исходящий от иконы, и обещавший священнику венец праведности.

Испытывая многочисленные искушения и нападения бесовские, отец Алексей знал как бороться с ними. Поэтому в одном из писем к своей духовной дочери настоятельнице Арзамасского Николаевского женского монастыря игуменне

Марие батюшка советует ей: “Терпи и надейся получить помощь Божию, а с ней можешь победить и все восстания врага душ человеческих. Не было бы искушений, не было бы и венцов. Воина за то и венчают, что он грудью стоит против врага за свое отечество, враг же души нашей гораздо опасней всех тех врагов, которые бьются в обыкновенном сражении”. В жизни же самой игумении Марии батюшка и его прозорливость сыграла не просто немаловажную, но самую главную роль. Будущая игумения, в миру Варвара Алексеевна Ахматова, родилась в дворянской семье. Отец ее скончался рано, а потому все заботы о дочери взяла на себя ее мать Варвара Борисовна. Рано начавшая читать христианскую литературу Варя, все больше и больше стала склоняться к совершенствованию духовной составляющей своей жизни. Спустя некоторое время девушка высказала своей матери желание начать подвижническую жизнь и уйти в монастырь. Безусловно, такому желанию дочери Варвара Борисовна воспротивилась и стала всячески отговаривать Варю от такого решения. Но ничего не помогало. В книге “Жизнь и подвиги игумении Марии Ахматовой, настоятельницы Арзамасского Николаевского общежительного женского монастыря” так описывается решение этого нелегкого вопроса. “Варвара Борисовна объявила дочери, что она поступит так, как посоветует о. Алексей - священник села Бортсурман Курмышского уезда Симбирской губернии, старец-подвижник, пользующийся за свои подвиги громкою известностью и громаднейшим влиянием на окружающую его среду. “Если о. Алексей благословит тебя поступить в монастырь, - сказала она, то после этого я больше препятствовать не стану». Варвара Борисовна надеялась, что о. Алексей не благословит ее дочь на поступление в монастырь, так как он редко благословлял молодых девушек и женщин на монастырскую жизнь, а тем более, конечно, не благословит изнеженную с детства дворянскую дочь, 18 летнюю девушку. Прозорливый отец Алексей внимательно выслушал всю историю душевной борьбы молодой девушки с искушениями мира, и, пристально посмотрев на смущенную Варю и, прочитав прозорливыми глазами искренность и твердость ее святых мыслей и чувствований, сказал ей: “Иди, чадо, в монастырь, и как можно скорее... не угашай искры, возженной в тебе Богом!”. Смущенная

неожиданным советом о. Алексия, Е.Н. Пазухина (помещица с. Бортсурман, свидетельница этого разговора) заметила о. Алексею: “Что это Вы, батюшка, говорите, ведь она очень молода!”. На это замечание Елизаветы Николаевны о. Алексей строго сказал: “Эх вы, безумные! Господь возжег светильник, а вы хотите его погасить!”. Это благословение батюшки и стало для Варвары Алексеевны Ахматовой самым решающим в ее жизни. Спустя несколько десятилетий она стала не только настоятельницей одной из известнейших в Нижегородской епархии обителей, но и сама соделалась примером благочестия и искренней веры.

Ни телесная слабость, ни болезни не останавливала отца Алексия в его служении людям - он практически до последних дней жизни принимал посетителей. Но с 1 января 1848 года его силы стали заметно слабеть. Он не мог уже более совершать богослужения, и родные водили его к Литургии в храм. Но приходящих к нему людей он все же принимал, даже через силу, вплоть до Великого Четверга. Страдая плотию, отец Алексей ежедневно причащался Святых Христовых Таин до дня своей кончины 21 апреля. День смерти его был ясным, тихим и похожим. На площади перед храмом, напротив окна келии батюшки, собралось множество народа. Все собравшиеся жаждали в последний раз увидеть праведника и получить его благословение. Старец сидел у открытого окна, одетый во все белое. Светлые одежды, седые волосы и борода придавали ему некий особый величественный и сияющий вид. Он переводил свой взгляд от любимой келейной иконы к собравшемуся народу, затем погружался в тихую молитву. Люди у дома священника стояли в тишине, многие опустились на колени и плакали. Изредка батюшка благословлял народ в открытое окно. Молились люди, молился отец Алексей, пока не опустилась в последний раз благословляющая десница и не закрылись уже навечно глаза праведника. Душа его отошла к Тому, кого он любил больше всего в жизни земной и к Которому так стремился в жизни вечной.

“Се возжегся новый светильник перед Богом, се предстал новый ходатай о нас грешных. Душа праведная водворилась в селениях праведных и уже без сомнения вкусит те неизреченные блага, которых мир не может постичь. Молитвами сего

праведного сподоби и нас, Господи, достигнуть до спасительного пути и водвориться в селениях праведных к вечному славословию Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь”. Такими словами отозвалась игуменья Мария (Ахматова) на известие о кончине отца Алексея.

Погребли батюшку в церковной ограде напротив алтаря Бортсурманского храма. Над местом его упокоения усердием И.Я. Каратаева был поставлен памятник в виде чугунного четырехугольного столба с надписями на четырех его

сторонах: “Господи, Господи. Приими на лоно Авраама душу раба Твоего в Бозе почившего иерея Алексея”, “Приношение это сделано в знак истинного уважения к молитвам и трудам подвижника от сына его духовного Ивана Яковлева Каратаева”, “День его Ангела было мая 20-го дня. Священствовал 52 года при церкви села Бортсурман Курмышского уезда”, “Здесь лежит тело иерея Алексея Петровича Гневушева. Он родился в 1762 году мая 13 дня, а скончался в 1848 году апреля 21-го дня имея от роду 85 лет 11 месяцев и 22 дня”. Сверху памятника был поставлен небольшой металлический крест, а к нему прикреплена была постоянно зажигаемая почитателями почившего батюшки лампада.

Вскоре и сама эта могила стала местом совершения чудес и получения помощи от погребенного здесь праведника. Совершая при земной жизни своей множество чудес и исцелений, праведный иерей Божий Алексей и по смерти своей не оставлял без своего участия обращающихся к его заступлению и помощи

верующих. Не все подобные случаи сохранились в памяти людей, в документальных свидетельствах и в церковных летописях, однако о некоторых из них, сведения о которых были зафиксированы в документах Симбирской Духовной Консистории, будет сейчас рассказано.

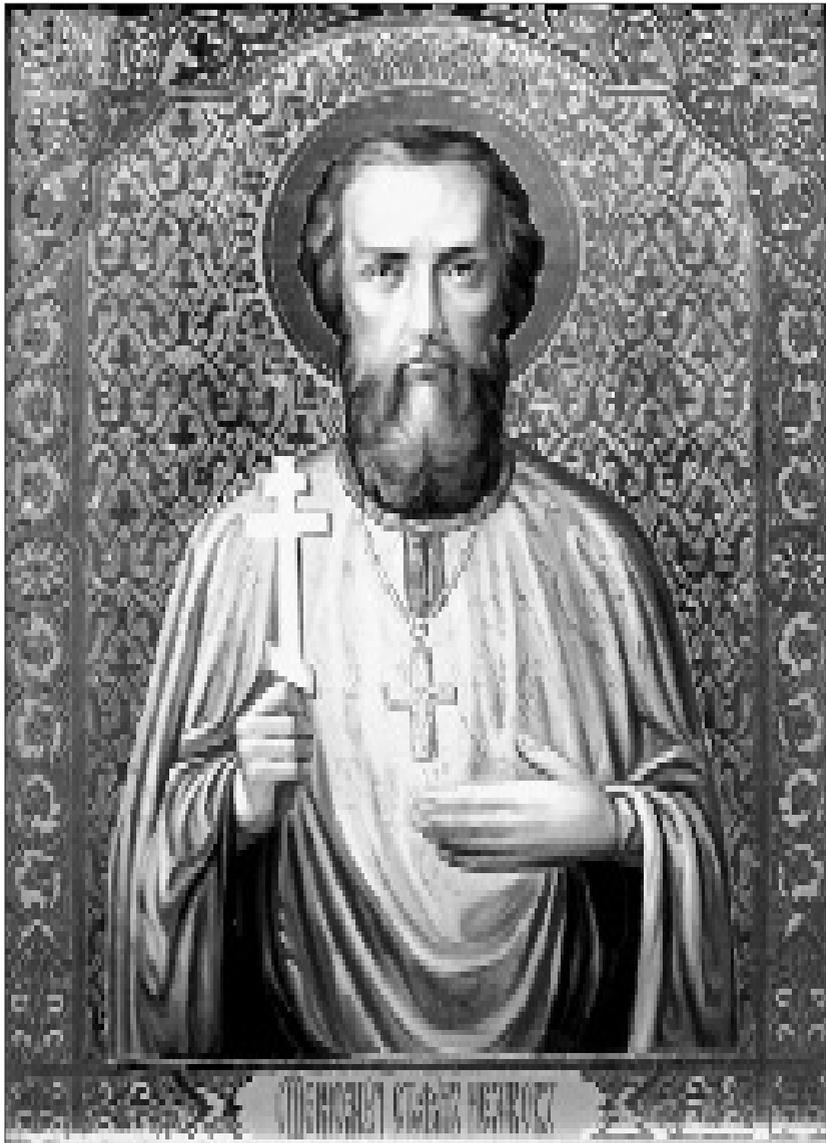
Житель деревни Высокая Слобода Васильсурского уезда Нижегородской губернии Николай Юдин был парализован и практически неподвижен. Более трех лет он находился в подобном состоянии, лечился у докторов, однако никакого результата это не давало. Близкие несколько раз привозили больного на могилу отца Алексея, служили там панихиду, поили страдальца водой, в которую клали щепоть землицы с земли. Через три дня больной совершенно выздоровел и благодарил неустанно Бога, исцелившего его по молитвам бортсурманского праведника.

Из деревни Саранки, что рядом с Бортсурманами, привозили некоего одержимого бесом человека. Первый раз больного пришлось нести к могиле батюшки на руках, так как тот вырывался, ругался и кричал. Во второй раз бесноватый, хоть и с трудом, но сам подошел к месту последнего упокоения старца. А в третий раз он уже сам подошел к могиле и усердно молился, благодаря отца Алексея за исцеление.

Крестьянка села Бортсурман Елена Давыдовна Лисина заболела тифом и четыре недели лежала в больнице, но лекарства, к сожалению, ей не помогали. Тогда она поехала на могилу к батюшке и стала его просить об исцелении от болезни. Вскоре она почувствовала себя лучше и затем совсем выздоровела.

Крестьянка села Бортсурманы Агриппина Кузьминична Крылова в течении нескольких лет каждую весну и осень болела лихорадкой. Она принимала лекарства, кото-рые ей давал местный фельдшер, но облегчения не наступало. По совету доб-рых людей мать болящей взяла с могилки отца Алексея горсть земли и стала поить Агриппину водой, в которую немного добавляла этой земли. После этого Крылова ни разу более не болела.

У крестьянки села Бортсурманы Параскевы Ефимовны Сияновой заболела внучка Мария, которая после перенесенной кори перестала владеть ножками. Параскевы отнесла внучку на могилку батюшки, помолилась и с тех пор девочка стала ходить.

Крестьянин села Бортсурманы Андрей Яковлевич Боков сильно пристрастился к водке, пил часто и много, иногда до потери сознания. Однажды он заказал панихиду на могиле батюшки, сам усердно помолился там, выражая искреннее желание прекратить пить спиртное вовсе. Вскоре он оставил пьянственную свою страсть и благодарил за помощь отца Алексея.

Диакон села Можаров Майдан отец Иоанн Александровский страдал от болезни ног - открытые раны на них отягощались отеками и опухолями. Отпросившись у своего приходского священника, отец диакон приехал в Бортсурманы, заказал панихиду на могиле праведника и молился, обращаясь к почившему с просьбой испросить у Господа для него исцеления. При этом отец Иоанн пообещал в случае исцеления прийти на могилу праведника уже пешком из своего села и в благодарность отслужить еще одну панихиду. И действительно - вскоре отец Иоанн получил просимое и выздоровел.

После первого посещения он смог опять служить - а ведь до этого фактически даже не мог ходить. Вскоре отец диакон получил еще большее облегчение и смог исполнить свой обет, после чего получил исцеление окончательно.

У крестьянки села Ожгибовки Натальи Матюшиной заболела 10-летняя дочь Настя. Несколько дней девочка ничего не могла есть и очень трудно дышала. Помещица, к которой Наталья обратилась за помощью, дала ей щепоть землицы с могилы отца Алексея, велела с усердием

помолиться вместе с дочерью, а после этого выпить немного воды с этой землей. На третий день после этого Наталья пришла к своей благодетельнице со словами благодарности и рассказала, что дочка ее выздоровела сразу как только выпила воды с земелькой.

При жизни своей отец Алексей Гневушев почитался народом как праведник, подвижник, молитвенник, целитель и прозорливец. Хотя сам батюшка, отличавшийся большой кротостью и смирением, не только не гордился своей известностью и не возносился перед другими людьми, но наоборот - считал себя величайшим грешником пред Богом, каковым осознанием и были проникнуты каждая его мысль, каждый шаг и все молитвы. Он был поистине пастырем и учителем народным, как словом, так и делом, примером высоконравственной жизни, верным служителем алтаря Господня и избранником Божиим, удостоившимся от Отца Небесного великих даров и почестей духовных.

Праведный иерей Алексей Гневушев, пресвитер Бортсурманский, причислен к лику общецерковных святых Освященным Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 году.

Память праведника совершается 21 апреля (4 мая по н. ст.) в день праведной кончины святого.

Житие святого священномученика Стефана Немкова, иерея с. Деяново Курмышского уезда Симбирской губернии (ныне Пильнинского района Нижегородской области)
и иже с ним 18-ти мучеников.
Годы земной жизни его с 1882 г. по 1918 г.

Священник Стефан Михайлович Немков родился 17 декабря 1882 года и происходил из духовного звания. Имея искреннее желание послужить Святой Церкви и будучи с малолетства воспитанным в вере православной и любви к Богу, 16-летний Степан поступил в Симбирскую духовную семинарию, которую успешно окончил по второму разряду в 1904 году. Спустя

несколько месяцев после завершения учебы 5 сентября Степан Немков указом епископа Симбирского и Сызранского Гурия был определен на место несения своего первого церковного послушания, будучи назначенным на должность учителя церковно-

приходской школы при Жадовской Богородице-Казанской пустыни в Карсунском уезде.

Эта небольшая обитель пользовалась известностью не только в Симбирской епархии, но и далеко за ее пределами. Ведь именно здесь находилась великая святыня – Чудотворная Казанская Жадовская икона Пресвятой Богородицы, особо почитаемая право-славным верующим на-родом. В самой обители находили приют сироты-мальчишки, оставшиеся без родительского попечения после смерти своих отцов - священнослужителей и псаломщиков. Именно этих детишек и должен был учить молодой выпускник семинарии Степан Михайлович Немков. Он с готовностью взялся за это еще не ведомое ему дело учительства, уповая на помощь Божией Матери, под покровом Которой

он оказался в том небольшом, но изобилующем благодатью, монастыре.

Однако труды Степана Михайловича на педагогической ниве были не долгими. Уже в феврале 1905 года Алатырский

Преосвященный Гурий переводит Немкова на освободившееся место псаломщика в Никольскую церковь с. Медяны Курмышского уезда. Здесь, по установившейся традиции того времени рукополагать в духовный сан ставленников лишь после получения надлежащего опыта непосредственного участия в богослужении, Степан Михайлович на протяжении полутора лет приобретает практические навыки в том, чему его учили в духовной школе. А 3 сентября 1906 года псаломщик Немков был рукоположен епископом Симбирским и Сызранским Гурием во диакона к церкви с. Деяново Курмышского уезда. Этот храм и станет местом служения отца Стефана до самой его мученической кончины.

Весной следующего 1907 года на новое место служения был переведен настоятель Деяновского храма. Учитывая благожелательные отзывы о молодом диаконе и любовь, которую тот успел стяжать у прихожан храма, архиепископ Симбирский и Сызранский Иаков решает оставить отца Стефана на служение в селе Деяново, но уже на настоятельском месте. 6 мая 1907 года осуществилось желание сердца отца Стефана – в этот день Высокопреосвященным Иаковом он был рукоположен во священника к Деяновской Троицкой церкви. На день иерейской хиротонии отца Стефана пришелся день памяти святого праведного Иова Многострадального. Не было ли в том особого знамения и воли Божией, уготовавшей принявшему в тот день священническую благодать иерею Стефану за служение у алтаря Господня принять страдания и мученическую кончину?

На новом месте служения отцу Стефану довелось вновь вернуться и к работе с детьми - в том же 1907 году он был назначен законоучителем Деяновской земской школы. В 1912 году иерей Стефан Немков был удостоен и первого священнического знака отличия – был награжден набедренником. Вскоре этот еще молодой батюшка был избран своими собратьями членом благочиннического совета – авторитет отца Стефана среди местного духовенства был весьма высоким.

В 1917 году, когда в России произошел большевистский переворот, поставивший Церковь и ее служителей вне закона, в семье отца Михаила и его супруги Анны Васильевны было три малолетние дочери: шестилетняя Нина, пятилетняя Мария и

родившаяся в 1915 году Александра. Но уже на следующий год они станут сиротами – обезображенная бесовским безбожием новая российская власть лишит семью батюшки кормильца, молитвенника и отца.

Своим рапортом в Симбирский Епархиальный совет от 18 октября 1918 года протоиерей Курмышского Успенского собора о. Михаил Раждаев сообщил, что 22 августа 1918 г., при подавлении белогвардейского мятежа в Курмышском уезде, за агитацию против советской власти расстреляны: благочинный 1 округа Курмышского уезда священник с. Бортсурман Михаил Воскресенский, член благочиннического совета священник с. Деяново Стефан Немков и псаломщик с. Бортсурман Евлампий Николаев. «За отсутствием благочинного и заместителя его, - писал отец Михаил, - о смерти сих лиц в эмеритальный Комитет не сообщено. Выборы благочинного в настоящее время произведены быть не могут вследствие военного положения уезда, экономической разрухи и отсутствия священников во многих приходах».

Никаких других документальных сведений и материалов, непосредственно касающихся произошедшей трагедии, в архивохранилищах обнаружить не удалось. Что же произошло в Деяново, какова была истинная причина убийства местного священника? Основываясь на исторических событиях того времени, можно утверждать следующее. Как раз в то время, летом 1918 года, в Среднем Поволжье шли жестокие бои между Белой и Красной Армией. Восставшая столица бывшей империи Петроград, окруженный со всех сторон фронтами и отрезанный от снабжавших его продовольствием губерний, голодал. Вся революционная затея большевиков была поставлена на карту. Если в столице начнутся голодные бунты, революция потерпит поражение. Тем более, что генерал Краснов намеревался силами белоказачьей армии взять Царицын и полностью отрезать северную часть России от Южной, откуда поступало продовольствие и в Москву, и в Петроград. В случае успеха Белой армии большевиков ждал неминуемый крах. Тем более, что напряженная обстановка на фронте и в тылу усугублялась восстанием эсеров в Петрограде, покушением на Ленина, организацией подполья в местах, где

власть перешла в руки большевиков, противниками новых правителей в лице тех же эсеров, монархистов, бывших офицеров царской армии. Противилось новой власти и не подверженное революционному искусству Поволжье. Большевиков не принимали в качестве правителей ни в Симбирской, ни в Самарской губерниях, географически расположенных как раз посередине между хлебным югом и голодающим севером молодой советской республики. Крестьянство в селах и деревнях оказывало сильное сопротивление комиссарам в кожанках и несшим разруху и смерть отрядам красноармейцев.

Именно поэтому в каждом населенном пункте, куда на штыках приходила новая власть, тем более в селах и деревнях, где было оказано ей сопротивление, уполномоченные представители этой власти, опираясь на военную силу, в первую очередь пытались найти и уничтожить тех, кто был явным или скрытым противником новоявленных властителей. Одними из основных, скрытых, идеологических врагов советская власть с первых и до последних дней своего существования считала служителей Церкви Христовой. И выискивать или доказывать вину духовенства и их «контрреволюционную сущность» для комиссаров нужды не было: если служишь Церкви, значит ты потенциальный враг. Зная об этом, многие священники покидали свои приходы и на время уезжали из мест наиболее ожесточенных боев с тем, чтобы по окончании военных действий вернуться в свои храмы – об этом, в частности, было сказано и в процитированном выше рапорте протоиерея Курмышского собора. Тех же, кто не оставлял свою паству, могла ожидать страшная участь.

Священник Стефан Немков свой приход не оставил – не посчитал возможным оставить своих духовных чад в тот страшный период испытаний и потрясений. В то время в Курмышском уезде вспыхнуло восстание против новоявленных советских властителей. На его подавление было направлено несколько красноармейских карательных отрядов. В селе Деяново, в отличие от многих соседних сел, крестьянское сопротивление организовано не было. Здесь было относительно спокойно, а поэтому и ворвавшийся в село 26 августа отряд красноармейцев никакого противостояния со стороны хлебопашцев не встретил.

В тот же день в дом отца Стефана явились два красноармейца. Не знаящий за собой и не имеющий никаких провинностей перед новой властью батюшка встретил пришедших с христианским гостеприимством – усадил за стол, попросил матушку подать гостям обед, накормил их. Видя душевную чистоту хозяина, его миролюбие и беззлобие, красноармейцы, вопреки возможным ожиданиям, стали уговаривать священника: «Батюшка! Ты уж на время скройся куда-нибудь, а то ведь тебя расстреляют!». Зная уже об имевшихся неоднократно случаях расправы большевистских карателей над духовенством, отец Стефан все же не потерял присутствие духа. Улыбнувшись, он встал из-за стола и, указав на видневшийся за окном пятиглавый Троицкий храм, сказал: «Как же я могу уйти отсюда и оставить Троицу? Никуда я отсюда не пойду. Ведь и Господь наш Иисус Христос ни от кого не прятался и не скрывался – вот и я не буду».

Уже к вечеру в селе начались аресты. Были схвачены и приведены в здание сельской школы, где расположились каратели, 18 местных крестьян. Туда же красноармейцы привели и арестованного отца Стефана. Зная о грозящей священнику опасности, его супруга матушка Анна собрала ему в дорогу котомку, но отец Стефан ничего не взял – он знал, что более ему уже ничего не потребуется...

В школе арестованных долго мучили, избивали, требовали сознаться в несовершенных преступлениях и якобы имевшей место борьбе против советов. Особенно долго издевались и глумились над священником – ему даже остригли волосы, желая опозорить его перед односельчанами. пытки и избиения продолжались всю ночь и большую часть утра.

На следующий день, в воскресенье, всех арестантов во главе с батюшкой вывели из здания школы и под караулом повели по улицам Деянова в сторону соседнего села Мальцево. Страдальцам стало понятно, что начался их крестный путь. Они знали, что идут на смерть. Отец Стефан, как мог, поддерживал дух своих односельчан и прихожан. Подойдя к оврагу за околицей села, каратели приказали арестованным деяновцам остановиться и выстроиться в один ряд на краю оврага.. Перед ними поставили пулемет, и по команде старшего красноармейца стратотерпцев

расстреляли. Однако для отца Стефана красноармейцы приготовили иной вид казни – его, чтобы было наверняка, решили убить из нагана выстрелом в голову. Но батюшка не был убит сразу, и тогда красноармеец заколол его штыком. Воистину, взгорок перед оврагом стал для священника Стефана Немкова его Голгофой, и смерть его была сродни евангельскому: «Един от воин ребра его прободе...».

Ведь мог спасти свою жизнь батюшка, мог скрыться до времени, а затем, вернувшись, вновь служить у престола церковного. Но он был истинным пастырем, который, «видев волка грядуща», не оставил свою паству и не убежал. Он был не наемником, а добрым пастырем, который «душу свою полагает за овцы свои».

Всех мучеников погребли вместе, в братской могиле. Убиенного отца Стефана похоронили отдельно, в центре сельского кладбища. На третий день после мученической кончины односельчан несколько девушек и молодых женщин, подобно женам-мироносицам, пришли на место казни. Они собрали в короб обогрелую кровью землю и частицы тел убиенных, и, вырыв здесь же яму, сокрыли там страшное вместилище. Затем на этом месте был поставлен крест и не один раз служились панихиды по невинно убиенным деяновцам.

Так предал свою душу в руки Отца Небесного праведный служитель у алтаря Божия священник Стефан Немков, удостоенный за непоколебимость своей веры и верность священническому долгу «даже до смерти» нетленного венца от Самого Господа, Коему служил всю свою земную жизнь и пред Престолом Которого ныне предстоит за всех, чтущих его святую память.

Священномученик иерей Стефан Немков, пресвитер Деяновский, и иже с ним пострадавшие 18-ть мучеников причислены к лику общецерковных святых Освященным Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 году.

Память их совершается 27 августа (9 сентября по н. ст.) в день мученической кончины святых и в день празднования Собора Новомучеников и исповедников Российских в воскресенье 25 января (7 февраля н. ст.) или в ближайшее воскресенье после

НГО.

Житие святого священномученика Михаила
Воскресенского, иерея с. Бортсурманы Курмышского уезда
Симбирской губернии

(ныне Пильнинского района Нижегородской области)
и иже с ним убиенных чтеца Евлампия, мирян Николая,
Николая, Николая и иных 24-ех мучеников.

Годы земной жизни его с 1883 г. по 1918 г.

27 августа 1918 года, в тот же день, когда в селе Деяново Курмышского уезда был зверски убит большевистскими карателями местный батюшка священномученик Стефан Немков, в соседнем селе Бортсурманы тем же отрядом красноармейцев

под водительством коммуниста Гарина был убит благочинный, настоятель местного храма священник Михаил Воскресенский.

Священник Михаил Григорьевич Воскресенский родился в 1883 году в с. Теплый Стан в семье чиновника 2-го разряда – станowego пристава Григория Дмитриевича Воскресенского. Род Воскресенских состоял на протяжении многих поколений в духовном сословии, а дед будущего священномученика отец Димитрий был долгие годы настоятелем в с. Порецком. Именно поэтому и Михаил, воспитанный родителями в вере и благочестии, намеревался продолжить добрую родовую традицию. В 1900 году юноша принял окончательное решение посвятить свою жизнь служению Церкви и поступил в Нижегородскую духовную семинарию, полный курс обучения в которой окончил по второму разряду в 1906 году. Епископом Симбирским и Сызранским Гурием в июне месяце того же года был принят на служение по духовному ведомству в Симбирскую епархию и определен на должность псаломщика к храму в селе Митин Враг Курмышского уезда. Спустя полгода, ставший к тому времени уже диаконом на псаломщицкой вакансии, отец Михаил Воскресенский 24 февраля 1907 года архиепископом Симбирским и Сызранским Иаковом был рукоположен во священника к Успенской церкви села Бортсурманы Курмышского уезда. С марта того же года батюшка стал исполнял должность заведующего и законоучителя Ягодинской церковно-приходской школы, а также Бортсурманской земской школы. В том же 1907 году имевший неординарные богословские познания и наделенный свыше даром проповеди и красноречия отец Михаил был определен на должность благочиннического миссионера. Батюшке, который стал пользоваться заслуженным авторитетом и уважением среди местного духовенства, пришлось немало потрудиться и на церковно-административной ниве - в 1912 и в 1915 годах он избирался членом благочиннического совета, а в марте 1915 г. стал постоянным членом Курмышского уездного отделения Симбирского Епархиального Училищного Совета. В 1917 году отец Михаил был избран благочинным 1-го округа Курмышского уезда, а членом благочиннического совета стал его друг и сосед по приходу будущий священномученик Стефан Немков. Труды

отца Михаила Воскресенского не прошли незамеченными для епархиального начальства - в 1912 году батюшка был награжден набедренником, а в 1915 году – скуфьей.

Отец Михаил вместе с матушкой Марией Ивановной воспитывали своих четырех малолетних детей: Николая, родившегося в 1909 году, Сергея, появившегося на свет через два года, родившегося

в 1913 году Ванюшу и самую младшую из детей Любу, которой в год смерти отца едва исполнилось четыре года.

В Бортсурманах отец Михаил был любим своими прихожанами как добрый и ревностный пастырь. Своими незлобностью, благочестием и смирением он был похож на своего далекого предшественника - просиявшего своей праведностью в этом селе батюшку Алексея Гнеушева, которого Церковь

прославила лике святых угодников Божиих. Спокойное и тихое течение жизни в этом селе, как и во всей России, было нарушено пришествием к власти большевиков. Разорением установившегося столетиями православного уклада жизни, жестокостью и беспощадностью к любым проявлениям несогласия к своим идеям, большевики в кратчайшее время настроили большинство

населения страны против себя. Повсеместно стали вспыхивать стихийные крестьянские бунты и восстания. Не миновали они и Курмышский уезд Симбирской губернии.

На подавление восстания губернскими властями был направлен карательный отряд красноармейцев во главе с выходцем из нижегородских дворян неким Гариным. В округе эти каратели «прославились» тем, что где бы они не находились, в первую очередь ими были мучимы и истребляемы священники. Когда красноармейцы приблизились к Бортсурманам, в селе распространился слух, что каратели будут убивать за бунт всех беспощадно. И тогда над селом с колокольни местного храма зазвучал тревожный набат. Сельский звонарь сам решил на этот звон – отца Михаила в то время в селе не было, он отправился в соседнее село напутствовать умирающего старика.

Тревожный набат слышали и подошедшие к селу красноармейцы. Они подумали, что в селе готовится против них вооруженное сопротивление, а поэтому приготовились открыть по селу огонь из артиллерийского орудия. Если бы это случилось, то могло бы погибнуть множество народа и сгорел бы не один крестьянский дом. Но перед тем, как начать обстрел, каратели послали в село двух разведчиков, которые, вернувшись, донесли, что никаких оборонительных сооружений в селе нет, как нет и вооруженных людей. Нужды в обстреле не было, и красноармейцы без всяких препон спокойно вошли в село. Тотчас были составлены списки наиболее активных сельчан из среды тех, кто был недоволен советской властью, и начались повальные аресты. Всех задержанных сводили в здание волостного правления. К вечеру там начались допросы. В первую очередь каратели желали арестовать местного священника, но отца Михаила не оказалось дома. Он возвращался домой на повозке уже около полуночи.

На окраине села батюшку остановил выставленный красноармейцами патруль. На вопрос: «Кто идет?!» батюшка спокойно сказал: «Священник», будучи уверенным, что только одно это слово успокоительно подействует на вопрошавших. Но он ошибся. «Священник? – переспросил один из караульных другого, - Давай его убьем!». «Еще успеется», - ответил второй, и отца Михаила пропустили в село. Придя домой, и узнав от

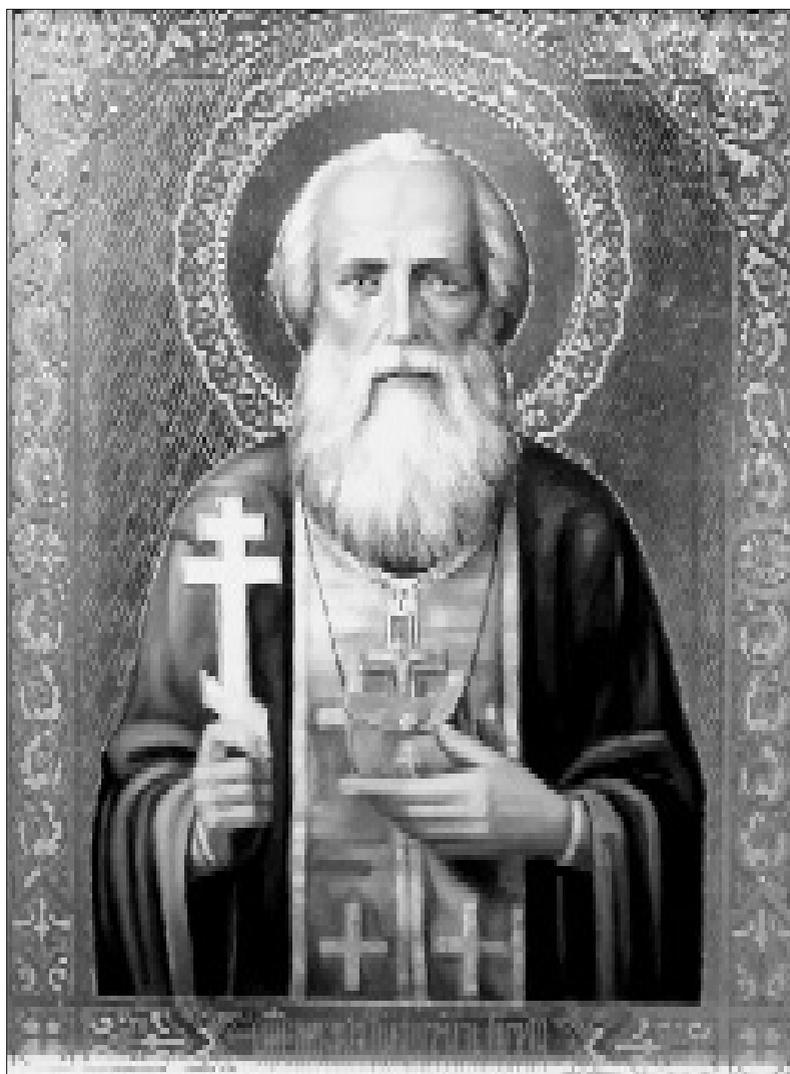
домочадцев о том, что за ним уже приходили красноармейцы, батюшка понял, что уготованной ему участи не миновать. Прятаться он не стал, и, положившись на волю Божию, стал ждать. Вскоре в дверь дома священника, в котором уже мирно спали дети, застучали прикладами – за отцом Михаилом пришли. Матушка хотела, чтобы супруг взял с собой что-то из верхней одежды, но каратели не разрешили: «Ему и без того жарко будет!».

В волостном правлении всех арестованных жестоко избивали. Всего в руки карателей попали тридцать человек, среди которых был и настоятель Бортсурманского храма священник Михаил Воскресенский. Батюшку обвинили в том, что именно он благословил звонить в церковный колокол при подходе большевиков к селу и мучили отца Михаила с особой жестокостью, добываясь от него признательных показаний, чего им, естественно, добиться не удалось. И хотя было известно, что священник вообще отсутствовал в Бортсурманах весь день, каратели приняли решение казнить как отца Михаила, так и всех арестованных крестьян.

Задержанным в волостном правлении жителям села было объявлено, что все они будут отправлены в уездный город – в Курмыш. Но, уже зная о зверствах, чинимых карателями в соседних селах и по всей губернии, арестанты готовились к смерти – они каялись и исповедовались отцу Михаилу, очищая свои души перед встречей с Всемилостивым Судией.

В числе арестованных был псаломщик Бортсурманского храма Евлампий Павлович Николаев, который был в родстве с местным диаконом. Евлампий Павлович родился в 1873 году в семье псаломщика. Учился в Алатырском духовном училище, а затем некоторое время состоял писарем в волостном правлении. С 1900 года стал также как и отец служить псаломщиком – с начала в селе Степаниха Курмышского уезда до 1903 года, затем в селе Богатиловке до 1908 года, а затем был переведен к Успенской церкви села Бортсурманы. У Евлампия Павловича и его супруги Анны Петровны было пятеро детей. Старшей из них Зое в 1918 году было 14 лет, а младшей Елене – всего три года.

Также были арестованы и звонарь, ударивший в набат, имевший уличное прозвище Еленя, а также крестьяне Николай Мигунов,

Николай Небасов и Иван Петрович Курепин. Именно последний из перечисленных, которому чудом удалось остаться в живых, и рассказал затем обо всем, что происходило с мучениками дальше.

О том, что всех арестованных под конвоем отправят в уездный центр, было объявлено и жителям села – красноармейцы опасались, что жители Бортсурман смогут отбить у карателей своих родных и односельчан. В полдень 27 августа (9 сентября по новому стилю) колонна из тридцати арестованных жителей села в сопровождении вооруженных красноармейцев вышла из села по направлению к Курмышу. Впереди шел священник Михаил Воскресенский и пел песнопения из чинопоследования погребения. Ему вторили его прихожане. Зная об уготованной им всем участи, батюшка молился об упокоении всех приговоренных к казни. Пройдя около пяти километров, колонна остановилась у оврага, который местные жители называли Степанихой, по именованию близь расположенного села. Это и было местом казни.

Всех выстроили в ряд на краю обрыва. Отец Михаил опустился на колени и, воздев руки к небу, стал молиться Отцу Небесному. Это была последняя молитва священника – о спасении душ невинно убиваемых здесь православных христианах. Командир отряда командовал открыть огонь. Рядом с батюшкой падали замертво его прихожане, некоторые из которых были убиты первым же залпом. Для палачей особой «честью» было убить именно батюшку, а поэтому в отца Михаила было выпущено шестнадцать пуль. Но ни одна из них не стала причиной смерти иерея Божия – священник оставался жив и окровавленные уста его шептали слова молитвы. Это было чудом, взирать на которое палачи не могли – один из них подошел к отцу Михаилу и заколол его ударом штыком в сердце. Так, с молитвой, принял мученическую кончину иерей Михаил Воскресенский.

После расстрела каратели вернулись в село, и распорядились, чтобы сельчане немедленно выехали на место казни и закопали тела убиенных на месте страшной расправы или перевезли в село с тем, чтобы погребение было совершено в тот же день. Вскоре из Бортсурман в сторону Степанихи потянулись подводы за скорбным грузом. На сельском кладбище были вырыты пять

братских могил, в которых и погребли мучеников. У троих из них в Бортсурманах не было родни, которые смогли бы в скором времени сколотить гробы для расстрелянных. Ими оказались сам отец Михаил, псаломщик Николаев (в семье которых кроме супруг были лишь малолетние дети) и волостной писарь. Гробом для батюшки послужили гробы его прихожан – на один из них священномученик был положен, а иными окружен и закрыт. В одной могиле со священником были погребены Николай Мигунов, Николай Небасов, другой Николай Мигунов.

В тот же день красноармейцами был разграблен и дом отца Михаила – оставшиеся сиротами маленькие дети священника в расчет безбожниками не брались...

Священномученик иерей Михаил Воскресенский, пресвитер Бортсурманский, и иже с ним пострадавшие 28-мь мучеников причислены к лику общецерковных святых Освященным Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 году.

Память их совершается 27 августа (9 сентября по н. ст.) в день мученической кончины святых и в день празднования Собора Новомучеников и исповедников Российских в воскресенье 25 января (7 февраля н. ст.) или в ближайшее воскресенье после него.

Житие святого священномученика Иоанна Ильинского,
протоиерея с. Томылово Сенгилеевского уезда
Симбирской губернии
(ныне ныне Кузоватовского р-на Ульяновской области).
Годы земной жизни его с 1846 г. по 1918 г.

Протоиерей Иоанн Евфимиевич Ильинский родился в 1846 году в семье пономаря. Выросший в верующей православной семье, Иван, также как и его родитель, решил посвятить свою жизнь служению Церкви Христовой. Для получения духовного образования в 1864 году будущий пастырь поступил в Симбирскую духовную семинарию. Его отец, простой сельский

церковнослужитель, даже не облеченный в духовный сан, но всю жизнь трудившийся в алтаре церковном, видел в своем сыне того, кого Господь избрал для служения Своей Церкви. И поэтому, хоть и не будучи обладателем большого достатка, Евфимий Ильинский приложил все силы к тому, чтобы его сын Иван получил достойное духовное образование. Чаяния родителя сбылись, и в 1870 году Иван окончил обучение в Симбирской духовной семинарии с аттестатом 2-го разряда. Однако после окончания обучения Иван Евфимиевич не сразу решился претендовать на получение духовного сана. К тому же, весьма серьезно относясь к выбору спутницы всей своей дальнейшей жизни, он не спешил обзаводиться семьей. Именно поэтому, не обремененный брачными узами, сначала он, сразу по окончании семинарии, три года трудился земским учителем. И его усердное служение делу народного просвещения, которому И. Ильинский отдавал все свои силы, знания и все свое время, не остались незамеченными. За успешное и усердное прохождение должности сельского учителя он был неоднократно отмечен и поощрен своим начальством, получив от Министерства народного просвещения за это время три награды.

В 1873 году Иван Евфимиевич наконец-то встретил ту, с которой проживет затем в любви и согласии 45 счастливых лет. В этом году он был обвенчан с 18-летней Шурочкой, будущей своей матушкой Александрой Ивановной. В том же 1873 году исполнилось и заветное желание Ивана Евфимиевича – Преосвященным епископом Симбирским и Сызранским Евгением (Сахаровым-Платоновым) он был рукоположен сначала во диакона, а спустя краткое время во священника и направлен на служение в с. Томылово Сенгилеевского уезда, где и прослужил 45 лет до самой своей мученической кончины. Село Томылово было достаточно большим – в нем в 1913 году было 285 дворов и более трех тысяч жителей. Кроме земской школы здесь было и министерское училище. С первого дня назначения настоятелем своего первого и единственного прихода отец Иоанн состоял законоучителем в местной сельской школе. Его неленостные труды по обучению сельских детишек Закону Божьему были вновь отмечены - в 1880 г. за успехи в народном просвещении о. Иоанн

удостоен благодарности епархиального начальства. Необходимо отметить, что отец Иоанн пользовался несомнительным авторитетом у своих собратьев – священников. С 1895 г. по 1899 г. батюшка был членом благочиннического совета, а с 1886 г. на протяжении 14 лет был миссионером благочиннического округа. С 1911 года отец Иоанн был миссионером по Симбирскому и Буинскому уездам. Последняя указанная должность отца Иоанна была весьма значима. В местности, где батюшка нес свое служение, было множество раскольников-беспоповцев, язычников из чуваш и мордвы. А поэтому и деятельность благочиннического миссионера, возвращающего в лоно Православной Церкви заблудший народ Божий, была очень важна и столь же сопряжена с многочисленными трудностями. С 1901 г. батюшка был законоучителем в церковной школе грамоты. С 1893 г. по 1897 г. в Томьловской миссионерской школе отец Иоанн четыре года состоял учителем для подготовки своих прихожан к борьбе с расколом. За время своего многолетнего служения на приходе в с. Томьлово отец Иоанн был удостоен следующих церковных наград: в 1884 г. он был награжден набедренником, в 1887 г. – скуфьей, в 1894 г. – камилавкой. За обучение детей Закону Божьему в церковно-приходской школе и взрослых в школе грамоты батюшка был удостоен признательности от начальства Казанского Учебного округа. За обращение в Православие из раскола 50-ти человек был удостоен вторичной благодарности. За оказанную помощь прихожанам в годину неурожая удостоен в 1901 г. благословения Святейшего Синода. В 1903 г. отец Иоанн был награжден орденом св. Анны 3-й степени, а в 1906 г. – наперсным крестом. В 1904 г. отец Иоанн получил благодарность от Симбирского миссионерского общества. В 1913 г. в честь сорокалетнего священнического служения он был возведен в сан протоиерея.

У отца Иоанна и его супруги Александры Ивановны было шестеро детей. Согласно послужного списка батюшки за 1915 г., три его сына участвовали в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны: старший Владимир (1875 г.р.) был врачом и по своей профессии оперировал во фронтовых госпиталях, Александр (1887 г.р.) воевал в чине прапорщика,

младший Николай (1890 г.р.) в 1915 г. окончил Киевскую школу прапорщиков.

Дочери отца Иоанна продолжили дело своего родителя на ниве народного просвещения: и старшая Антонина (1877 г.р.), и младшая Александра (1892 г.р.), стали сельскими учительницами, а средняя дочь Вера (1878 г.р.) была женой приходского священника.

Государственный большевистский переворот в 1917 году и последовавшая вслед за этим братоубийственная гражданская война перевернули все в некогда могущественной Российской Империи. Богоборческая сущность пришедших ко власти в России революционеров и бунтарей проявилась в первую очередь в отношении как к самой Церкви, так и к Ее служителям. Убийство 72-летнего отца Иоанна Ильинского стало одним из первых подобных трагических происшествий в 1918 году во время боев между т.н. «армией белочехов» и войсками Красной армии.

О происходивших в то время событиях в Сенгилеевском уезде в подробностях можно узнать из церковно-приходской летописи Богородице-Казанского храма села Кивать того же уезда, которую вел тогда настоятеля этой церкви протоиерей Иракий Жемчужников. Вот это повествование. Село Томылово, где служил отец Иоанн, и село Кивать, где настоятельствовал отец Иракий, находились на небольшом расстоянии друг от друга, а посему и все трагические события и были описаны в указанной летописи достаточно подробно. Вот что сообщал киватский священник:

“Против большевиков на ст. Безводовка стояла армия «чехов» (откуда взялась эта армия и из кого она составила, я не знаю). Когда рота большевиков-красноармейцев явилась в Кивать...летописец (т.е. о. Иракий – о. А.С.) был приговорен красноармейцами за 36-ти летнюю жизнь, якобы «кулаческую», к расстрелу. Но, верно, «Бог не выдаст, так свинья не съест». Прежде чем расстреливать меня, они почти поголовно опросили прихожан, действительно ли я обижаю их, и когда это не подтвердилось, оставили в покое.

16 и 17 числа августа прошли спокойно, а 18-го здесь пролетел аэроплан около 8-ми часов утра. Чей это был аэроплан

– красноармейский или чешский – никто из нас определить не мог. Не определил его и красноармейский наблюдатель. Но только около 2-х часов по полудни сделалась тревога, солдаты стали готовиться к бою. На вопросы, к ним обращенные, они отвечали: «Чехи наступают, прячьтесь в погреба, а у кого есть – в кладовые». Действительно, вскоре показались со стороны Еделева, с горы от Томылова ... вооруженные солдаты, наступавшие с трех сторон цепями, и через каких-нибудь четверть часа начался бой, выразившийся в стрельбе из ружей и нескольких пулеметов. Летописец с семейством на это время скрылся в своем саду в зимовнике для пчел. Стрельба продолжалась не более часа, и красноармейцы, как застигнутые врасплох, вынуждены были отступить к Чекалино.

По занятию Кивати, чехи вскоре ушли обратно в Томылово, а красноармейцы заняли позицию – частью в дубраве, а частью в кладбищенском бору. В этом бою убит наповал красноармейский офицер-наблюдатель и ранен один рядовой, добитый до смерти вступившими чехами уже на улице в самой Кивати. Офицер отпет мною и похоронен на местном кладбище, а солдата кто-то зарыл без отпевания.

Покой Кивати, нарушенный вступлением солдат 16 августа, восстановился лишь тогда, когда войска чехов отступили к Сызрани, а войска красноармейцев заняли Студенец (село в 20 верстах). Это было 12 сентября».

Итак, 12 сентября чехи отступили, и их войска двинули в сторону Сызрани. Штаб белочехов располагался в соседнем с Киватью селе Томылово в доме местного протоиерея Иоанна Ильинского. При отступлении штаб сначала переместился в с. Студенец, а затем и вообще с движением всей армии перебазировался в сторону Сызрани.

Одновременно с отступавшими из Томылово чехами, в село вошли красноармейцы.

13 сентября отец Иоанн в храме совершил всенощное бдение в канун праздника Воздвижения Животворящего Креста Господня. По окончании богослужения он был приглашен напутствовать больную прихожанку. Облачившись в епитрахиль и поручи, с благоговением одев на шею дароносицу, батюшка вышел из храма,

и направился в дом умиравшей своей прихожанки.

Но только отец Иоанн вышел за ворота храма, к нему подошли три красноармейца. Один из них кощунственно сорвал с 72-летнего батюшки дароносицу со Святыми дарами, и со словами: «Хватит тебе уже обманывать народ – ты арестован», отбросил святыню от себя прочь.

Батюшке не дали даже снять с себя богослужebное облачение и проститься со своими домочадцами, а так, в чем он был, отца Иоанна под конвоем увели на станцию Безводовка. Батюшку целую ночь допрашивали в штабном вагоне, находящемся на станции. Утром, около 10 часов, вагон отогнали в тупик, а священника вывели из него, и в сопровождении вооруженных красноармейцев повели в сторону леса. Здесь, в четверти версты от железнодорожного полотна, на опушке леса, батюшку расстреляли. Убийцы, вырыв неглубокую яму, сбросили в нее тело мученика, и чуть прикрыв его землей, оставили здесь без всякого погребения.

Вероятней всего красноармейцы обвинили отца Иоанна в пособничестве белочехам, так как их штаб располагался в доме отца протоиерея. Так в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня ревностный служитель у Престола Божия взошел на свою Голгофу и принял нетленный мученический венец.

Долгое время семья убиенного батюшки ничего не знала о судьбе отца Иоанна. И лишь в октябре месяце матушке Александре Ивановне удалось узнать о мученической кончине своего супруга и месте нахождения его тела. 25 октября 1918 года семья расстрелянного большевиками отца протоиерея обратилась в Симбирский губисполком с просьбой дать возможность похоронить отца Иоанна по христианскому обряду. Однако никакого ответа родные мученика не получили.

9 сентября 1918 г. сын отца Иоанна Александр вновь обращается к властям с просьбой дать возможность отпеть своего родителя и совершить его достойное погребение, так как его тело «до сих пор лежит, зарытым не более как на 2 четверти в глубину» (чуть больше полуметра). Сын убиенного протоиерея напоминает губернским властям о том, что дело о расстреле его

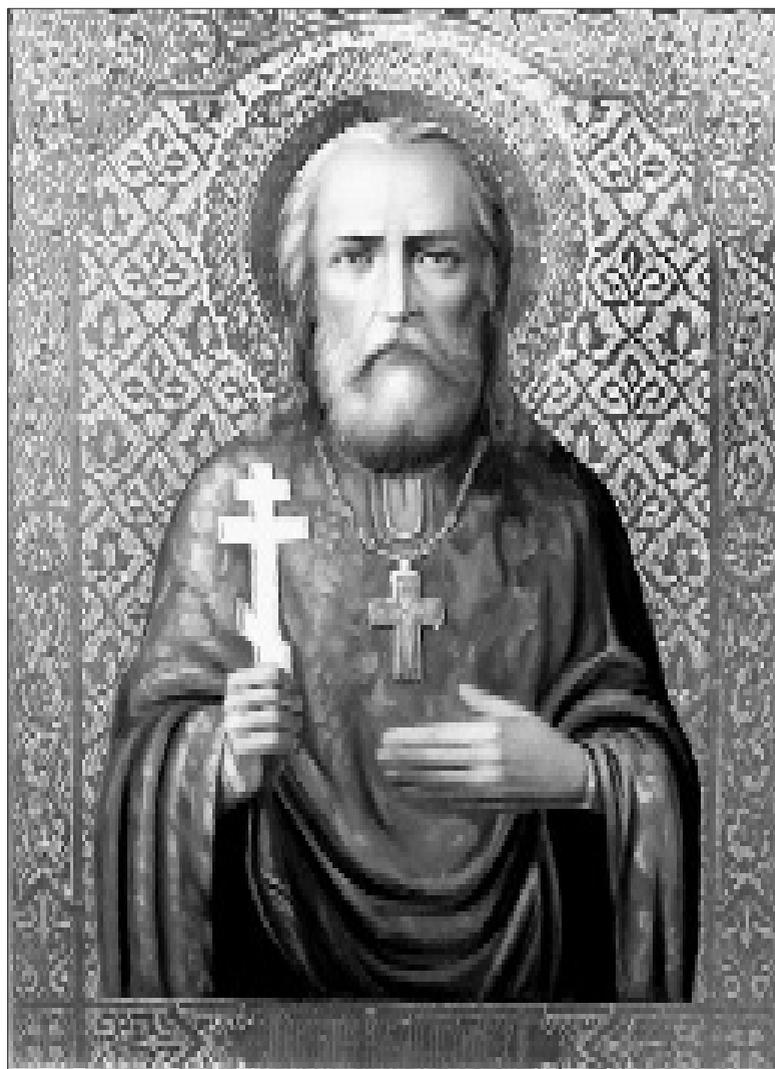
отца рассматривается властями с 25 октября 1918 года, т.е уже почти год, однако до сего времени семья отца Иоанна не может добиться разрешения на захоронение останков расстрелянного батюшки. «Прошу Губисполком, - писал далее Александр Иванович, - выдать разрешение на похороны отца в связи с непричастностью его к контрреволюционерам (как мне устно сообщил председатель Следственной комиссии Орловский)»

К сожалению, не удалось обнаружить никаких документов, в которых было бы сказано о разрешении на погребение расстрелянного священника, а также о месте и времени его совершения. Можно лишь предположить, что такое разрешение было все же получено, и тело мученика достойно было предано земле на приходском кладбище с. Томылово.

Трагедия убийства отца Иоанна усугубилась и тем, что все имущество батюшки после его кончины было частично разграблено, а частично конфисковано комитетом бедноты. Одну корову из хозяйства священника увели на какой-то двор, а вторую просто зарезали. Семья батюшки ходатайствовала также хоть о частичном возврате похищенного имущества, так как после смерти отца Иоанна его супруга и дочь остались без средств к существованию.

Только спустя год после убийства отца протоиерея, 13 сентября 1919 года, состоялось распорядительное заседание Симбирского революционного трибунала, в повестке которого значился вопрос «О священнике Иоанне Ильинском, обвиняемом в контрреволюции». Трибуналом было принято следующее решение: «Революционный трибунал, рассмотрев дело о священнике Иоанне Ильинском, обвиняемом в контрреволюции, и в виду того, что нет достаточного материала по обвинению священника Ильинского в контрреволюции, а также, принимая во внимание, что последний расстрелян неизвестными, фамилии коих установить не представилось возможным, производством прекратить. Конфискованное имущество должно быть возвращено семье».

Карательный орган большевиков, коим являлся означенный трибунал, спустя год после мученической смерти отца Иоанна, вынужден был констатировать факт отсутствия каких-либо

политических мотивов, ставшими причиной расстрела священника без, как говорится, суда и следствия. Не только «достаточных материалов», но и каких либо иных сведений о контрреволюционной деятельности протоиерея Иоанна Ильинского у трибунала не было. И быть таковых просто не могло. Престарелый заслуженный протоиерей, всю свою жизнь отдавший проповеди Слова Божия, любви и миролюбия, ни какого отношения к политическим событиям, потрясавшим Россию в то время, не имел. За что же расстреляли отца Иоанна? Ответ на этот вопрос содержится в словах одного из красноармейцев, арестовавших священника и надругавшихся не только над седоглавым служителем Церкви, но самое страшное – над Святыми Дарами, с которыми тот направлялся для последнего напутствия и причащения больной своей прихожанки. «Хватит тебе уже обманывать народ» - произнес зараженный идеями бесовского материализма солдат. Вот в этом и заключалась вся вина отца Иоанна – подобно иудейским первосвященникам, назвавших перед Пилатом Сына Божия лжецом, безбожники-большевики обвинили во лжи проповедавшего Христову истину священника. И, подобно одержимым духом нечестия и злобы иудеям, требовавшим распятия Спасителя, отрекшиеся от веры своих отцов и предков русские люди предали смерти того, кто учил их следовать за Христом. Покрывая убийц, члены трибунала указали, что отец протоиерей был расстрелян «неизвестными лицами», хотя, безусловно, доподлинно можно было определить и отряд какой красноармейской части занял в сентябре месяце село Томылово, и кто арестовал батюшку, и кто целую ночь издевался над ним в штабном вагоне. В таком вагоне простые солдаты не ездили. А значит, трибуналу бы пришлось назвать имена высокопоставленных большевистских чинов, по приказу которых утром на опушке леса и был расстрелян священник-мученик. Смерть же священника для коммунистов не была столь уж значимым событием, из-за которой нужно было бы поднимать шум и называть имена истинных убийц.

Таким образом, власть признала незаконность убийства отца Иоанна, но скрыла самих злодеев, совершивших это преступление. Не сумев обосновать расстрел священника даже пресловутой

«контрреволюционной деятельностью», революционные властители тем самым подтвердили, что мученическая кончина протоиерея Иоанна Ильинского свершилась лишь по причине служения сего пастыря Церкви Христовой, а единственной виной страдальца явилось его 45-летнее служение у Престола Господня в одном и том же храме.

Священномученик протоиерей Иоанн Ильинский, пресвитер Томыловский, причислен к лику общецерковных святых постановлением Священного Синода от 11 апреля 2006 года согласно решению Освященного Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2000 года.

Память его совершается 1 сентября (14 сентября по н. ст.) в день мученической кончины святого и в день празднования Собора Новомучеников и исповедников Российских в воскресенье 25 января (7 февраля н. ст.) или в ближайшее воскресенье после него.

Житие святого священномученика Николая Покровского,
иерея с. Горюшки Сенгилеевского уезда Симбирской

губернии (ныне ныне с. Гавриловка Тереньгульского р-на Ульяновской области).

Годы земной жизни его с 1864 г. по 1919 г.

Николай Сергеевич Покровский родился в 1864 году в семье священника. Имея искреннее желание продолжить семейную традицию и посвятить свою жизнь служению Церкви Христовой, Николай поступил в Симбирскую Духовную семинарию, которую, будучи человеком незаурядных способностей, окончил в 1889 году по первому разряду. Первым местом служения для Николая Сергеевича стала должность псаломщика при храме с. Шерауты Буинского уезда Симбирской епархии, исполняя которую он неленостно трудился на ниве Христовой на протяжении года. К тому времени будущий пастырь обзавелся семьей, сочетавшись законным браком с дочерью священника Иакова Киятского Еленой.

В 1891 году Николай Покровский был рукоположен епископом Симбирским и Сызранским Варсонофием (Охотиным) сначала во диакона, а спустя небольшой промежуток времени и во священника. После прохождения непродолжительной практики в одном из храмов Симбирска иерей Николай со своей юной супругой отправились на свой первый самостоятельный приход – в село Никулино Карсунского уезда. Устроившись на новом месте, отец Николай одновременно с исполнением настоятельских обязанностей стал учительствовать, преподавая Закон Божий в местной земской школе. Так прошли первые четыре года пастырского служения священника Николая Покровского. В 1895 году батюшка указом Симбирской Духовной Консисории был перемещен на новое место службы – в Благовещенский женский монастырь села Кашпир Сызранского уезда. Служение в монастырском храме несколько отличалось от обычного приходского. Монастырский устав, ежедневные службы, неторопливость клиросного пения и чтения - все это могло бы тяготить иного священника. Но отцу Николаю пришлось по душе его новое послушание. Он любил служить, ему нравился тихий и мирный уклад монастырской жизни, его, как духовного наставника, полюбили насельницы небольшой сельской

обители. Да и еще одним, уже известным и нравившимся ему делом, пришлось заниматься батюшке – он стал заведующим и законоучителем в местной церковно-приходской школы грамоты. Отец Николай очень любил детей, и то, что их с матушкой Еленой Господь не благословил чадами, выразилось в особом отеческом отношении священника к его ученикам. Все вышесказанное способствовало тому, что отец Николай прослужил в Кашпирском монастыре тринадцать лет. Во время службы в обители батюшка получает и первые свои священнические награды: в 1898 году епископом Симбирским и Сызранским Никандром он был награжден набедренником, а в 1906 году епископом Гурием скуфьей и медалью в память царствования Императора Александра III. В 1907 году Поволжье постигло испытание – по причине продолжительной засухи случился неурожай и начался голод. Страдало в основном крестьянское население в беднейшей его части. Отец Николай, как добрый пастырь, не оставил без действенного попечения своих духовных чад. Он организовал сбор хлеба для помощи тем, кто испытывал в нем нужду, обращался к местным помещикам и к тем из крестьян, кто обладал запасами зерна, с просьбой пожертвовать хлеб для своих неимущих единоверцев. Общими усилиями худших из ожидаемых последствий неурожая удалось избежать. Труды и заботы священника Покровского не остались незамеченными. В послужном списке батюшки есть такая запись: «За содействие делу оказания трудовой помощи населению, пострадавшему от неурожая, объявлена Высочайшая Ея Императорскаго Величества Государыни Марии Феодоровны 12-го августа 1908 года благодарность». За успешное же «прохождение должности заведующего церковной школы» батюшке в том же году была объявлена благодарность Епархиального училищного совета.

В 1908 году резолюцией Преосвященного Иакова, епископа Симбирского и Сызранского, священник Николай Покровский был перемещен в с. Горюшки Сенгилеевского уезда. На этом месте отец Николай прослужит до самого дня своей мученической кончины. Вскоре, в 1916 году, в село Горюшки на жительство переехал вышедший за штат и уволившийся на покой престарелый протоиерей Иаков Васильевич Киятский,

отец матушки отца Николая Елены Яковлевны. Незадолго до этого семью Покровских постигло несчастье – неожиданно для всех скончался брат матушки Елены, сын отца Иакова, священник Николай Киятский. Малолетняя дочь скончавшегося батюшки нашла приют в доме отца Николая Покровского, взявшего свою осиротевшую племянницу на воспитание. Так все вместе они и жили. Старенький отец Иаков иногда сослужил своему зятю-настоятелю, помогал ему в исполнении треб, а бездетным отцу Николаю и его супруге доставляла немалую радость маленькая племянница Валюша, ставшая им как родной дочерью. Мирно, в обычных заботах и радостях, протекала жизнь в семье священника Покровского. Но всему этому был положен конец осенью 1917 года. К власти пришли совершившие государственный переворот большевики. Началась новая, кровавая история государства Российского.

Для того чтобы понять, как к происходившим революционным событиям отнесся сам отец Николай, необходимо процитировать мысли самого батюшки о происходящих после прихода к власти большевиков событиях, которые священник Покровский изложил на страницах церковно-приходской летописи. Эти слова мученика как бы предваряют описание трагедии, которая затем произойдет в с. Горюшки. В летописи за 1917 год батюшка писал:

«На местной (провинциальной) жизни революция отобразилась не благоприятно. Увлечшись свободой, народ – в большинстве – не понял ее истинного смысла, и во всех своих мыслях, желаниях и действиях стал руководствоваться полнейшим своеволием и самоуправством, не считаясь с интересами ближнего. Коренной вопрос для жителей деревни – для крестьянства – земля. Образовавшиеся в начале революции местные комитеты не могли в этом вопросе законно и добросовестно справиться со своей задачей под давлением народа, желавшего сейчас же отобрать все частновладения земли, угодья и леса. Особенно страдают последние; народ не задумывается о будущем, и беспорядочно расхищают леса.

Революционная власть не оказалась на высоте своего положения. Как наверху, так и здесь, на местах, не было твердой власти, не было дисциплины, единства. Наружу выплыла партийная

борьба. Очень значительный недород хлебов, усилившееся железнодорожное расстройство, неимоверно повышающаяся на все предметы потребления дороговизна и недостаток продуктов – или же сокрытие их – довершали полнейшую разруху в жизни нашей страны, и делают ее от участвовавших наглых разбоев и грабежей едва выносимой. От многих слышатся возгласы: «Лучше бы умереть, чем переживать такую тяготу».

За последнее время всем становится жутко от все усиливающихся нестроений и, особенно, от братоубийственной войны и партийной борьбы с потоками крови, волна которой (борьбы), зародившись в больших и малых городах, докатилась – на почве вопросов «о земле» и «поравнении всех» - и до деревни.

Взаимная вражда что-нибудь «имущих» и «не имущих» все разжигается и доходит до зенитной точки...».

В летописи описаны события и следующего, 1918-го года. Именно тогда на отца Николая Покровского и были организованы местными сельскими большевиками первые гонения и притеснения. После изложения фактов нестроений, разрухи и происходящих практически везде грабежей, в летописи читаем:

«По местам вторгались и в храмы Божии, и производились в них грабежи. Провели про то Горюшкинские жители и вот, в одно время, собрались вечером на площади церковной в большом количестве, вызвали священника Покровского, стали рассказывать ему, что слышали про такие и такие-то насилия в церквях. «Чего же вы добиваетесь?» - спросил священник. «А хотим составить всеобщий приговор такой, чтобы до нашей церкви не касались». «Ну и составляйте!». «Ты должен пустить нас в церковь, чтобы мы это там устроили». Не мог устоять священник Покровский Николай Сергеевич против подобного всеобщего желания впустить их в церковь. И вот единственно этот его поступок послужил жизненной мукой для него. В Горюшке немало коммунистов, которые стояли вопреки мнениям большинства благоразумных. Они издавна пропитались духом нетерпимости. Им вообразилось, что подходит время повсюдного уравнивания в имущественном отношении, чего, конечно, никогда не может сбыться. И вот посыпались доносы в город, что священник Николай Покровский

устраивает митинги в храме с целью настраивания жителей против революции. Вследствие чего производились неоднократные наезды в дом священника, чинились допросы, производились обыски в доме. Конечно, обвинен он быть не мог, и все-таки прослыл контрреволюционером, и поплатился тем, что у него отобрали единственную бывшая у него лошадь со всей упряжью и с экипажем, имущество описано с отображением подписки, чтобы ничего не утрачивалось, и сам подвергся домашнему аресту. И так весь год священник Покровский был в тревоге».

Записи в летописи в 1918 году вел живший в селе Горюшки уже упоминавшийся престарелый тесть отца Николая – протоиерей Иаков Васильевич Киятский, проживавший на покое вместе с семьей дочери, вероятно в доме настоятеля местного храма. Можно лишь предположить, что ситуация вокруг священника Николая Покровского складывалась столь напряженная, что ему было даже не до ведения церковной летописи, а посему эту работу он попросил проделать отца своей супруги – отца Иакова Киятского. Вскоре произошла трагедия. О ней рапортом на имя архиепископа Симбирского и Сызранского Тихона доложил благочинный 2-го округа Сенгилеевского уезда священник Михаил Крылов: «Долг имею донести Вашему Высокопреосвященству, что в ночь с 4/17 на 5 марта с.г., по приговору Волостного Революционного Комитета, расстрелян священник села Горюшки Сенгилеевского уезда Николай Покровский. 6 марта усопший похоронен на приходском кладбище».

После расстрела священника Николая Покровского его тесть протоиерей Иаков Киятский был назначен настоятелем храма в с. Горюшки. В летописи за 1919 год отец Иаков изложил все произошедшие в то время в селе события, в том числе подробно описал причины расстрела своего зятя и само произошедшее убийство. Итак, вернемся к летописи.

«В феврале месяце, в конце его, в народе произошла тревога. Встревожилась чуть ли не вся Симбирская губерния. Вызвали эту тревогу непомерные зверские поступки над народонаселением коммунистов. Они, при помощи вооруженных армейцев, вторгались в дома жителей, производили обыски, отбирали хлеб, делали и другие неправды и насилия. Противников своих они

Этим моментом воспользовались горюшкинские коммунисты, издавна ненавидевшие священника Покровского. Они всю вину восстания взвалили на него. 4-го числа на 5-е марта его арестовали, заключили в арестантскую, находящуюся в селе при волости. Все это делалось поздно вечером, таясь от жителей. Ночью осудили его на смерть расстрелом, и к утру его не стало. Отпеть умершего, с подобающею ему честью, дозволили, но в церковной ограде схоронить не допустили. Со вдовы, жены усопшего священника Покровского, многое из имущества отобрали. Из скота оставили одну только корову, и то только потому, что она оказалась не ее,

а отца ее протоиерея Иакова Васильевича Киятского, вывезенная из села Старой Ерыклы, где служил Киятский, а потом с 1916 года за штатом жил в селе Горюшки. Он то и занял штатное место священника в селе Горюшки по упокоении зятя своего Николая Сергеевича Покровского».

Как очевидно, священник Николай Покровский был расстрелян исключительно как священнослужитель, по ложному доносу сельских коммунистов, огульно обвинивших батюшку в контрреволюционной агитации. Об

обвинениях, предъявленных священнику Покровскому, подробно сказано в смертном приговоре, вынесенном в отношении отца Николая и еще трех местных жителей. Вот текст этого документа:

«Приговор.

1919 г. марта 18-го Горюшкинский волостной военно-революционный комитет Сенгилеевского уезда..., заслушав при допросе показания нижеследующих граждан сел Горюшки и Кобелевки, обвиняемых в участии в избииении представителей Советской власти и подстрекательстве к восстанию, постановил:

1. Тимофея Николаевича Козина, гражданина с. Кобелевки, 40 лет, за нанесение ударов, угрожающих жизни (удары чугунным горшком по голове) Горюшкинскому волостному военному руководителю Богданову в дни восстания.

2. Василия Яковлевича Козина, гражданина с. Кобелевки, 45 лет, за нанесение ударов железным ведром избитому председателю Кобелевского Сельского Совета Рашурину и его жене Наталье Рашуриной.

3. Ивана Семеновича Родионова, гражданина с. Горюшки, за подстрекательство к дальнейшему продвижению повстанцев на Сызрань.

4. Священника с. Горюшки Николая Покровского, 55 лет. За подстрекательство и контрреволюционную напутственную проповедь перед восставшими
РАССТРЕЛЯТЬ.

Приговор этот привести

в исполнение немедленно.

Подлинное подписали
Председатель Ревкома и
Члены Ревкома».

Вот так, с помощью лжи
и клеветы, пользуясь своей
безграничной властью,
но опасаясь открыто
предъявить сколь ни будь
обоснованное и имеющее
под собой почву обвинение,
таясь от односельчан,
могущих не допустить
убийства любимого ими
священника, избавились
сельские коммунисты от
своего идеологического
врага, сеявшего в душах
своих прихожан, в
отличие от безбожников-
большевиков, зерна
любви, веры, милосердия
и сострадания. Затаенная
в сердцах озлобленных
и ослепленных
вседозволенностью

«революционеров» ненависть к служителю Церкви Христовой
вырвалась наружу, и, приняв вид «праведной» борьбы с
контрреволюцией, выразилась в страшных по своей сути и
сквозящих страхом и бесовским торжеством слова: «приговор
привести в исполнение немедленно».

Не думали они, так бесспорно надеявшиеся на свое вечное
владычество на Святой Руси, о том, что спустя многие десятилетия
их потомки, вернувшиеся в лоно Святой Церкви и решившие
понять истинную историю тех страшных времен, узнают правду.
Правду о том, что священник с. Горюшки Сенгилеевского
уезда Симбирской губернии Николай Покровский принял

мученическую кончину как пастырь Церкви Православной, ложно обвиненный безбожными властителями и гонителями веры Христовой в противодействии коммунистам, и стал одним из многих невинно убиенных священнослужителей Симбирской епархии, принявших венц мученичества в лютую годину большевистского безбожия.

Священномученик и ерей Николай Покровский, пресвитер Горюшкинский, причислен к лику общецерковных святых постановлением

Священного Синода от 11 апреля 2006 года согласно решению Освященного Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2000 года.

Память его совершается 4 марта (17 марта по н. ст.) в день мученической кончины святого и в день празднования Собора Новомучеников и исповедников Российских в воскресенье 25 января (7 февраля н. ст.) или в ближайшее воскресенье после него.

Житие святого священномученика Александра Гневушева, иерея с. Бряндино Мелекесского (ныне Чердаклинского) района Ульяновской области.

Годы земной жизни его с 1889 г. по 1930 г.

Священномученик Александр Федорович Гневушев родился 23 сентября 1889 года в селе Русская Цильна Симбирского уезда (ныне Цильнинский р-н Ульяновской обл.) в семье одного из самых уважаемых священников Симбирской епархии – будущего протоиерея, благочинного, настоятеля Свято-Троицкого собора г. Буинска отца Феодора Васильевича Гневушева. В семье отца Феодора и его матушки Клавдии Николаевны было четверо детей – два сына и две дочери. Сыновья – Сергей и на год младший него Александр – станут священниками, а дочери – старшая из детей Мария и самая младшая из них Лидия – всю свою жизнь будут педагогами. И все дети отца Феодора так или иначе пойдут по стопам своего отца. Сыновья станут служить в алтаре Дома Божия, а дочери будут трудиться на ниве народного образования. Дело в том, что их отец сам очень много времени уделял просвещению крестьян. Во время служения в с. Русская Цильна он безвозмездно трудился в организованной им приходской школе, которая, за неимением отдельного помещения, располагалась в квартире самого священника. На нужды школы отец Феодор выделял деньги из своего дохода. В том же селе этим замечательным священником был выстроен храм, церковно-приходская школа и школа грамоты.

И так было на протяжении всей жизни этого служителя Церкви Божией. Дети же батюшки росли, и все время видели неслепое отношение их родителя к своим пастырским и учительским обязанностям, и сей пример стал для них основой

для дальней жизни и служения.

Александр, как и его брат Сергей, решил посвятить свою жизнь служению Церкви Христовой, и также поступил в Симбирскую духовную семинарию, которую окончил в 1912 году – через год после брата. 14 марта 1913 г. епископом Симбирским и Сызранским Назарием он был назначен псаломщиком в свое родное село Русская Цильна Симбирского уезда, в храм, который был возведен трудами его отца. Сам же протоиерей Федор в то время был уже переведен в г. Буинск. Ровно через год, 9 марта 1914 г. свершилось заветное желание сердца будущего пастыря Церкви. В этот день епископом Симбирским и Сызранским Вениамином диакон Александр Гневушев был рукоположен во священника и был назначен на свой первый приход в Христорождественский храм с. Алейкино Симбирского уезда (ныне с. Старое Алейкино Ульяновского района), где служил по 1920 год. Одновременно с церковным служением отец Александр был заведующим и законоучителем в местной церковно-приходской школе. Именно в Алейкино молодой священник встретил разрушительные перемены и бедствия, которые принес государственный переворот, случившийся в октябре 1917 года. Переворот случился также в сердцах многих православных российских людей, которые, обуянные якобы дарованной большевиками свободой, попадали в некоторой своей части под влияние бесовской вседозволенности, оставляя удерживавшего их в смирении, покое и любви Спасителя. Сложное в духовном смысле и тяжкое в житейском понимании время обрушилось на святую Церковь. Разделения, гонения и притеснения со стороны властей были для верующих и их пастырей до сей поры неизвестны и ими подчас не понимаемы.

Обнищание деревни началось буквально с первых лет прихода большевиков к власти. Коснулось это бедственное положение и духовенства. Кроме духовных страданий при безбожных властителях, священникам также приходилось испытывать и материальную нужду и недостатки. К 1920 году в семье отца Александра Гневушева и его матушки Клавдии Андреевны было уже двое детей: дочь Любовь пяти лет и сын Федор трех лет. Этому хоть и небольшому семейству необходимо было хоть

какое-то пропитание. Но и самого необходимого в своем приходе они получить не могли. Как нельзя лучше тогдашнее положение духовенства, у которого было «экспропри-ирована» кормившая их раньше земля и донельзя урезан церковный доход, описал в том же 1920 году один из священ-ников Карсунского уез-да: «Жалованья священ-ника ниоткуда не име-ется. Священник пользу-ется доброхотным дая-нием хлебом так скудно, что едва с голода не пом-рет, да делать нечего». Подобное полунищен-ское положение было и в семье отца Александра.

В ноябре 1919 года на семью Гневушевых обрушилось несчастье – скоропостижно скончался брат отца Александра, тридцатилетний настоятель Богоявленского храма с. Киять Буинского уезда священник Сергей Гневушев. В начале декабря прихожане с. Кияти пишут на имя Симбирского архипастыря прошение о переводе на место почившего брата священника с. Алейкино Александра Гневушева. Надеясь на то, что на новом приходе хотя бы материальное обеспечение семьи будет лучше, отец Александр дает свое согласие киятским прихожанам. Но, узнав о подписанном в начале января 1920 года указе о перемещении батюшки из их села в другое, верующие Алейкино обращаются в Симбирский Епархиальный Совет с просьбой «нашего священника Александра Федоровича Гневушева, переведенного 3 января 1920 года в село Киять Буинского уезда оставить на старом месте – то есть при селе Старо-Алейкине». Сам же батюшка еще не успел собраться к переезду. Тяжело ему было расставаться со своим первым приходом, с полюбившимися ему прихожанами и уже ставшей родной церковью. Видимо еще и поэтому, переживая потерю брата, отец Александр заболел и почти месяц провел в постели. Да еще и матушка священника была непрадна – в семье ожидали рождения ребенка. 10 января 1920 года батюшка пишет в Епархиальный Совет о том, что «на просьбу полного церковно-приходского собрания, на котором меня просили опять остаться в прежнем приходе и улучшить материальное обеспечение моей семьи, я изъявил согласие остаться при церкви села Старого Алейкино». 3 февраля того же года указ о переводе священника Александра Гневушева в с. Киять был отменен. Батюшка остался на своем приходе.

Служил отец Александр в Алейкино до июля 1921 года. За это время в его семье случилось прибавление – в апреле 1920 года родилась дочь, при крещении нареченная Зоей. В июле же 1921 года в Епархиальное Управление обратились жители соседнего с Алейкино села Комаровка. В этом селе в 1919 году была освящена Михаило-Архангельская церковь, выстроенная на средства и тщани-ем киевской гражданки Марии Михай-ловны Есикор-ской, Михаила Васильевича Су-ринова и местных прихожан. Назначенный после освящения храма его настоятелем священник в

начале лета 1921 года уехал к себе на родину, оставив приход без пастырского окормления. Зная отца Александра Гневушева как доброго батюшку, мудрого наставника и грамотного, знающего священника «не желая оставить веру Христову, наше Православие и благолепие нашего вновь выстроенного храма», жители с. Комаровки просили епархиальное начальство перевести к ним на приход священника Гневушева, на что тот и дал им свое согласие».

С 4 июля того же года архиепископ Симбирский Александр переместил отца Александра в Михаило-Архангельский храм с. Комаровка, где батюшка прослужил до 13 марта 1923 года. В июле

же 1923 года священник Александр Гневушев был перемещен в село Шумовку Симбирского уезда. В нынешнее время при храме села Комаровка создан единственный пока в епархии Михаило-Архангельский женский монастырь.

В это время для батюшки начались серьезные испытания. Дело в том, что к началу 1920-х годов в Российской Православии произошел инициированный ЧК раскол, и образовалось так называемое движение «Живая Церковь», позже известное под именем обновленческого раскола или «обновленчества». Презрев множество церковных канонов, руководимая ставленниками советской власти из среды некоторых неумных, жаждавших в угоду политической ситуации церковных перемен, представителей духовенства, эта так называемая «Церковь» стала распространяться по всей России. Именно ее представители получали в первую очередь государственную регистрацию, и именно «обновленческие» епархии пользовались лояльностью и поддержкой органов советской власти, которым был просто необходим раскол во враждебной, с их точки зрения, среде православного духовенства.

В Симбирске в 1922-1923 годах была организовано и зарегистрировано единственное легальное Епархиальное Управление - обновленческое. Организация иных церковных центров на территории губернии местными властями не допускалась. Таким образом, волей или неволей, но многие приходы вынуждены были искать управления своей жизнью у единственного на то время «законного» архипастыря – обновленческого архиерея. А так как, согласно установившемуся в то время правилу, приходской жизнью руководил церковный совет, а решения принимались приходским собранием без участия в этих структурах приходского священника, то и к мнению настоятеля иногда просто не прислушивались. Подобная ситуация сложилась в то время и в с. Шумовка. До этого Шумовский приход был в беспрекословном подчинении Патриарху Тихону, о чем однажды в то время писала одна из местных большевистских газет: «Бытовой особенностью села Шумовки является исключительная религиозность населения. В церковь ходит народу, особенно женщин, - как говорят, «пушкой не прошибешь». В вере

придерживаются старинки – тихоновщины. При нас отправилось 18 женщин (преимущественно вдовы и старые девы) пешком на поклонение в «Лавру». Ребята просят сильного антирелигиозника, хотя бы на недельку».

Вероятно, в губернском граде слышали просьбу местных комсомольцев, и прислали в Шумовку агитатора-атеиста. Вскоре в селе появилась небольшая группа прихожан, которая требовала перехода сельской православной общины в обновленчество и подчинения обновленческому же архиепископу Иоанну. Но часть верующих, во главе с батюшкой, продолжала придерживаться староцерковного течения и не желала жить по новым,

противоречащим древним канонам Церкви, правилам. Обновленцев на приходе было хоть и немного, но действовали они напористо и решительно.

Именно «обновленческая» часть общины, поддавшись пропаганде заезжего агитатора, пожелала во что бы то ни стало избавиться от строптивного священника – «тихоновца». В Симбирск начали посылаться клеветнические

жалобы на отца Александра с требованием убраться его из

Шумовки. В апреле 1925 года Епархиальное Управление решает «произвести дознание по содержанию жалобы, принесенной на священника Гневушева некоторыми верующими с. Шумовки и в целях информации обновленческого дела в Церкви поручить члену Епархиального Управления П.М. Жижину сделать доклад о «тихоновщине» в селе Шумовке». В качестве же «духовной взятки» Епархиальное Управление, зная об авторитете отца Александра у местного духовенства, предложило священнику занять должность местного обновленческого благочинного, от чего батюшка отказался. Мало того, не желая торговать совестью и изменять священнической присяге, отец Александр, подчиняясь решению единственной епархиальной власти, решил вовсе оставить этот свой приход и найти новое место служения, которого еще не коснулась обновленческая зараза – даже в другой епархии. В начале лета 1925 года отец Александр Гневушев становится заштатным священником – не смотря даже на два прошедшие в Шумовке собрания граждан, высказавшихся за оставление батюшки на их приходе, Епархиальное Управление принимает решение об увольнении священника с должности.

Отец Александр, оставшись без места служения, отягощенный уже многочисленным семейством (к тому времени у него уже было четверо малолетних детишек), занялся поиском прихода – служить он желал лишь в истинно-православном приходе. В одном из документов той поры его называли «агитатором и регистратором Тихоновских приходов».

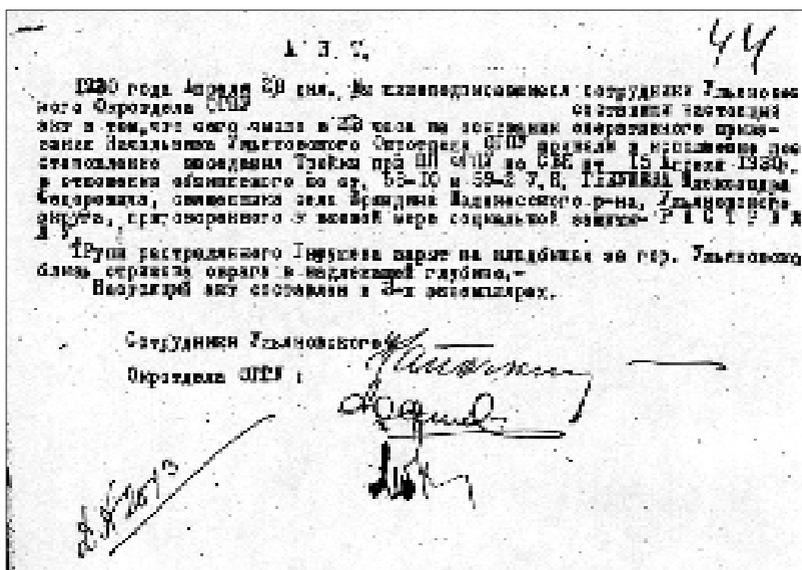
К тому времени в Ульяновск приехал назначенный Святейшим Патриархом Тихоном для управления Ульяновской епархией епископ Виссарион (Зорнин). Отец Александр сразу направляется к Преосвященному архипастырю и получает столь долгожданное направление на служение – в село Бряндино нынешнего Мелекесского района. В июле 1925 года батюшка со своим семейством переезжает на свой новый и последний приход. Здесь он, мирясь с притеснениями местных властей, предпринимая все доступные ему меры для сохранения веры в своих прихожанах и неустанно принося молитвы пред престолом сельского храма, служил до зимы 1930 года.

В святочные дни после праздника Рождества Христова 1930 г. в

профессиональные грабители, забрав даже кухонную утварь и детские вещи. Однако священник прекрасно понимал, что этот грабеж лишь начало великих потрясений, которые вскоре и обрушились на его приход.

14 января, в праздник Обрезания Господня и памяти Святителя Василия Великого, после окончания службы отец Александр обратился к верующим со словами: «Быть может, последние службы служим в нашем храме. Скоро отберут у нас храм в колхоз. Налог выплатить не можем, а меня самого обобрали до нитки. Давайте помолимся усерднее, чтобы Господь избавил нас от нападок безбожников. Спасать нужно веру православную». В этот же день призвал священник прихожан, не смотря на Святки, начать говеть, чтобы всем успеть причаститься – ведь если церковь закроют, то кто знает, когда в следующий раз доведется приобщиться Святых Таин Христовых? Держа крест в руках, стоя

на амвоне, отец Александр запел великопостное: «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши? Конец приближается...». За батюшкой запели певчие, а народ в храме начал плакать. Потекли слезы из глаз и самого отца Александра. Не смог батюшка сдержаться,

зарыдал, положил крест святой на аналой и ушел в алтарь.

После службы многие из прихожан пришли домой к священнику с вопросом: что делать, если церковь действительно захотят закрыть? Но батюшка не призвал своих духовных чад ни к противлению, ни к насилию. Сказал лишь: «Пускай советская власть закрывает церкви. Мы же откроем молитвенный дом, но не дадим умереть нашей вере. Заблудилась нынешняя власть, пошла за антихристом. Но должно прийти время, когда она одумается и придет к раскаянию».

15 января сельские власти в Бряндино созвали общее собрание женщин для обсуждения вопроса о снятии с храма колоколов. Принимал актив села, что именно верующие женщины могут воспро-

тивиться таким мероприятиям, проводимых безбожниками. Собралось около 300 человек. Только услышав, о чем пойдет речь, женщины категорически отказались даже обсуждать этот вопрос. Вот как итоги этого собрания были описаны в обвинительном заключении: «Под влиянием антисоветской агитации Гневушева и его единомышленников, используя слабую подготовительную кампанию и неумелое руководство собранием со стороны организаторов, собравшиеся проявили крайне отрицательное отношение к поставленному на обсуждение вопросу, в результате чего собрание было сорвано».

16 января сельские власти все же решились снять колокола с храма. Однако лишь только представители сельсовета подошли к церкви, на колокольне раздался набат. В считанные минуты со всех сторон села к храму устремился народ, спустя краткое время, собралась толпа около 500 человек. Сельсоветчики начали было оправдываться, что, дескать, колокола снимать они не будут, но обмануть людей им не удалось. Из толпы раздавались выкрики: «От церкви не разойдемся, будем бить в набат, пока все село на ноги не поставим!», «Изверги, замучили нас!», «Не дадим себя в обиду – всему селу ничего не

сделают!», «Не дадим снять колокола!». Люди плакали, кричали, кто-то просто молча молился. А сельские активисты, испугавшись, спешно ретировались от храма, справедливо опасаясь, что одними криками разгневанные сельчане могут и не обойтись. Народ же еще долго не уходил от храма. Женщины выставили пикет, который стоял у церкви еще три дня - люди опасались, что сельсоветчики вновь могут предпринять попытку опустошить колокольню их храма.

Спустя месяц страсти несколько поулеглись. Власти будто бы больше не покушались на церковь, верующие продолжали молиться в своем храме. Однако затишье было обманчиво. Простить «противление проводимым сов. властью и партией мероприятиям» и «организацию массового антисоветского выступления» большевики никому не собирались.

В начале февраля отец Александр уехал в Ульяновск к родственникам, а 11 февраля были арестованы в с. Бряндино активные участники выступления верующих при попытке со стороны властей снять колокола. Сам же батюшка был объявлен в розыск, как скрывающийся от органов НКВД, так как якобы было неизвестно место его нахождения. В действительности же отец Александр, вернувшись из Ульяновска, уехал в лес заготавливать дрова – зима продолжалась, а топить в доме было уже нечем. Через несколько дней после его возвращения домой 23 февраля 1930 г. священник Александр Гневушев был арестован и 26 февраля ему было предъявлено обвинение. Так как на момент проведения следствия по обвинению уже задержанных жителей с. Бряндино отец Александр не был еще арестован, дело по его обвинению было выделено в отдельное производство.

Ко времени взятия под стражу отца Александра арестованные по этому же делу его прихожане были уже осуждены – 22 февраля 1930 года Т.Г. Бочкарев и М.М. Баканов были приговорены к расстрелу, а А.Я. Корнилова и монахиня Клавдия (Капралова) были осуждены к заключению в концлагерь сроком на 10 лет.

Длительное время отец Александр содержался под стражей без санкции прокурора, несмотря на то, что он категорически отрицал уличающие его показания свидетелей. В результате священник был обвинен в том, что он «является руководителем кулацкой группы,

систематически срывавшей мероприятия советской власти, группа вела злостную антисоветскую агитацию, распространяла провокационные слухи».

Спустя почти два месяца после ареста священника было

вынесено постановление «тройки» при ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю от 15 апреля 1930 года, согласно которого отец Александр Гневушев был приговорен к расстрелу.

Спустя еще две недели, 28 апреля 1930 г. в 23 часа, священник Александр Федорович Гневушев, 39 лет, был расстрелян коммунистами. Пуля большевистского плача поставила точку в земной жизни верного и истинного служителя Церкви Христовой, а «труп расстрелянного Гневушева зарыт на кладбищах за г. Ульяновском близ Стрижева оврага в надлежащей глубине».

В год, когда отец Александр был расстрелян, старшей из чад батюшки - дочери Любе - было 14 лет, а младшему из них, сыну Сергею, только исполнилось 3 года – сиротами остались пятеро малолетних детей.

Священномученик иерей Александр Гневушев, пресвитер

Бряндинский, причислен к лику общецерковных святых постановлением Священного Синода от 17 августа 2004 года согласно решению Освященного Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2000 года.

Память его совершается 15 апреля (28 апреля по н. ст.) в день мученической кончины святого и в день празднования Собора Новомучеников и исповедников Российских в воскресенье 25 января (7 февраля н. ст.) или в ближайшее воскресенье после него.

Житие святого священномученика архиепископа Александра
(Трапицына),
епископствовавшего в Симбирске с 1920 г. по 1927 г.
Годы земной жизни его с 1862 г. по 1938 г.

Священномученик Александр (в миру Александр Иванович Трапицын) родился 29 августа 1862 года в семье диакона Иоанна Трапицына и его супруги Клавдии в селе Волмы Вятского уезда Вятской же губернии. Всего у родителей было восемь сыновей, трое из них стали священниками и один – Александр - епископом.

Следуя по стопам своего благочестивого родителя, Александр поступил сначала в Вятское духовное училище, а по его окончании получил также духовное образование в Вятской Духовной се-минарии. По окончании в 1884 году обучения в семинарии он, как один из лучших ее воспитанников, был послан для продолжения образования в Казан-скую Духовную акад-емию, где обучался на казенным счет, что в то время было особым образом поощрения наиболее даровитых выпускников семинарий. Окончив акад-емию в 1888 году со степенью кандидата богословия, Александр Иванович был назначен на должность надзирателя в Вятское духовное училище. В этом же году он

женился и 26 февраля 1889 года был рукоположен в сан священника ко Всехсвятской церкви города Вятки и назначен преподавателем Закона Божия и церковной истории в местное епархиальное женское училище. Кроме того, отец Александр состоял членом комитета школы приготовления псаломщиков, цензором проповедей и сочинений религиозно-нравственного содержания и депутатом от духовного ведомства на собраниях Вятской Городской Думы.

В 1891 году Россию постигло великое испытание – в следствии сильнейшей засухи начался до селе не виданный голод. Как и многие пастыри в это время, отец Александр откликнулся на бедствие народа, призывая людей состоятельных помочь тем, кто попал в беду и лишился средств к пропитанию.

В вятском кафедральном соборе во время богослужения 14 сентября 1891 года отец Александр, обращаясь к собравшимся, сказал: «Вот и ныне, слушатели христиане, постигло наше Отечество тяжелое бедствие. Божиим попущением многие местности нашего Отечества, в том числе и Вятский край, бывшие прежде хлебородными, пострадали от неурожая хлеба, и население Империи уже начинает испытывать недостаток в средствах пропитания. Это бедствие — крест Божий, ниспосланный нам во вразумление и наказание наше за грехи. Мы уже слишком далеко уклонились от того образа жития, какой начертывает нам слово Божие. Забвение Бога, неверие, погоня за наживой, шагами и удовольствиями мира сего, самолюбие, своекорыстие — обычные наши страсти и пороки, низводящие нас

на степень человека-язычника. Ниспосланный нам свыше крест и является спасительным врачевством против наших душевных недугов. Он побуждает нас глубже проникнуть в наше душевное состояние, раскрыть пред нашим сознанием наши духовные язвы, приложить старание об их уврачевании и об умилоствлении прогневанной нашими прегрешениями правды Божией добрыми и богоугодными дедами...»

И далее, поясняя, что же в нынешних обстоятельствах является богоугодным делом, отец Александр сказал: «Совершите братие, святое дело сострадания бедствующим братьям: помогите им в тяжелой нужде. Не отклоняйте руки, простираемой к вам за подаванием, слагайте лепты свои в обносимые пред вами кружки, посылайте ваши жертвы в учрежденные для сбора их комитеты, чем кто может: кто имеет деньги, да уделит от них по усердию, у кого есть одежды, да подаст из одежды, а у кого есть пища, такожде да творит (Лк. 3, 11)».

В марте 1892 года у отца Александра родился сын-первенец, а в июле того же года он овдовел – после непродолжительной болезни скончалась супруга батюшки, оставив его с младенцем сыном на руках. В 1893 году священник Александр Трапицын был назначен законоучителем Вятского Александровского училища, а в 1896 году — определен в состав Епархиального Училищного Совета. В июне 1897 года он был избран членом Совета епархиального женского училища, а в сентябре того же года назначен на должность инспектора Вятской Духовной семинарии. Однако на

протяжении всех лет после смерти супруги отец Александр начал постепенно склоняться к избранию особого пути служения Церкви – в монашеском достоинстве.

26 февраля 1900 года преосвященным Алексием (Опоцким), епископом Вятским и Слободским иерей Александр в крестовой церкви был пострижен в монашество. Имя ему было оставлено прежнее - Александр.

Вскоре после пострига иеромонах Александр был назначен исполняющим должность ректора Вятской Духовной семинарии. В апреле 1900 года, к празднику Пасхи, указом Святейшего Синода батюшка был награжден наперсным крестом.

28 июля 1901 года указом Святейшего Синода отец Александр был назначен ректором Калужской Духовной семинарии и возведен в сан архимандрита. Вскоре после этого Господь уготовал для отца Александра служение Своей Церкви в новом достоинстве – решением Святейшего Синода и согласно именного Императорского Указа архимандриту Александру (Трапицыну) было определено стать епископом. 12 декабря 1904 года архимандрит Александр в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге был хиротонисан во епископа Муромского, викария Владимирской епархии. Хиротонию совершили митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский) и митрополит Киевский и Галицкий Флавиан (Городецкий). Епископ Александр в своем кратком ответном слове после вручения ему архиерейского жезла сказал: «Измлада наученный во всех затруднительных путях своей жизни возлагать упование на помощь Божию, я и ныне в сей знаменательный для меня день и час жизни, нахожу для себя ободрение против страха перед своими немощами в вере и надежде на всеильную благодать Божию».

Определением Святейшего Синода от 19-21 ноября 1905 года преосвященный Александр был назначен на должность председателя Владимирского епархиального училищного совета.

В декабре 1907 года было открыто второе викариатство во Владимирской епархии; второй викарий получил местопребывание в Муромском Спасском монастыре; в связи с этим преосвященный

Александр был назначен епископом Юрьевским, первым викарием Владимирской епархии.

В июне 1912 года преосвященный Александр получил назначение на самостоятельную Вологодскую кафедру. 12 июля владыка прибыл на новое место своего служения в Вологду, где его встретил епископ Вельский Антоний (Быстров), викарий Вологодской епархии, с многочисленным духовенством. После встречи владыка сказал собравшимся, что когда он получил назначение на Вологодскую кафедру, им поначалу овладело смущение, так как эту кафедру ранее занимали многие великие светильники Православной Церкви, к каковым принадлежит

и только что отбывший из Вологды преосвященный Никон; смущение его было столь велико, что даже появилось желание остаться на прежнем месте, но при мысли о том, что это назначение состоялось по воле Пастыреначальника Господа Иисуса Христа, он бодрился, полужившись на благодать Божию и на молитвы святых угодников земли Вологодской.

Архиерейское служение в Вологодской епархии владыка начал с объезда монастырей и приходов. Он сразу же посетил Спасо-Прилуцкий монастырь, Успенский женский монастырь в Вологде, Корнилиев Комельский монастырь вблизи города Грязовца, Павло-Обнорский монастырь и другие, останавливался во многих приходах и почти каждый день совершал богослужения.

Деятельно участвуя как архипастырь во всех религиозных мероприятиях епархии, владыка видел, что у современных христиан угасает ревность к духовной жизни, вера становится теплохладной, от этого расстраивается жизнь приходов; в селах храмы еще имеют постоянных прихожан, в городских приходах постоянных прихожан уже почти нет. Благотворительность хотя и не была оставлена вовсе и даже несколько возродилась с началом Первой мировой войны, но и в делах благотворительности, как и в делах прихода, деятельно участвовала лишь небольшая часть прихожан. «Созвать приходское собрание для разрешения возникающих вопросов по благотворительной деятельности в приходе и даже для ознакомления тем, как употребляются собранные на помощь бедным средства, чрезвычайно трудно. Горький опыт всех городских приходов свидетельствует, что в таких собраниях участвует едва одна десятая часть прихожан, имеющих право голоса, а остальные девять десятых остаются безучастными к общему делу. Не так было в старину, — писал владыка, обращаясь к Вологодской пастве. — Прежде любили свои храмы. Чем иначе объясните вы само обилие храмов в нашем городе? Населения было несравненно меньше, приходы были малочисленнее, а между тем — смотрите, какие величественные храмы созидались и богато украшались. Поддержать созданное нашими благочестивыми предками церковное благолепие мы едва в состоянии». Вызывало

беспокойство архипастыря и отсутствие духовной связи между членами приходской общины, которые зачастую оказывались едва знакомыми друг с другом.

Для преодоления этих явлений и упорядочения жизни в приходах епископ Александр созвал общее собрание пастырей всех городских церквей Вологды для совещания по вопросу о приходской реформе и выработке специального обращения архипастыря и пастырей к православному населению города. В нем они призывали, чтобы каждый православный житель города определился, какой храм он считает своим приходским — по рождению ли в этом приходе, по месту ли жительства или по духовной связи с пастырем, дабы хотя бы как-то упорядочить духовную жизнь православных жителей города.

В 1917 году в Москве открылся Поместный Собор Русской Православной Церкви, и епископ Александр стал принимать деятельное участие, как в общих заседаниях Собора, так и в отделах: о церковной дисциплине, о церковном суде, о монастырях и монашестве, о правовом и имущественном положении духовенства, о благоустройстве прихода. Основным и самым важным результатом работы собора стало избрание после более чем двухсотлетнего перерыва Предстоятеля Церкви — им стал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Беллавин).

Во время начавшихся после революции 1917 года гонений на Русскую Православную Церковь со стороны пришедших к власти безбожников, владыке почти сразу же пришлось испытать всю их тяжесть. 4(17) апреля 1919 года по распоряжению властей специально созданная для этой цели комиссия вскрыла раку с мощами преподобного Феодосия Тотемского. Вскрытие раки вызвало бурю протестов православных жителей города, и епископ направил председателю Вологодского губернского исполкома письмо, в котором писал: «Управление Тотемского Спасо-Суморина монастыря рапортом на мое имя от 5 (18) сего апреля донесло мне нижеследующее: сего 4 (17) апреля по окончании Божественной литургии явилась в храм комиссия с участием четырех врачей для освидетельствования святых мощей преподобного Феодосия и тотчас же приступила к внешнему

осмотру раки и гроба со святыми мощами...

По приказанию членов комиссии все одежды, покрывавшие святые мощи, были с оных сняты и удалены, после чего секретарем Божковым и врачами были тщательно освидетельствованы

все члены святых мощей. А затем приказано было поставить гроб со святыми мощами в наклонном положении, дабы часть гроба с помещающеюся в оном главою преподобного была приподнята, и в таком виде с преподобного было произведено два фотографических снимка. Засим вставали на стол члены комиссии и, взявши в руки обнаженные святые мощи, также и главу, показывали их народу, в значительном количестве наполнявшему храм. А после этого предложено было проходить мимо стола, на котором положены были святые мощи, всем желающим, касаться святых мощей, брать их в свои руки. Со святых мощей, вынутых из гроба и держимых в руках, также с главы и рук был произведен еще фотографический снимок.

После этого комиссия вынесла постановление, чтобы святые мощи были оставлены обнаженными и положены были на верхней

крышке кипарисного гроба, помещающегося в раке, а сверху были покрыты стеклянным футляром, взятым с плащаницы, что и было приведено в исполнение. Поверх футляра были положены печати...

Сообщая о вышеизложенном, прошу срочного распоряжения Вашего о немедленном прекращении описанного необычайно кощунственного положения останков преподобного Феодосия Тотемского, которое может вызвать великое смущение среди православного населения...».

Власти отказались удовлетворить просьбу епископа и вместо ответа поместили в газетах циничную статью председателя губернского исполкома. Владыка, желая объяснить суть церковной позиции, направил ему второе письмо, в котором писал: «Очень рад, что своим ответным письмом... на мое к Вам обращение с просьбой о прекращении выставления обнаженных останков преподобного Феодосия Тотемского в удовлетворение праздного любопытства толпы Вы даёте мне повод изложить истинный взгляд Церкви на святые мощи». И далее владыка описал основы учения Церкви о мощах вообще и о благоговейном их почитании в Православии на протяжении многих столетий. Одновременно архипастырь укорил новых властителей как в кощунственном отношении к святыне, так и в развращении своими дерзновенными поступками православной паствы. И вновь владыка Александр обратился к властям с требованием прекратить глумление над святыми останками.

Но и на это письмо был получен от властей отрицательный ответ. 29 мая 1919 года, в день праздника Вознесения Господня, в монастырь собралось множество богомольцев из дальних и ближних мест. Во все предыдущие годы в этот день мощи преподобного Феодосия переносились из зимнего храма в летний. После окончания ранней литургии народ обратился к настоятелю Спасо-Суморина монастыря игумену Кириллу (Ильинскому) с просьбой — положить святые мощи в гроб. Настоятель ответил, что исполнение просьбы зависит от разрешения властей. Народ двинулся за разрешением в исполком, но здесь ему было категорически отказано в просимом.

После окончания поздней литургии народ, занимавший всю

площадь перед собором, стал снова требовать, чтобы святые мощи были положены в гроб, а затем люди сами сорвали печати с футляра. Игумен Кирилл переложил мощи, и «в сослужении братии и городского духовенства с молебным пением Спасителю, Божией Матери и преподобному Феодосию святые мощи были обнесены вокруг храмов обители и внесены в летний храм».

Сразу же после окончания вечерни власти арестовали и заключили в тюрьму настоятеля, казначея, духовника, благочинного, двух иеродиаконов и двух монахов, и в обители остались иеродиакон, два монаха и послушники; по этой причине богослужения в монастыре прекратились.

19 июня 1919 года гроб с мощами преподобного Феодосия был снова вскрыт властями, а мощи помещены под стеклянный футляр и опечатаны. Уездные власти, опасаясь волнений среди населения, обратились с просьбой к губернским властям, чтобы те разрешили увезти мощи в Вологодский музей, а монастырь закрыть. Такое разрешение было получено, и ночью 26 сентября 1919 года мощи преподобного Феодосия были тайно перевезены в Вологду, а монастырь закрыт. Тысячи верующих Вологды и окрестностей направили ходатайства к властям с просьбой вернуть мощи в храм. В одном из ходатайств они писали: «Мы... знаем, что такое мощи. Мы почитали и почитаем их как останки дорогого для нас угодника Божия, который в своей земной жизни исполнением заповедей христианского учения, добрыми делами, смиренным поучительным житием, праведною кончиною и молитвенной помощью при жизни и по смерти утешал и утешает сердца верующих...». Но несмотря на обращения епископа и верующих, мощи преподобного Феодосия в то время не были возвращены. Сам же владыка Александр после своих активных действий как по прекращению кошуинства в отношении святыни, так и по возвращению мощей св. прп. Феодосия впал в немилость местных большевиков. Спустя некоторое время после ареста братии Спасо-Суморина монастыря «за связь с монашеством и контрреволюционную агитацию» был арестован и епископ Александр. Владыка был осужден на шесть месяцев принудительных работ в концлагере. Желая уберечь епископа Александра от дальнейшего преследования со стороны

новых советских властителей, Святейший Патриарх Тихон, осведомленный о печальных происшествиях в Вологодской епархии, почел за благо после освобождения из лагеря перевести владыку на другую кафедру.

13 (26) июля 1920 года согласно Указу Священного Синода за № 2037 по благословению Святейшего Патриарха Тихона временно управлявший Симбирской епархией Преосвященный Тихон (Василевский), бывший Курский, переведен на Воронежскую кафедру, а Преосвященный епископ Вологодский Александр (Трапицын) назначен на Симбирскую кафедру с возведением в сан архиепископа. В начале сентября того же года с титулом «Симбирский и Сызранский» архиепископ Александр (Трапицын) прибыл на место своего нового служения.

Время приезда владыки в Симбирск совпало не только со все усиливавшимися гонениями на Церковь со стороны большевистской власти, но и с новыми испытаниями, постигшими все Поволжье. 1921 год, как и следующий 1922, вошли в историю всей страны как годы невиданного по своим масштабам и ужасным последствиям голода. Последствия гражданской войны, разруха в сельском хозяйстве, уничтожение во время братоубийственных сражений огромного количества хлебопашцев, отрыв от крестьянского труда миллионов земледельцев – все это стало одной из немаловажных причин всероссийского голодомора, особенно поразившего Поволжье. В исторических повествованиях уже неоднократно описанные случаи большевистских поборов, а вернее грабежа сельского населения, которые также внесли свой вклад в то, что продовольственные запасы страны к 1921 году практически истощились, а пополнения их ожидать по вышеозначенным причинам было весьма затруднительно. Продукты резко вздорожали, крестьяне приобретали необходимое для пропитания путем натурального обмена, в городах же продовольственное снабжение характеризовалось одним словом – кризис. В то страшное время Церковь не осталась в стороне от беды своего народа. Летом 1921 года Святейший Патриарх Тихон обращается ко всему миру с просьбой о помощи: «Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода. Не до слуха

вашего только, но до глубины сердца вашего пусть донесет голос мой болезненный стон обреченных на голодную смерть миллионов людей и возложит его и на вашу совесть, на совесть всего человечества. На помощь немедля! На широкую, щедрую, нераздельную помощь!». Но кроме этого, Патриарх обращается и к чадам самой Церкви Российской с воззванием. Святейший призывает православных не только жертвовать на помощь голодающим кто что может, но и идет на беспрецедентный шаг: благословляет передавать для спасения голодающих драгоценности, находящиеся в ведении храмов, и не имеющих богослужебного назначения.

Но для большевиков голод стал не насущной проблемой, а причиной и возможностью ограбить Церковь. Буквально через четыре дня после вышеозначенного воззвания Патриарха 10 (23) февраля 1922 года появляется декрет ВЦИКа об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих. В этом документе, составленном так, будто Церковь вообще не проявляет никакого интереса к голодной катастрофе в России и не принимает участия в ее преодолении, указано, что изыматься будет все то, что не имеет существенного значения для совершения отправлений культа. Под эту расплывчатую формулировку попадали и драгоценные оклады с икон (ведь иконы оставались в храмах), и драгоценности с облачений (ведь обычно в храмах было по несколько комплектов священнических одежд), и драгоценные евхаристические сосуды (ведь в церквях обычно было по несколько потиров и дискосов – хватит и одного для богослужений), и т.д. Этот декрет стал для верующих совершенно кощунственным и святотатственным актом.

События же в Симбирске развивались следующим образом. Инициативу об изъятии ценностей в храмах в губернии стали проявлять на низовых уровнях еще до появления декрета ВЦИК от 10 (23) февраля 1922 года. Так, на заседании Симбирского уездного исполкома 2 февраля (далее даты указаны по новому стилю) был рассмотрен протокол, поступивший из с. Вырыпаевки Сельдинской волости с просьбой ходатайствовать перед ВЦИК «об изъятии церковных и монастырских капиталов на предмет обмена такового на хлеб для голодающих». Это была так называемая «спровоцированная инициатива». Далее необходимо

было указанное ходатайство переслать в Симбирск, оттуда – в Москву и сообщить об этом в газетах. Таким образом нужно было бы обеспечить, как своеобразными «агитационными козырями», имевшимися якобы неоднократными просьбами граждан об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим готовящийся в центре декрет. Что и было сделано. Решение Симбирского уездного исполкома по указанному ходатайству гласило: «1. Передать в губисполком и просить последнего ходатайствовать со своей стороны перед Центр. Всерос. Исполн. Комитетом об изъятии церковн. и монастырских капиталов на предмет обмена такового на хлеб для голодающих. 2. Объявить в местных газетах. 3. Объявить на 13-м уезд. съезде советов, имеющим быть 5 февраля с.г.».

20 марта 1922 года Симбирский Епархиальный совет на своем заседании рассмотрел полученное из Священного Синода «Положение об участии Православной Русской Церкви в деле помощи голодающим». Этот документ был, как сказано в его преамбуле, разработан ЦК Помголом при участии Патриарха Тихона. В Положении были расписаны роли всего духовенства, начиная от самого Предстоятеля заканчивая приходскими священниками и церковными советами, по обеспечению сбора средств для помощи голодающим. Рассмотрев все пункты этого документа, Симбирский Епархиальный совет во главе с архиепископом Александром постановил в числе прочего следующее: «Так как Симбирская губерния принадлежит к разряду особенно пострадавших в сем году от неурожая хлеба, то просить губисполком предоставить право Епархиальному Архиепископу и Алатырскому Епископу войти в сношение с известными им Епархиальными и уездными архиереями на предмет привлечения от них пожертвований на Симбирскую губернию и предоставить им право сообщить о степени голода в пределах Симбирской губернии». Этот пункт постановления Епархиального Совета весьма показателен. Члены Совета прекрасно понимали, что на непосредственную помощь голодающим их землякам из собранных в епархии средств и ценностей пойдет минимальная часть. Ведь все собранное и изъятое из храмов вымирающей от голода губернии не использовалось сразу на приобретение продуктов

питания, а направлялось в Москву, где судьба столь жизненно важных для тысяч голодающих симбирян средств покрывалась мраком неизвестности. В это же время люди поседали друг друга в буквальном смысле слова... Именно поэтому владыка Александр и решил обратиться к другим епархиальным и викарным архиереям, в местах правления которых голод был не столь ощутим, оказать

Симбирской губернии реальную помощь в решении проблемы с отсутствием в ней продуктов питания. Видя безысходность в сопротивлении насильственному изъятию ценностей в храмах, и не ожидая сколь ни будь действенной помощи от разоряющих под благим предлогом православные церкви властей, архиепископ Александр просил большевиков попытаться хоть как-то облегчить страдания его паствы.

И ведь как прав был симбирский архипастырь, когда ставил под сомнение декларируемое желание большевиков приобрести на изымаемые церковные ценности продукты для голодающих. Казалось бы, чего проще: если есть возможность на собранные

средства и отнятые у Церкви ценности приобрести продукты питания на месте, то сделать это нужно сразу и незамедлительно, тем самым спасая жизни ожидающих хоть куска хлеба и умирающих повсеместно от его отсутствия людей! Или же еще проще, если вместо изымаемых ценностей верующие предлагали принять у них хлеб в соответствии со стоимостью отнимаемого имущества. Ведь тогда можно сразу, на месте, раздать хлеб голодающим! Но не для этого большевики грабили храмы! И вот доказательство – шифровка, полученная в Симбирском губотделе ГПУ в тот же день 20 марта. «Симбирск губотдел ГПУ из Москвы. Циркулярно. Компомголам губерний, автономных областей и союзных республик. Замена церковных ценностей хлебом и другими продуктами не допустима (выделено составителем). Замена золотом и серебром равного количества допустима в отдельных случаях с разрешения губкомиссии по изъятию ценностей. (Не хлеб, а именно церковное золото и серебро нужно было советским правителям, - составитель) Необходимо начинать изъятие с городов и богатых приходов благоприятно настроенных, затем переходить к деревне, руководствуясь политическими соображениями. Член президиума ЦК Помгол ВЦИК Винокуров».

В Симбирской епархии развернулся массовый грабеж храмов. Кроме того, что из церквей изымались практически все ценности, местные власти обязывали духовенство организовывать и сбор пожертвований на помощь голодающим со своих прихожан. Настоятелей вынуждали обращаться с воззваниями о таких пожертвованиях, а членов церковных советов обязывали обходить дома верующих для сбора пожертвований с подписными листами. Почему здесь употреблены слова «обязывали» и «вынуждали»? Да по той простой причине, что речь идет о Симбирской губернии, где уже к началу зимы в деревнях были съедены не только коровы и лошади, но и кошек с воронами увидеть было нельзя. Люди питались корой деревьев, для спасения от голодной смерти старших детей матери жертвовали младшими и слабыми! Иногда в нетопленных домах лежали целые семьи умерших от голода людей. И вот туда, к этим опухшим и еле передвигающимся от голодухи прихожанам и предписывалось идти священникам с просьбой

пожертвовать что-то на помощь... голодающим! Подобное даже кощунством трудно назвать.

Архиепископ Александр всячески способствовал сбору продуктов питания для голодающих, старался не допустить прямого сопротивления духовенства и верующих изъятию из храмов ценностей, которые, подобно Шуйской трагедии, могли спровоцировать власть на новые и более жестокие гонения. Тогда же (не в соответствии ли с негласным распоряжением из Епархиального Совета?) многие священнослужители, не дожидаясь появления в храме святогатцев-«помголовцев», прятали в укромные места священные богослужебные сосуды и наиболее ценные святыни, чтобы укрыть их от ненасытного ока разорителей-большевиков. Однако для спасения голодающих своих сограждан, сами подчас не имеющие куска хлеба насущного, батюшки отдавали из храмов как деньги, так и сколь ни будь значимые по стоимости предметы не богослужебного назначения. Изъятие церковных ценностей в Симбирской епархии прошло без особых эксцессов и террора в отношении верующих и духовенства. И в том была немалая заслуга правящего архипастыря архиепископа Александра, сохранившего до времени как храмы, так и пастырей. По самым же скромным подсчетам, по всей епархии большевики изъяли около трех с половиной тонн лишь только серебра. Но ведь здесь посчитано серебро как металлический лом, а все изъятое представляло собой художественные ювелирные ценности, зачастую имеющие и огромную историческую ценность. Здесь также не взяты в расчет золотые изделия, огромное количество бриллиантов и других драгоценных камней. На эти средства можно бы было кормить всю Симбирскую губернию не один год... Голодающие же получили лишь крохи. Основная масса изъятых ценностей пошла в государственную и партийную казну, а также была просто разворована коммунистами.

Кроме страшного голода 1922 год ознаменовался и спровоцированным и организованным властью внутрицерковным расколом, последствия которого сотрясали всю Церковь на протяжении последующих двух десятилетий. Безусловно, этот процесс не обошел и Симбирскую епархию. Но искать истоки произошедшего раскола необходимо все в той же кампании по

изъятию церковных ценностей, которой и было уделено столько внимания в уже изложенном повествовании. С конца апреля по конец мая 1922 года в Москве происходил судебный процесс над группой местного духовенства по обвинению их в сопротивлении изъятию ценностей из московских храмов. На судебные заседания в качестве свидетеля был доставлен и Патриарх Тихон – как руководитель Церкви, чьи распоряжения по недопущению изъятия освященных церковных сосудов и выполняли подсудимые (нужно вспомнить послание Патриарха по этому вопросу). 20 мая суд вынес в отношении обвиняемых священнослужителей приговор, по которому 11 человек были расстреляны, а остальные отправлены в концлагеря на длительные сроки. В ночь с 20 на 21 мая 1922 года был арестован и сам Святейший. Патриарху вменялась в вину организация сопротивления властям во время изъятия из храмов церковных ценностей, а также якобы его контрреволюционная деятельность и помощь белогвардейцам совместно с эмигрировавшей в Западную Европу части русского духовенства в борьбе против советской власти. С того времени Святейший был практически отстранен от управления Церковью.

В то же время из лояльных к власти священнослужителей с помощью ГПУ создается группа «обновленной церкви», или «обновленцев», которая потом станет величать себя «Живой церковью». 19 мая 1922 года, обновленцы самочинно формируют ВЦУ (Высшее Церковное Управление). Эта организация расчистила дорогу для свободного действия обновленческого ВЦУ, отстранив от руководства Российским Православием Патриарха и его возможных временных преемников. В августе 1922 года в Москве состоялся первый съезд «Живой Церкви», который принял решение: «Немедленно распустить приходские советы, стоящие против обновленческого движения». Также было издано воззвание главарей «живистов» об отобрании храмов от старых приходских советов. Будучи про-большевистской организацией, ВЦУ получает официальную регистрацию в органах советской власти. Такой легализации Патриаршая Церковь, считавшаяся «контрреволюционной», не имела. Обновленчество становится единственным признанным властью православным церковным течением. Пользуясь поддержкой

большевиков, действуя в соответствии с их желанием расколоть, а затем и уничтожить Церковь, обновленцы начали духовный террор. Для этого, живоцерковники начали отправлять в епархии своих уполномоченных, которые действовали нахраписто и дерзко, заставляя правящих архиереев незамедлительно признавать ВЦУ. Те же из епископата, кто осознавал неправомерность ВЦУ и его антиканоничность, и препятствовал распространению обновленчества в своих епархиях, подвергались репрессиям со стороны ГПУ, а также отстранению от управления епархиями со стороны ВЦУ.

До Симбирска, как, впрочем, и до остальных епархий, новые церковные веяния из центра дошли лишь к середине лета 1922 года. Архиепископ Симбирский Александр (Трапицын) обновленческое движение не признавал, как, впрочем, и его викарий епископ Алатырский Иоаким (Благовидов). Очевидно, на основании доклада в Москву уполномоченного от обновленцев в Симбирске протоиерея Александра Воецкого, в отношении не подчинившегося ВЦУ симбирского архиерея «живистами» были приняты незамедлительные, но решительные меры – архиепископ телеграммой из Москвы был уведомлен о почислении его за штат. В постановлении ВЦУ от 19 июля 1922 года об архиепископе Александре было сказано: «уволен без прошения за контрреволюционную скверну». Это решение ВЦУ было полной неожиданностью как для самого владыки, так и для всей епархии. 27 июля 1922 года в Троицком кафедральном соборе состоялось срочно созванное общее собрание духовенства и мирян города Симбирска, на котором было рассмотрено только два вопроса: 1. Обсуждение телеграммы, полученной архиепископом Симбирским и Сызранским Александром от Высшего Церковного Управления об отстранении его от управления епархией и 2. Вопрос о дальнейшем функционировании Епархиального Совета. В протоколе этого собрания было записано: «По оглашении телеграммы на имя Архиепископа Симбирского и Сызранского Александра об увольнении его от управления епархией и послания Митрополита Ярославского Агафангела, из которого видим, что с разрешения Гражданской власти Св. Патриарх Тихон управление Церковью передал ему, и который

таким образом является единственно законным приемником Святейшего патриарха Тихона, после прений и всестороннего обсуждения, приняв во внимание: а) что извещение об увольнении правящего преосвященного Александра последовало телеграммой, почему верующим совершенно не представляется возможным судить о мотивах, послуживших причиной увольнения архиепископа, б) что Высшее Церковное Управление хоть и может в силу каких-либо обстоятельств являться временным до созыва поместного Собора, носителем церковной власти, но таковое не может и не должно превышать своих прав и могущих быть полномочий в смысле дискреционного распоряжения поместным духовенством без согласия законного заместителя Святейшего Патриарха Тихона – Митрополита Ярославского Агафангела, и без участия в данном случае верующих мирян православной местной церкви; в) что Архиепископ Александр за время своего пребывания на Симбирской кафедре ни разу не проявил себя сторонником каких-либо выступлений против существующей гражданской власти, никогда и нигде не чинил ей препятствий в ее мероприятиях, относящихся ко благу народа (это касалось обвинений владыки в «контрреволюционной скверне», - составитель); г) что Архиепископ Александр как архипастырь всем и во всякое время доступный, и как человек добрый, простой, отзывчивый и обходительный заслужил у паствы и Симбирского духовенства любовь и уважение, управляя церковью в духе истины и любви. Собрание единогласно постановило: 1. Обратиться к Архиепископу Александру с просьбой не оставлять своей паствы и немедленно вступить в управление Симбирской епархией. 2. Сообщить копию настоящего постановления высшему церковному управлению и просить его во имя Христовой любви не чинить препятствий к мирному управлению Симбирской епархией Архиепископом Александром и не вводить в церковную жизнь смуту любыми средствами и различными реформами до созыва собора. 3. Сообщить копию настоящего постановления Симбирскому губисполкому для сведения». Таким образом, собрание вернуло на кафедру своего правящего архиерея владыку Александра и настоятельно просило ВЦУ не вносить более соблазна в мирно текущую жизнь епархии. Однако обновленцы

все же не оставят попыток отправить на покой и как архиепископа Александра, так и епископа Иоакима.

3 октября 1922 года в Симбирске состоялся первый после 1917 года Симбирский епархиальный съезд духовенства и мирян. На съезде, кроме решений по текущим делам, также было заявлено и признанию возможным созыва Всероссийского Поместного Церковного Собора, проведение которого обещали всем обновленцы. Но даже в Симбирске понимали, что ВЦУ может использовать Собор в своих целях, и умиротворение

внутрицерковной жизни может остаться призрачной мечтой. Именно поэтому в своем решении участники епархиального съезда указали, что дают свое согласие на проведение Поместного Собора лишь при условии соблюдения канонических требований. Кроме всего прочего епархиальный съезд постановил «обратиться к ВЦУ и к заместителю Патриарха Ярославскому митрополиту Агафангелу со слезным прошением о возможном сохранении мира в Русской Православной Церкви, и чтобы ВЦУ до собора не распорядилось служебным положением епископов и духовенства, иначе Симбирск епархиальной Церковью вынужден будет распорядиться самостоятельно». Эти слова из решения съезда окажутся воистину пророческими. Очень скоро они станут воплощаться в действительность – часть приходов епархии, не желая подчиняться обновленцам, предпочитают выделиться в Симбирскую автокефалию.

Также епархиальный съезд постановил просить архиепископа Александра и епископа Иоакима не оставлять своих мест, а

к ВЦУ по поводу повторяющихся попыток отправить этих архипастырей на покой постановлено было обратиться с особым представлением. Казалось бы, в тихом провинциальном Симбирске обновленческая смута не должна была бы сильно разгуляться – местное духовенство новшеств живоцерковников не поддерживало, и желало восстановления канонического управления Церковью. Но события, имевшие место далее, говорят об обратном.

20 октября 1922 года в Симбирске была организована группа так называемого прогрессивного духовенства, а уже 5 ноября того же года на общем собрании симбирского городского духовенства и мирян означенная группа примкнула к Всероссийскому союзу «Церковное возрождение», которое было одним из течений обновленчества. Нужно отметить, что общепархиальный съезд идею обновленчества не приветствовал, а вот городские батюшки, как наиболее прогрессивные и желающие церковного обновления, все же создали свое «сменовеховское» общество. На том же собрании было решено направить в Москву небольшую делегацию для всестороннего ознакомления с церковным обновленческим движением, так как та скудная информация, которая доходила до Симбирска, не удовлетворяла желавшее знать больше симбирское духовенство. Также было решено поставить в известность ВЦУ о положении дел в области обновленчества в самом Симбирске. Здесь напрашивается мысль о некоей игре симбирян с новообразованным духовным центром. Через две недели после епархиального съезда, который, принимая возникновение ВЦУ как данность, не начинал с ним восторженного сближения, возникает группа обновленческого духовенства весьма уравновешенного толка. Спустя еще две недели городское собрание духовенства направляет в Москву делегатов как бы с докладом: «У нас, мол, тоже есть обновленцы, вы нас не трогайте, мы - как и все, и против вашего ВЦУ особо ничего не имеем».

В симбирских сельских приходах обновленчество особого интереса также не вызвало, но только насторожило своими новшествами. Вот как описывал происходившее в то время в своем приходе с. Кивать священник Александр Жемчужников: «Приход

еще в 1922 году был взволнован реформами «Живой Церкви», хотя они и не касались существа Церкви, а лишь обрядовой стороны, как-то: стрижение волос, ношение короткой одежды вне храма и требоисполнения духовными лицами. Но впоследствии, когда реформы стали касаться самого существенного в канонах как-то единобрачия священно-церковно - служителей и монашествующего епископата, то православное население потеряло всякое доверие к ВЦУ, которое и старалось всеми силами привлекать духовенство к себе (открытием пастырских школ, коллективов верующих, представлением к наградам и т.д.). А так как ВЦУ шло рука об руку с правительством, то стало поощрять развращение нравов: разрешало браки в 4 степени родства, расторгало браки и т.п. Прихожане, видя эти ничем не обоснованные новшества, бросили даже и воззвания, идущие из Симбирского епархиального управления, но еще деньги и жалование благочинному пока платили. От 27 января 1923 года уполномоченным епархиального управления обнародовано признание ВЦУ административно-исполнительным органом и правомочным по управлению Церкви». Таким образом, именно этот день – 27 января 1923 года – следует считать днем официального признания Симбирской епархией руководства ВЦУ Российским Православием и переходом местного епархиального начальства под управление обновленцев. Но это совершенно еще не значило, что Симбирская епархия стала обновленческой. Просто в той ситуации церковного безвластия епархиальное управление посчитало лучшим вручить окормление собой единственной признанной советским правительством церковной власти. Но опять таки до созыва Поместного Собора, на который все надеялись, и на котором ожидали решения всех возникших проблем.

Во главе епархии оставался архиепископ Александр (Трапицын). Скрепя сердце владыка вынужден был признать, хоть временную, но легитимность власти обновленцев. Такому решению архипастыря способствовало и его нежелание оставить епархию вообще без епископской власти, тем более в такой сложной и противоречивой обстановке. Тем более, что о продолжении руководства им епархией уже неоднократно просило владыку все духовенство и

епархиальный съезд. И если владыка Александр из побуждений высшего порядка все же признал ВЦУ, то его викарий епископ Иоаким Алатырский резко воспротивился стремящимся к полноте церковной власти обновленцам. Еще за месяц до официального признания Симбирским Епархиальным Управлением ВЦУ, зная о подготовке такого решения, епископ Иоаким 2 декабря 1922 года направил в Епархиальное Управление заявление, в котором он указывает на непризнание им ни ВЦУ, ни его епархиальных органов (следовательно, и стоявшего тогда во главе Управления архиепископа Александра). Это было для владыки Иоакима тяжелым решением и весьма серьезным шагом – с владыкой Александром его связывали теплые и доверительные отношения. Идя на такой разрыв и с официально признанным совдепией ВЦУ, и с местным правящим архиереем, Алатырский викарий желал лишь одного – сохранить и себя, и подведомственные ему приходы Алатырского уезда от обновленческой скверны. Оба архиерея прекрасно давали отчет своим поступкам и понимали действия друг друга. Вскоре со стороны епископа Иоакима действия стали более решительными. Выйдя из подчинения ВЦУ, не имея возможности быть официально в составе Патриаршей Церкви (не имеющей признания гражданской власти) он объявляет на территории Алатырского уезда особую форму церковного управления – Независимую Алатырскую Автокефалию. Эта Автокефалия своим главой признает исключительно Патриарха Тихона, и не идет ни на какие контакты с раскольниками из ВЦУ. Архиепископ же Александр продолжает официально возглавлять епархию до прояснения ситуации на столь ожидаемом Соборе. Нужно также отметить и то, что в начале деятельности ВЦУ его полномочия как единственной легализованной большевиками церковной власти были вынуждены признать очень многие архипастыри, даже такие маститые иерархи как будущие Патриархи Всероссийские митрополиты Сергей (Страгородский) и Алексей (Симанский). Что же касается Симбирска, то положение в этом городе резко изменится сразу после проведения обновленцами столь ожидаемого Собора.

А вообще ситуация с церковным управлением в Симбирской епархии в то время была достаточно неоднозначной. Внутренне

придерживающийся староцерковного течения архиепископ Александр был вынужден соглашаться с постоянным контролем со стороны обновленцев. Раскольники, пока смиряясь с пребыванием этого архиерея у духовного кормила епархии – так сказать «по настоятельной просьбе духовенства» (да и не было в Симбирске других архиереев) - весьма и весьма придирчиво относились к симбирскому архипастырю, постоянно требуя от него исполнения распоряжений обновленческого ВЦУ. Ведь официально Симбирское Епархиальное Управление, хоть и до собора, но признало власть тогдашнего ВЦУ. Все вновь принимаемые в клир священнослужители обязаны были давать подписку в приверженности обновленческому течению. В качестве примера можно привести удостоверение, выданное 30 апреля 1923 г. уездным уполномоченным от Симбирского Епархиального Управления по Алатырскому викариатству (который пытался, но совершенно безуспешно, контролировать от лица ВЦУ деятельность епископа Иоакима (Благовидова)) священником Введенским кандидатом в священники диакону Михаилу Красноярскому. Вот его текст: «Подписка о признании ВЦУ и подчинении С.Е.У. диаконом Красноярским мне выдана была давно. По своим убеждениям диакон о. Красноярский давно тяготеет к церковному обновленческому движению». Лишь только после предъявления такого удостоверения архиепископ Александр имел право рукоположить ставленника, что и было совершено в кафедральном соборе Симбирска 6 мая того же года.

Не без участия и настойчивости обновленцев гражданская власть решила обезглавить Алатырскую Автокефалию. В самом начале весны 1923 года был арестован, а затем осужден и отправлен на Соловки не принявший обновленчества викарий Симбирской епархии епископ Алатырский Иоаким (Благовидов). Обвинение владыке было предъявлено в проведении контрреволюционной работы и антисоветской деятельности, однако в действительности власть, поддерживающая обновленцев, с помощью ГПУ устраняла тех священнослужителей, которые не принимали возникшую новую просоветскую церковную иерархию и оставались приверженцами объявленного врагом советской власти Патриарха Тихона.

Той же весной 1923 года в начале апреля решительный шаг сделал и владыка Александр. Осознавая всю антиправославную сущность обновленчества, видя губительный путь, по которому пыталось это течение увести Церковь, не смирившись с нововведениями обновленцев и не желая более иметь с «живоцерковниками» ничего общего, он подал прошение в ВЦУ и удалился на покой. Владыка остался проживать в Симбирске, не пожелав занимать никакой иной кафедры, ибо все новые назначения в Церкви того периода исходили исключительно от обновленцев. От раскольников архиепископ Александр не желал принимать ничего. Фактически обновленцы с этого времени лишились какой-либо власти в епархии. Если раньше они могли диктовать свою волю правящему епископу, который вынужден был руководить епархией фактически под надзором уполномоченного от ВЦУ, то теперь обновленческие представители лишились этой возможности – управлять больше было некем. Как бы там ни было, но высшая власть в епархии все равно должна была принадлежать архиерею, а не священникам. Подчиняться же, как их назвал когда-то один из симбирских протоиереев, «втершейся в Епархиальное Управление какой-то милой компании, которая, беседуя на политические темы, сводит счеты и карает за неугодные мысли», никто из духовенства не желал и, согласно канонам Церкви, не собирался. Так, с уходом с кафедры владыки Александра, прекратилась в епархии и власть местных обновленческих лидеров. Возможно, именно к этому и стремился симбирский архипастырь, освободившись от ига служения под надзором ВЦУ, но, оставшись в Симбирске, не бросив на произвол судьбы своей паствы, продолжая уже негласно окормлять не желавшие признавать власть обновленцев приходы.

А в это время движение автокефалистов, даже на время лишившихся своего главы в лице заключенного на Соловки епископа Иоакима, набирало силу. Представители ВЦУ в Симбирске паниковали: «Ввиду отсутствия в Симбирской епархии правящего епископа, который мог бы предпринять необходимые канонические меры в отношении противящихся Высшей и Епархиальной церковной власти лиц из среды духовенства, Епархиальное Управление не имеет возможности водворять в

благочиннических округах строгий церковный порядок. По мнению ЕУ в отношении таких лиц необходимы самые строгие меры наказания с удалением их из приходов при помощи гражданской власти». То есть, священники-обновленцы, не имея возможности применять меры воздействия на противящихся им настоятелей через епископскую власть, решили действовать через власть гражданскую, а значит через ГПУ. Но, не смотря ни на что, неповиновение обновленцам нарастало, и вместе с этим росло число приходов, пополнявших Симбирскую автокефалию.

В мае 1923 года в Симбирск прибыл митрополит Тихон (Василевский), до 1920 года уже временно возглавлявший местную епархию. Однако на этот раз сей архиерей прибыл на свою бывшую кафедру уже как обновленец. Именно ему, знавшему Симбирскую епархию, и поручило ВЦУ навести здесь порядок и приложить все меры в борьбе со все более усиливающимися позициями автокефалистов. Однако ничего у митрополита Тихона не получилось – Симбирск бунтовал против обновленчества, тем более, что после прошедшего в то же время в Москве долгожданного собора стала более чем очевидна антицерковная сущность обновленчества. Митрополит даже вынужден был специальным циркуляром разрешить служение в храмах по старому стилю (вместо введенного обновленцами нового), а также за богослужением поминать Патриарха Тихона, которого обновленческий собор «лишил» не только сана, но даже монашества. Видя, что в Симбирске ничего у него не получается, митрополит Тихон вынужден был в сентябре того же года ретироваться из епархии, пробыв на местной кафедре лишь чуть более трех месяцев.

И вновь Симбирская епархия осталась без правящего архипастыря. Симбирское епархиальное управление было вынуждено пойти на крайний шаг – решено было устроить выборы кафедрального архиерея. В то время в епархии, кроме находящегося на покое архиепископа Александра, был еще один архиерей – женатый обновленец викарный «епископ» Сызранский Александр (Воецкий). Но его духовенство совершенно не признавало, хотя именно ему перед своим отъездом поручил временное окормление симбирской паствы митрополит Тихон.

Но епископ-обновленец был просто с позором изгнан из Симбирска и вынужден был вернуться в Сызрань. Видя отношение к нему большинства духовенства и мирян, «епископ» Александр Воецкий отказался от выдвижения своей кандидатуры на место правящего архиерея и предпочел оставить Симбирскую епархию вообще. Таким образом, в Симбирске оставался лишь архиепископ Александр (Трапицын), который пользовался в среде как духовенства, так и верующих авторитетом и уважением. Именно к нему и обратилось Епархиальное Управление с просьбой вновь возглавить Симбирскую церковь, желая иметь хоть сколь ни будь законного своего главу. Архиепископ Александр дает своего принципиальное согласие с тем условием, что временное его управление Симбирской епархией будет поддержано большинством приходов, а сама епархия перестанет подчиняться новому руководящему органу обновленцев – Высшему Церковному Совету (ВЦС).

Епархиальное Управление в ноябре 1923 года разослало во все храмы Симбирска циркуляр следующего содержания: «Симбирское Епархиальное Управление доводит до сведения Вашего, что ныне временно управляющий Симбирской епархией епископ Сызранский Александр заявил ЕУ, что не намерен выставлять своей кандидатуры на Симбирскую кафедру. Заслушав это, С.Е.У. постановило: учитывая настроение православного населения гор. Симбирска, временно вручить бразды правления Симбирской епархией ныне находящемуся на покое бывшему Симбирскому Архиепископу Александру. Посему Е.У. просит приходской Совет высказать свое заключение по данному вопросу и выразить свое согласие или несогласие на принятие архиеп. Александра во временное управление Симбирской епархией, и постановление свое в срочном порядке представить в Е.У. Архиепископ Александр, при обращении к нему по этому вопросу, высказал свое согласие на временное возглавление Симбирской епархией и Епархиального Управления лишь при условии согласия на это со стороны коллективов верующих православных христиан». Вскоре архиепископ Александр, практически единогласно поддержанный всеми симбирскими приходами, вновь, хоть и временно, становится управляющим

Симбирской епархией. Казалось бы, волнение в церковной среде должно несколько поутихнуть – владыку Александра знали как деятельного, мудрого и авторитетного архипастыря.

Именно принятие явным «тихоновцем» архиепископом Александром бразд правления церковной жизнью в Симбирске вынудило ВЦС как можно скорее решать вопрос о своей иерархической власти в этом городе. Необходимо было поставить сюда не только приверженца церковного обновления, но человека, который был бы известен в Симбирске, имел бы незапятнанную репутацию (история с Александром Воецким была еще столь свежа в памяти) и пользовался бы среди верующих и духовенства достаточным авторитетом. Это нужно было для того, чтобы противопоставить авторитет обновленческого назначенца авторитету архиепископа Александра (Трапицына), который, в то время фактически руководя епархией, не имел официального ни от Патриарха, ни от Синода, ни от ВЦС назначения на эту кафедру. Таким, столь необходимым, избранником обновленческого ВЦС стал деятельный, активный и интеллигентный протоиерей Вознесенского собора епархиального града Иоанн Васильевич Никольский. В феврале 1924 года в Симбирской епархии появляется поставленный обновленческим Синодом новый архиерей – викарный епископ Сенгилеевский Иоанн (Никольский) - с правом временного управления всей епархией. Это был законный по тем временам архиерей, поставленный легализированным гражданской властью обновленческим Синодом, перед которым вынужден был сложить свои полномочия временно управлявший епархией архиепископ Александр (Трапицын).

После смены в Симбирске иерархического руководства, владыка Александр все же решил предпринять все меры по сохранению Симбирской епархии под первосвятительским омофором Патриарха Тихона. Для этих целей, по причине невозможности какого-либо общения с Патриархом, он самостоятельно становится во главе признававших главой Русской Церкви святителя Тихона приходов, к которым незамедлительно примкнули также и приходы составлявшие Алатырскую и возникшую чуть позже Промзинскую Автокефалии. Таким образом, возглавив епархию

от староцерковного течения, архиепископ Александр образует временную независимую автокефальную Симбирскую Церковь. Это не было каким-то новым расколом. Именно к такому решению призывал еще в 1922 году митрополит Ярославский Агафангел. Тогда он был назначен Патриархом (по причине ареста самого Святейшего) временным главой Церкви. 18 июня 1922 года митрополит Агафангел, облеченный высшей иерархической властью, обратился с посланием к архипастырям, пастырям и чадам Православной Церкви, в котором предложил епископату не подчиняться обновленческому ВЦУ, а избрать иной путь церковной жизни. В частности, в этом послании было сказано: «Возлюбленные о Господе преосвященные архипастыри! Лишенные на время высшего руководства, вы управляете своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, церковными канонами, обычным церковным правом по совести архиерейской присяги впредь до восстановления высшей церковной власти. Окончательно вершите дела, по которым прежде испрашивали решения Священного Синода...». То есть епархиальному архиерею, в случае невозможности связи с каноническим центром, давалась вся полнота иерархической власти в пределах своей епархии. Именно таким путем, при наличии в Симбирске церковной неканонической обновленческой власти и невозможности наладить постоянную связь с Патриархом, и решил пойти архиепископ Александр.

Устав и Положение о Симбирской автокефалии были посланы в Москву для благословения и одобрения Патриархом Тихоном. Также при правящем архиерее было избрано и Епархиальное Управление Симбирской Автокефалии, затем переименованное в Ульяновскую в связи с переименованием самого Симбирска. Мало того - «Ульяновская независимая православная Церковь» получает даже регистрацию у гражданских властей – то есть становится вполне легальной и законной! К Симбирской автокефалии начинает присоединяться все больше и больше приходов не только Карсунского, Промзинского и Алатырского, но и других уездов, извещая обновленческое Епархиальное Управление о своем выходе из его подчинения. Владыка Александр делает все для того, чтобы сбросить от обновленческой скверны как можно

больше православных общин.

Перешедших в ведение архиепископа Александра священников обновленческого Симбирского Епархиального Управление запрещало в священнослужении и исключало из списков духовенства епархии. Однако в мае месяце 1924 года, казалось бы, налаживающаяся церковная жизнь епархии перенесла новое потрясение. В это время появилось решение Губернского административного отдела, лишившего «Ульяновскую независимую православную церковь» официальной регистрации «ввиду нездорового ее уклона». Очевидно, что, рассчитывая на Симбирскую автокефалию как на еще один раскол в стане идеологического противника и официально регистрируя ее, местные власти здорово просчитались, так как под омофором архиепископа Александра начало объединяться все большее и большее число православных приходов так ненавистного большевиками «тихоновского толка». Просуществовав несколько месяцев, временная Симбирская автокефалия прекратила свое существование. Архиепископ же Александр (Трапицын) остался жить в Симбирске – лишенный гражданской властью возможности продолжать возглавлять «тихоновские» приходы и до того времени не получивший в силу различных причин благословения на продолжение «автокефального» бытия Симбирской епархии от Святейшего Патриарха, владыка вновь стал заштатным архиереем, предприняв все от него зависящее и в то время возможное для сохранения епархии в лоне истинной Церкви.

Вновь оставшись без церковной власти, бывшие автокефальные приходы волей или не волей вынуждены были возвращаться в ведение обновленческого епископа – ведь все «автокефалисты» им были запрещены в священнослужении. Как пример такого «покаянного» возврата можно процитировать протокол собрания верующих одного из приходов епархии от 4 июля 1924 года, в котором сказано следующее: «Выслушав доклад председателя собрания, мы, граждане верующие, боясь принять всякую новину в Церкви, как то служение по новому стилю, женатых епископов, второбрачных священников, приняли дошедшее до нас воззвание арх. Александра и проект положения т.н. независимой церкви, как оградительный камень в данном случае,

считая, что эта охрана церковной чистоты не есть преступление. Но, принимая во внимание указ Ульяновского Епархиального Управления о запрещении нашему приходскому священнику о. Д. Сенькину священнослужения в виду выраженного неподчинения Священному Синоду (хотя это выражало приходское собрание, а не лично о. Сенькин, ибо и городские коллективы не подчинились Свящ. Синоду) тем не менее, мы, граждане верующие, в виду полной ликвидации т.н. независимой церкви, общим голосованием постановили: впредь иметь общение с Свящ. Синодом и его Епархиальным органом – Епархиальным Управлением, и просить председателя Епархиального Управления Преосвященного епископа Иоанна разрешить нашему приходскому священнику о. Д. Сенькину священнослужение».

Когда спустя некоторое время в Ульяновске все же будет восстановлена законная иерархическая власть, многие из рукоположенных епископом-обновленцем будут обращаться к епископу-староцерковнику с просьбой подтвердить каноничность их хиротоний. В одном из таких прошений было сказано следующее: «За последнее время пошли среди малой группы мирян гор. Ульяновска недоразумения в области каноничности архиерейства архиепископа Иоанна, в частности, и в Покровском приходе в отношении меня, как ставленника архиепископа Иоанна. Ввиду вышеизложенного, обращаюсь к Вашему Преосвященству дать ответ в каноничности моего диаконовства и что мне необходимо сделать, дабы без зазрения совести до конца жизни пребывать в сане диакона. Я с 7-ми лет и до рукоположения во диакона был большим ревнителем церкви: прислуживал при богослужениях, был чтецом и певцом – как на клиросе, так и в хоре. Обновленцем не был, обновлением не интересовался и не сочувствовал, был церковником и остаюсь им. Во время моего посвящения другого епископа в Ульяновске не было, а находящемуся на покое архиепископу Александру запрещено было не только кого-либо рукополагать, но даже и служить разрешалось с позволения правящего епископа». Эти строки могут рассказать как о царившей в то время в епархии неразберихе в отношении возникших церковных течений, так и о положении архиепископа Александра в Ульяновске, который без соизволения архиерея-

обновленца не имел права даже совершать богослужения. Однако вскоре владыка найдет выход из сложившейся ситуации. Для того чтобы иметь возможность служить, даже не будучи правящим архиереем, находившийся на покое владыка был зарегистрирован гражданскими властями как епископ Всехсвятского храма города Ульяновска – одного из храмов, чья община не признавала обновленческих нововведений. Такое в то время практиковалось. Таким образом, Всехсвятский приход стал духовным оплотом Патриаршей Церкви в Ульяновске, а архиепископ Александр неофициально принял бразды управления «тихоновскими» приходами не только в самом Ульяновске, но и во всей епархии.

В июле 1924 года в Ульяновск прибыл долгожданный, назначенный Патриархом Тихоном, правящий архиерей – епископ Виссарион (Зорнин). Находившийся временно во главе Ульяновской епархии староцерковного течения архиепископ Александр (Трапицын) признал полномочия прибывшего в Ульяновск епископа Виссариона и передал ему бразды духовного правления. Однако, как бы предчувствуя, что вскоре ему вновь придется отстаивать чистоту Православия в древнем Симбирске, владыка Александр не стремится покинуть этот город и не добивается назначения на новую, самостоятельную кафедру. Владыка продолжает служить во Всехсвятском храме, принимая посильное участие в церковной жизни епархии.

Интересен такой факт, отраженный в решениях собрания представителей церкви г. Ульяновска того времени: в смету расходов епархии была включена выплата жалованья не только епископу Виссариону, но и архиепископу Александру (Трапицыну), находящемуся в Ульяновске на покое. Мало того, его имя в смете стоит прежде имени правящего архиерея. Архиепископу Александру полагалось жалованье в 50 рублей, а епископу Виссариону, как главе епархии, - 75 рублей. Следовательно, можно утверждать, что архиепископ Александр не просто был на покое, а совершал служение, принимал активное участие в жизни епархии, хоть официально он и не был облечен административной властью. Иначе в смету расходов Епархиального Управления не включалось бы жалованье находящегося на покое архипастыря, а, в крайнем случае, была бы оговорена сумма просто «на содержание» или

«на пенсионное обеспечение», но ни как не употреблялось бы слово «жалованье».

В конце 1926 – начале 1927 года из заключения в Соловецком лагере возвращается епископ-староцерковник Иоаким (Благовидов) и вновь занимает свою кафедру Алатырского викария Ульяновской епархии. В то же время правящий епископ епархии Виссарион (Зорнин) уклоняется в возникший в 1926 году после смерти Патриарха Тихона т.н. Григорианский раскол или же, именуемый по названию самочинного руководящего органа этого раскола, ВВЦС (Временный Высший Церковный Совет). Узнав об отпадении Виссариона от Патриаршей Церкви,

общение с ним прерывают как архиепископ Александр, так и епископ Иоаким. В епархии вновь начинаются деления – малая часть продолжает подчиняться обновленцам, некоторые общины остаются в ведении епископа Виссариона, а часть приходов не признает епископа-григорианца и переходит под омофор епископа Иоакима (сельские храмы) и архиепископа Александра (городские приходы Ульяновска). Апеллируя тем, что он был назначен на Ульяновскую кафедру самим Патриархом Тихоном, епископ Виссарион смог удержать в своей власти значительную часть приходов и добиться на общепархиальном съезде своего избрания главой Ульяновской епархии староцерковного течения. Это способствовало регистрации его в таком качестве и гражданской властью.

Во второй половине мая 1927 года «удостоенному» к тому

времени уже сана архиепископа Виссариону будет нанесен значительный удар – в Ульяновске станет известна резолюция канонического главы Российского Православия митрополита Сергия (Страгородского) следующего содержания: «Ввиду уклонения епископа Виссариона в григорианство, временное окормление православных приходов Ульяновской епархии мною поручено Преосвященному Алатырскому Иоакиму. Владыку Александра прошу потрудиться в пользу Церкви Божией совершением в Ульяновске богослужений и назидание православной паствы. За Патриаршего Местоблюстителя Сергий, митрополит Нижегородский. 15 мая 1927 г.». Таким образом, епископ Виссарион каноничной церковной властью лишился прав управления Ульяновской епархией, которые передавались временно епископу Иоакиму. Архиепископу Александру (Трапизыну) митрополитом Сергием поручалось духовное окормление православных приходов в самом городе, куда не мог пересечь Алатырский vicарий.

Учитывая то обстоятельство, что из городских церквей значительная часть не признавала правомочия архиепископа Виссариона, а продолжала пребывать в ведении митрополита Сергия, то, согласно благословению последнего, в них служил, проповедовал и укреплял дух паствы архиепископ Александр. Это была большая головная боль для Виссариона – авторитет владыки Александра, даже не облеченного официальной властью, был значительно выше того, которым пользовался сам епископ-григорианец. Служения и назидания архиепископа Александра могли резко пошатнуть положение в качестве управляющего епархией самого архиепископа Виссариона. Поэтому последний вновь прибегает к испытанному способу – к доносу в Губернский административный отдел (ГАО). 24 мая от архиепископа Виссариона в губернский исполком поступает жалоба, в которой, между прочим, сказано: «Смею обратить внимание ГАО, что служение архиепископа Александра в разных городских церквях есть, несомненно, особый вид организационных действий в церковной области, противоречащий гражданскому закону о легализации. На основании этого прошу ГАО дать ему распоряжение, чтобы он совершал богослужение только в

церкви того прихода, в пределах которого он живет, т.е. Всехсвятского». Гражданская власть решает в архиерейский конфликт не вмешиваться и проследить за тем, как будут далее развиваться события.

В то же время и епископ Иоаким, и архиепископ Александр свое служение продолжали, что в свою очередь вызвало очередной донос архиепископа Виссариона, который содержал в себе уже истерический протест. «В дополнение к сообщению о незаконных действиях в церковном отношении по г. Ульяновску архиепископа Александра (Трапицына), считаю долгом в настоящий

момент доложить в ГАО, что архиепископ Александр эту незаконность простер до награждения священников Богоявленской церкви – Смирнова и Утехина. Протестуя против этого от имени Епархиального Совета, прошу ГАО обратить внимание на сообщаемый факт... ибо народная масса начинает не видеть различия легализованных церковных учреждений от нелегализованных. Епископ Виссарион. 7 июня 1927 г.» Виссарион очень был горд и доволен тем, что ему удалось получить регистрацию у властей, а поэтому активные действия его оппонентов, не имеющих, как он выражался, легализации, доводили его до крайнего раздражения. Тем паче, что все происходящее расшатывало его собственную власть.

В то же время, епископ Иоаким начинает предпринимать действия по получению своей регистрации в качестве временного управляющего Ульяновской епархии староцерковного течения под омофором Заместителя Патриаршего Местоблюстителя

митрополита Сергия и создания столь необходимого Епархиального Совета. Епископ Иоаким, облеченный законной иерархической властью, предписал всем приходам, признающих его духовное руководство и высшую церковную власть Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, обращаться по всем церковным делам к нему, «за исключением брачных дел, а также рукоположения ставленников, возведения в сан протоиерея и благословения награждаемых, совершать которые я буду просить Его Высокопреосвященство архиепископа Александра». Именно исходя из такой братской просьбы со стороны временно управляющего епархией епископа Иоакима, и производил награждения, о которых в своем доносе упомянул архиепископ Виссарион, владыка Александр. И все рукоположения, которые имели место в тот период, были совершаемы исключительно им. Владыка Иоаким совершал хиротонии ставленников только из Алатырского и Ардатовского уездов.

Однако раскольник-епископ Виссарион продолжал писать свои петиции не только в адрес гражданских властей, но и рассылать по всей епархии циркуляры-послания, в которых отрицал правомочность архиепископа Александра и епископа Иоакима и опровергал обвинения в свой адрес как «григорианца» и запрещенного в служении епископа. К сожалению, велеречивость Виссариона оказала свое тлетворное действие – многие из духовенства начали колебаться и просить у владык-«тихоновцев» подтвердить их полномочия.

В конце июня 1927 года архиепископ Александр направил в адрес Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия письмо, в котором содержалась одна просьба – получить от главы церковного руководства точную и определенную оценку деятельности епископа Виссариона и подтвердить или опровергнуть его полномочия в качестве правящего епарха. Ответ от митрополита Сергия не заставил себя долго ждать. В нем говорилось: «Высокопреосвященнейшему архиепископу Александру б. Симбирскому. Высокопреосвященнейший Владыко. В ответ на Ваше письмо имею долг подтвердить, что 16/29 января 1926 г. «самочинное собрание», именуемое ВВЦС, мною предано было церковному суду и впредь до суда (или до покаяния)

запрещено в священнослужении с устранением от управления епархиями. Это мое деяние было принято как должное всею православною иерархией, а потом подтверждено и Владыкою-местоблюстителем (см. послание Высокопр. Митрополита Петра от 1 января 1927 г.). В числе указанного «соборища», как участник его, подвергся запрещению и е. Виссарион, который тогда был устранен и от управления Ульяновской епархией. За свой сугубый соблазн е. Виссарион должен будет сугубо ответить пред церковным судом, а все входящие с ним в молитвенное и каноническое общение, по непреложному указанию священных канонов, подлежат – клирики запрещению, а миряне отлучению от Св. Причащения. Все священнодействия е. Виссариона, как запрещенного, недействительны. Совершаемые им в пределах Ульяновской епархии рукоположения, как совершаемые в области, ему не принадлежащей, навлекают на него, сверх прочего, и извержение из сана (Апост. 35 пр.). Архипастырское попечение о православных приходах теперь временно поручено Преосвященному Алатырскому Иоакиму, к которому и должны обращаться все, кто дорожит принадлежностью к православной Церкви. Жители же г. Ульяновска и окрестностей его могут утешаться молитвенным общением с Вашим Высокопреосвященством, как в свою очередь состоящим в таковом со Святейшей Московской Патриархией. Таков временный порядок дел в Ульяновской епархии. Со временем же мною с Патриаршим Синодом будут сделаны распоряжения о постоянном окормлении этой епархии. Итак, прошу всех и молю иметь терпение, хранить верность Святой Христовой Церкви в лице Ее законного у нас возглавления – Московской Патриархии, остерегаться всех творящих разделения и молиться за нас. Вашего Высокопреосвященства о Христе брат и слуга, за Патриаршего Местоблюстителя Сергей, митрополит Нижегородский. 13/26 июля 1927 г.». Текст этого послания владыки Сергея стал известен в епархии, что для многих колеблющихся стало решающим фактором в непризнании притязаний на иерархическую власть со стороны епископа Виссариона и в ближайшем времени переходе под омофор епископа Иоакима и архиепископа Александра многих как городских, так и сельских приходов. Указанное

управление приходами Ульяновской епархии продолжалось еще полгода.

В январе 1928 года епископ Ульяновский Иоаким получил из Московской Патриархии циркулярное письмо, датированное 16-м числом того же месяца, за подписью митрополита Сергия (Страгородского). В нем было сказано: «Ваше Преосвященство, Преосвященный Владыко! Ввиду состоявшейся фактически легализации при мне, как Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, Высшего Церковно-Административного органа – временного Патриаршего Священного Синода, долгом почитаю уведомить Ваше Преосвященство, что Вы можете свободно прибыть в кафедральный город вверенной Вам епархии и вступить в отправление своих архиерейских обязанностей». Таким образом, владыка Иоаким получил возможность зарегистрироваться в органах советской власти в качестве законного главы епархии староцерковного течения и переехать в таковом качестве в Ульяновск. Необходимость в имевшем место двоевластии, когда городскими приходами вынужден был управлять архиепископ Александр, а сельскими – епископ Иоаким, отпала. Алатырский епископ становился полноправным Ульяновским архиереем. Именно тогда свое новое назначение получил и владыка Александр – он был направлен в Крымскую епархию с титулом Симферопольского и Крымского.

Однако в Крыму архиепископ Александр не задержался на долго – уже осенью того же 1928 года он получил предписание вновь вернуться на Волгу и возглавить Куйбышевскую (бывшую Самарскую) епархию. Это было время кажущегося затишья в отношениях между государством и Церковью. Однако вскоре, после начала кампании по коллективизации сельского хозяйства в стране, начались повальные аресты священно-служителей и повсеместное закрытие храмов. В основном причиной ликвидации приходов являлось отсутствие служащего духовенства – батюшек целыми группами отправляли по этапу. Архиепископ видел — дело может дойти до того, что будут арестованы все священнослужители епархии, и некому будет совершать таинства. И владыка стал рукополагать священников из среды благочестивых псаломщиков и простых мирян. Некоторым из них он советовал

устроить у себя в доме церковь, заранее собрав для этой цели иконы из храма. Делалось это для того, чтобы батюшка имел возможность совершать богослужения у себя дома в случае, если приходской храм власти закроют.

В конце 1920-х годов в Куйбышевской епархии, как практически и во всей стране, среди духовенства возникло разномыслие относительно «декларации» митрополита Сергия, в которой последний признавал советскую власть как законную в СССР. Многие расценивали такой поступок главы Церкви как предательство интересов Православия и началось движение о неканоничности власти самого митрополита. Но архиепископ Александр не стал спорить с инакомыслящими и прибегать к дисциплинарным мерам воздействия на недовольных и непонимающих подлинного смысла декларации. Только благодаря его огромному авторитету и полному доверию к нему духовенства, все священники остались в его подчинении, и в епархии удалось избежать смятения и какого-либо раскола.

Летом 1933 года продолжились аресты среди духовенства Самарской епархии. Против самого владыки Александра было также возбуждено уголовное дело; архиепископу шел семьдесят первый год, и ОГПУ оставило его на время проведения следствия на свободе, взяв с него подписку о невыезде. Власти обвинили высокопреосвященного Александра в том, что он являлся «руководителем контрреволюционной группы церковников... Неоднократно руководил нелегальными сборищами в своем доме... на которых давал антисоветские установки. Вел проповедническую работу в антисоветском духе, обрабатывал религиозных фанатиков для принятия ими сана попов. Вел антисоветскую агитацию среди крестьян, приезжавших к нему из деревни для подыскания попов».

В начале августа 1933 года следователь ОГПУ допросил архиепископа. Владыка, отвечая на вопросы следователя, сказал, что он действительно в последнее время часто рукополагал в священный сан, но разговоров с целью «влиять на присутствующих в антисоветском духе» не вел. Проповеди в храме он действительно произносил, но только духовно-нравственного содержания. «Слов «сделал бы что-нибудь, да стар стал» не говорил... что «в колхозе

крестьяне мрут с голода” не говорил... Не отрицаю, что мной было предложено старосте купить по просьбе дочери сосланного епископа два облачения с целью оказания ему материальной помощи».

23 августа 1933 года следствие было закончено, и 29 октября Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архиепископа Александра к трем годам ссылки на Урал в Екатеринбургскую область. Можно себе только представить, насколько тяжелыми физически стали для престарелого архипастыря эти три года заключения. Но они не сломили духа владыки, не сокрушили его веры и не заставили отречься от желания всю оставшуюся жизнь посвятить служению Святой Церкви.

Вернувшись из ссылки в начале 1936 года, архиепископ приехал в ставший ему родным Ульяновск. Однако к тому времени практически все храмы в городе были закрыты, а кафедра управляющего епархией епископа Владимира (Горьковского)

находилась за 100 километров от Ульяновска в городе Мелекесе. Служить в Симбирске было негде, а поэтому спустя несколько месяцев архиепископ Александр переехал в Самару, где служил по благословию правящего Самарского архиерея в Петропавловском храме, получив назначение быть викарным местной епархии с титулом «Пугачевский».

В 1937 году гонения на Русскую Православную Церковь усилились, и почти все духовенство Самары было арестовано. 30 ноября 1937 года был арестован и сам архиепископ Александр. Свободных мест в следственной тюрьме не было, и подследственных содержали в бараках исправительно-трудовой колонии.

13 декабря 1937 года следователь допросил владыку.

Вопрос: Вы арестованы за активное участие в подпольной контрреволюционной церковно-сектантской организации. Дайте по этому вопросу подробные показания.

Ответ: Я не принимал участия в подпольной контрреволюционной церковно-сектантской организации.

Вопрос: Вы говорите неправду, у следствия имеются материалы, устанавливающие ваше активное участие в указанной организации. Вы были связаны с врачом Иваном Семеновичем Котовым, которого вовлекли в «тайное общество духовенства». С ним вы вели переговоры о рукоположении его в тайные священники с целью проникнуть в дома интеллигенции и верующих.

Ответ: С Котовым у меня связи не было, я его знал как верующего врача, посещающего церковь, в которой бывал и я.

Вопрос: Вы отрицаете активное участие в контрреволюционной организации и работу с Котовым по подготовке его в тайные священники? У следствия имеется материал, подтверждающий это. Я вам зачитаю выдержки по этим вопросам.

Следователь зачитал лжесвидетельства, выслушав которые, архиепископ ответил:

Ответ: Участие в контрреволюционной организации, а также работу с врачом Котовым по зачитанным вами выдержкам я отрицаю».

Следствию не удалось добиться от старца-архиерея

самообличающих показаний и лжесвидетельств на других подследственных. Никаких имен владыка не назвал, как и ни в чем не признал своей вины. Одновременно с архиепископом Александром было арестовано двадцать три священника и двое мирян. Некоторые из арестованных, несмотря на все усилия следователей принудить их к лжесвидетельству, держались мужественно, не оговорили ни себя, ни других и тем самым заведомо обрекли себя на мученическую кончину.

Архиепископ Александр был обвинен в том, что «объединил в Куйбышеве всех безместных попов, главным образом прибывших из ссылки. Этим попам создавал авторитет среди верующих... как “страдальцев за веру”, что использовалось для антисоветской повстанческой и контрреволюционной фашистской агитации. Сам лично вел погромно-повстанческую агитацию...». 21 декабря 1937 года Тройка НКВД приговорила всех арестантов к расстрелу.

75-летний архиепископ Александр (Трапицын) и с ним пять священников были расстреляны 14 января 1938 года. Все убиенные священномученики были погребены в общей безвестной могиле. Так окончил свое земное бытие мудрый архипастырь, истинный служитель Алтаря Божия, непоколебимый исповедник веры православной и стойкий в правде Божией святитель - священномученик архиепископ Александр.

Священномученик архиепископ Александр (Трапицын) причислен к лику общецерковных святых Освященным Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 году.

Память его совершается 1 января (14 января по н. ст.) в день мученической кончины святого и в день празднования Собора Новомучеников и исповедников Российских в воскресенье 25 января (7 февраля н. ст.) или в ближайшее воскресенье после него.

Житие святого священномученика епископа Германа (Кокель),
Алатырского викария Симбирской епархии.
Годы земной жизни его с 1883 г. по 1937 г.

Будущий архипастырь, Григорий Афанасьевич Кокель родился 15 ноября 1883 года в с. Тарханы Буинского уезда Симбирской губернии в многодетной семье чувашского крестьянина. У своих родителей Афанасия и Екатерины он был третьим сыном. После него в семье родилась еще и девочка. Дети рано осиротели – Господь призвал к себе их родителей, когда чада были еще малолетними. Григорию и его старшим братьям приходилось зарабатывать на пропитание себе и сестренке крестьянским трудом и наниматься на разные посильные работы к односельчанам. Один из односельчан, человек среднего достатка, взял сирот к себе в дом и дал посильное образование, став их приемным отцом. Впоследствии, наделенный от Бога талантом рисовальщика, старший брат Григория – Алексей – стал учеником великого живописца Репина и сам стал знаменитым художником.

Первоначальное образование Григорий получил в Тархановском сельском училище, а затем учился в Симбирском чувашском училище, основанном выдающимся просветителем чувашского народа Иваном Яковлевым. Получив достаточное по тем временам образование, Григорий Кокель решает исполнить свое

давнее сокровенное желание. Будучи рожденным в благочестивой православной семье и выросши в доме своего верующего приемного отца-благодетеля, он с детства имел стремление посвятить свою жизнь служению Богу и Его святой Церкви.

В марте 1901 года Григорий поступил в число послушников Симбирского Покровского мужского монастыря, в то время Архиерейского Дома. 4 октября 1901 года он выдержал установленное экзаменационной Комиссией испытание на звание псаломщика, и успешно исправляет эту должность при Покровском монастыре. 24 апреля 1903 года Григорий Кокель был назначен исправляющим должность псаломщика в церковь села Шераут Буинского уезда, а 28 июля того же года перемещен в Александро-Невский храм села Большое Батырево Буинского уезда.

В декабре 1903 года, как выпускник чувашского училища, Григорий Афанасьевич сдал экзамен на звание учителя сельской инородческой школы. Будучи псаломщиком в селе Большое Батырево, он также состоял помощником учителя в местной церковной школе с октября 1904 года по май 1905 года, а затем до 1907 года был учителем Батыревской школы грамоты. Об этом времени сам Григорий Афанасьевич писал так: «С 19 декабря 1904 года по 27 мая 1905 года состоял помощником учителя местной церковно-приходской школы грамоты безвозмездно, а с 4 октября 1905 года состою учителем местной школы грамоты, открытой мной на свои личные средства исключительно ради сожаления о многих мальчиках школьного возраста, не имеющих возможности учиться в местной церковной школе вследствие ее тесноты, что меня крайне огорчало, ибо большая часть чуваш пребывали в преданности всяким суевериям. Не смотря на свое ничтожное жалование по должности псаломщика, я решился уделить из него некоторую часть на содержание школы, желая принести большую пользу своим единоплеменникам-чувашам». Остается лишь добавить, что школу грамоты, в которой обучалось свыше сорока мальчиков, Григорий Афанасьевич открыл не только на свои скудные средства, но и разместил ее в своем небольшом доме.

22 мая 1906 года Григорий Афанасьевич Кокель, псаломщик

села Большое Батырево Буинского уезда, был обвенчан в церкви того же села с дочерью крестьянина Егора Николаевича Спинова Ириной, выпускницей Сумароковского женского училища. Обзаведясь семьей, Григорий Афанасьевич решает обратиться с прошением на имя епископа Симбирского и Сызранского Гурия (Буртасовского) о рукоположении в духовный сан. На это прошение следует положительная резолюция Преосвященного архипастыря с указанием на необходимость сдачи соответствующего экзамена.

В сентябре 1906 года псаломщик Григорий Кокель успешно сдал экзамены на получение сана диакона. В документах, подготовленных Симбирской Духовной Консисторией для принятия решения о рукоположении Григория Афанасьевича в сан диакона, сказано: «Чувашский язык знает очень хорошо – говорил одно чтение на чувашском языке. Читает, поет и катихизис знает очень хорошо. Судим и штрафован не был». Сам Григорий Афанасьевич в своем прошении на имя Симбирского Преосвященного о рукоположении в диаконский сан писал следующее: «С принятием священного сана я буду принимать большее участие в деле просвещения чуваш, как-то: посредством проповеди и внебогослужебных собеседований, переводя их на чувашский язык, каковой опыт мною уже практикуется, а также – если будет необходимо – буду содействовать открытию школ материальными средствами и учительским трудом, что имеется мной на первом плане, от которого я не отказываюсь, а весьма желаю». Будущий священнослужитель, посвящая свою жизнь Церкви Христовой, одним из главных своих деланий на ниве Божией определил дальнейшее просвещение своих братьев-чуваш и наставление их на путь спасения в вере православной. Однако в то время Григорий Афанасьевич в сан рукоположен не был – он решил продолжить свое обучение.

Для следования ко все той же благой цели просвещения своих единокровцев, Григорий Афанасьевич поступил на миссионерские курсы при Казанской Духовной академии. В своем прошении на имя правящего Симбирского архипастыря архиепископа Иакова псаломщик из села Большого Батырева писал: «Я состою псаломщиком в таком приходе, где 9/10 населения состоит из

инородцев-чуваши, которые еще не совсем основательно усвоили христианское учение, последствием чего было уклонение некоторых христиан-чуваши из числа населения Буинского уезда в магометанство. Сильно сожалея о таком печальном факте, я желаю помочь этому делу, а для того, чтобы быть деятельным пастырем, необходимо более основательно знать христианское учение».

С 1907 года по 1909 год Григорий Кокель обучался в Казани. В удостоверении, выданном выпускнику миссионерских курсов Григорию Кокель их заведующим викарием Казанской епархии епископом Мамадышским Андреем (князем Ухтомским), было означено следующее: «Кокель может сделаться хорошим пастырем даже и с тою подготовкою, которая ему дана. А по своему характеру, трудолюбию, послушанию, безупречной трезвости, любви к храму Божьему Кокель заслуживает полного доверия и поощрения». Во время обучения на миссионерских курсах Григорий Афанасьевич много времени уделял составлению образовательных и просветительских изданий. Так, за два года им были написаны на чувашском языке и изданы следующие брошюры: «Беседы христи-анина с мухамедданином о Святой Троице», «О жизни на небе и жизни на земле», «Против срамословия». Также им были написаны и подготовлены к печати следующие брошюры: «Житие св. Григория Дека-полита», «Жизнь свв. мучениц Агапии, Хионии и Ирины», «Святая Поликсения веропр-поведница». Во всех брошю-рах, как напечатанных, так и приготовленных к печати, автором проводились мысли о превосходстве христианства перед мусульманством и четко обозначалась необходимость для чуваш твердо придерживаться православия. «Автор брошюр, - писал в рецензии преподаватель Казанских миссионерских курсов Николай Никольский, - обнаружил серьезное знание основ ислама и метода борьбы с ним, что могло бы оказать ему большую помощь в приходе с чувашско-татарским населением. Думается, что основательные прекрасные знания Кокеля этнографии чуваш, обличения языческо-мусульманских заблуждений их дадут ему возможность стать весьма ценным руководителем религиозной жизни чуваш, особенно в местности, где пропаганда ислама стала на прочную основу». Действительно,

Григорию Кокель придется стать весьма «ценным руководителем жизни» православных верующих, но бороться ему придется не с языческими заблуждениями, а с расколами, поразившими Русское Православие в послереволюционное время.

12 июля 1909 года исполнилось искреннее желание Григория Афанасьевича служить Святой Церкви в священном сане – в этот день Высокопреосвященным архиепископом Симбирским и Сызранским Иаковом он был рукоположен во диакона. 26 июля 1909 года диакон Григорий Кокель в симбирском Свято-Троицком кафедральном соборе тем же владыкой был рукоположен во священника к Никольскому храму села Туруново Буинского уезда.

Спустя несколько месяцев после прибытия молодой четы Кокель на первое место служения, в сентябре 1909 года, в семье отца Григория и Ирины Егоровны родилась дочь-первенец Александра. Батюшка с усердием служил в храме, учил ребятишек в школе, занимался, как и всякий сельский священник, крестьянским трудом, а свободными вечерами играл с маленькой дочуркой. Однако покойное бытие было не в характере отца Григория.

В августе 1911 года на имя Преосвященного Вениамина, епископа Симбирского и Сызранского, от священника Григория Кокель было направлено прошение следующего содержания: «В нашей Симбирской епархии живут между другими народностями чуваши, которые приняли святую христианскую веру. Среди них есть и достойные носимого христианского имени, но есть и такие, которые только по внешности кажутся христианами, но сердце их еще не оторвалось от языческих взглядов. Так, к великому сожалению, среди чуваш-христиан еще и теперь приносятся языческие жертвы частного характера – именно – во время засух бывают т.н. воробьиные жертвы о дожде. Хотя чувашами-христианами неопустительно совершаются и молебны о дожде, но, тем не менее, и означенные жертвы. Конечно, не во всех деревнях и селах это бывает. Такие, достойные сожаления, факты показывают, что христианство не могло еще во всей силе осветить этих христиан-чуваш. К искоренению этих суеверных предрассудков принимаются различные меры – как посредством школ, так и посредством проповедей и бесед. К этой миссии

призываются все – и духовенство, и рядовые христиане. Эти последние научаются христианству от своего духовенства. По изволению Божию в этой святой миссии принимают посильное участие и псаломщики. Следовательно, и они должны овладеть правильным пониманием сущности христианства. Руководством для этого служит пространный христианский катихизис, изучить который требуется и программой экзамена на звание псаломщика. Нередки случаи, когда подвергающиеся этому испытанию лица не выдерживают его, так как они не имели возможности основательно изучить его сами, без руководителя. Также непосильным является самостоятельный труд изучить церковный устав, обиход и другие предметы псаломщицкой программы. Нелегкий труд самостоятельной подготовки к экзаменам я сам испытал на практике. Некоторые лица из местных прихожан и из ближайших селений – имея желание посвятить себя на службу Святой Церкви в должности псаломщика – обратились ко мне с просьбой руководить ими в этом благом желании их. Конечно, я не мог отказать им в таком добром деле, как изучение христианства через прохождение пространного катихизиса, учения о богослужении, церковного устава и других предметов, необходимых для сдачи экзамена на звание псаломщика. Это не школа и не курсы, а только частное научение их истинам христианства – как бы катихизическая школа. И я руковожу ими в этом деле только в свободное от своих прямых обязанностей время. Эти же лица могут быть мне главными помощниками при устройстве общенародного пения, к чему я и стремлюсь. Доводя о сем до сведения Вашего Преосвященства, я имею честь почтительнейше просить Вас, милостивый Архипастырь, преподать мне Ваше Архипастырское благословение достойно вести это святое дело просвещения христианством некоторых лиц из прихожан, готовящихся посвятить себя к псаломщицкой должности».

С сентября месяца 1911 года в селе Туруново в доме одного из прихожан местного храма – крестьянина Петра Терентьева – открылась под руководством отца Григория школа для псаломщиков. Курс обучения по продолжительности был определен в шесть месяцев и слушателями этих курсов состояло

10 человек. Священник Герман Кокель воистину становился духовным просветителем чуваш своего времени, отдающим этому спасительному делу все свое усердие и самую жизнь.

Однако псаломщицкая школа успела произвести лишь один выпуск слушателей после полугодового обучения - в феврале 1912 года отец Герман указом Симбирской Духовной Консistorии был переведен на вторую священническую вакансию в Преображенский храм с. Пандиково Курмышского уезда. С того же времени батюшка также состоял заведующим и законоучителем Пандиковской церковной школы грамоты. В июне 1912 года Господь благословил семью отца Григория вторым ребенком – сыном Аркадием.

После назначения отца Григория на приход в село Пандиково, где население по преимуществу было русским, батюшка стремился вновь оказаться на приходе, где проживало бы в большинстве своем чуваша – желание нести своим единоплеменникам свет Христовой истины было у него самым насущным стремлением в жизни. Неоднократно отец Григорий обращался к правящему симбирскому архипастырю о подобном переводе. Однако на то время свободных мест в таких селах не было. Батюшка вновь и вновь писал в Духовную Консistorию прошения о перемещении его на приход с чувашским населением, однако практически на каждом из таких прошений появлялась резолюция одинакового содержания: «Объявить священнику Григорию Кокель, что священнических мест с чувашским населением в настоящее время праздных нет».

Для того, чтобы узнать более полно о неутомимом просителе, Консistorия запросила характеристику на отца Григория у местно благочинного, который сообщил своему епархиальному начальству следующее: «За время своего пребывания в селе Пандикове вел и ведет себя безукоризненно, не нарушая братских и мирных отношений в притче, усердно исполнял свои пастырские обязанности и заметно проявлял при этом порывы к проповедничеству, даже в литературной переводческой деятельности: например Кокелем недавно переведены и напечатаны на свои средства три брошюры». Именно после такого о нем лестного отзыва благочинного, отец Григорий

наконец-то был переведен в храм села Чурадчек Буинского уезда, где из более чем четырехтысячного населения было поровну русских и чуваш, и где активная деятельность батюшки на поприще проповеди Христовой истины была не просто нужна, но и крайне необходима. На этом приходе отец Григорий будет служить вплоть до страшных революционных потрясений 1917 года, когда вся Россия была ввергнута сначала в революционные преобразования большевиков, а затем в гражданскую войну, которые сопровождались невиданными ранее в нашей стране гонениями на Церковь Христову.

Говорить о возможности свободной проповеди, а тем более об издании книг христианско-нравственного содержания при большевистском правлении не приходилось. Но ведь для отца Григория именно это делание было столь важным! Именно ему он посвящал так много времени и сил, стараясь укоренить в среде чувашского населения основы учения Православной Церкви. Батюшка все же не оставил своего призвания. Он начал перепечатывать написанные им ранее проповеди, поучения и статьи на пишущей машинке через копировальную бумагу и распространял их среди своих прихожан и жителей близлежащих сел.

Вскоре батюшка переехал служить на новый приход – в Христорожественский храм села Старо-Челна Сюрбево Буинского уезда (затем Ибресинского района) Симбирской губернии.

Здесь отец Григорий продолжает свою проповедническую

деятельность. Однако именно ревностное отношение батюшки к благовествованию слова Христовой истины чуть не стала причиной его гибели. По доносу бывшего псаломщика местной церкви, который обвинял священника в контрреволюции, большевистскими властителями отец Григорий был приговорен к расстрелу. Батюшку арестовали и привезли в волостной центр – в село Новые Мураты. Здесь на следующий день был намечен и показательный расстрел «черносотенного попа». Однако верная супруга священника делает казалось бы невозможное – она за одну ночь собирает подписи жителей Старо-Челна Сюрбеево под прошением в ЧК об освобождении

отца Григория, в котором также было сказано о его невинности, злостном поклепе на него и об отсутствии в его проповедях каких-либо политических высказываний. Утром 9 декабря 1917 года к месту казни священника в Новых Муратах собралась большая толпа народа. Вывели из волостного правления и отца Григория. Священник шел к месту расстрела в одной рясе и с молитвой на устах. И когда палачи были уже исполнить задуманное ими убийство, к ним на лошади подъехала матушка Ирина с постановлением об отмене приговора. Отец Григорий был спасен.

Но все переживания и потрясения последнего времени не проходят для супруги отца Григория даром – 25 июля 1920 года от порока сердца матушка Ирина скоропостижно скончалась на 33-м году жизни. На руках у овдовевшего священника остаются трое малолетних детей. Однако жизнь продолжалась и неленостные труды батюшки в новое советское время были крайне необходимы Церкви.

Отец Григорий начинает осознавать, что имеющих уже у

него богословских познаний иногда не хватает для того, чтобы более полно раскрыть и объяснить те или иные недоуменные вопросы, возникающие в ходе его проповедничества. Необходимо было получить высшее богословское образование. Но с самого начала прихода к власти большевиков все семинарии и академии, в которых можно было бы пополнить багаж знаний, были закрыты. Лишь в Петрограде продолжало действовать открытое после революции единственное на всю страну научное духовное заведение – Богословский институт. Именно туда и решил поступить на обучение отец Григорий Кокель. Летом 1921 года он подал заявление о приеме его в это учебное заведение. В сентябре он стал слушателем Петроградского Богословского института.

В 1924 году отец Григорий оканчивает обучение в институте и начинает писать кандидатскую диссертацию. Ситуация же в Симбирской епархии к тому времени складывалась не самым лучшим образом. Не только гонения на Церковь, убийства священников и мирян, голод и разграбление храмов властью под предлогом сбора средств для помощи голодающим стали потрясением для верующих. Никогда ранее не переживало Российское Православие столь лютой ненависти со стороны власть имущих. Были закрыты приходские школы, библиотеки, духовные учебные заведения, прекратилось издание церковной литературы. Верующие, как и сама Церковь, были поставлены вне закона. Для отца Григория все происходившее отзывалось в сердце еще одной болью – все труды по просвещению в духе Христовой истины чуваш могли оказаться напрасными. Ведь неокрепшая в вере часть его единоплеменников под гнетом безбожной власти могла отступить от Церкви, от спасения! Нужен был авторитетный человек, наделенный соответствующей духовной властью, и желательно из среды тех же чувашей, который сумел бы своим примером и неустанной заботой о пастве сохранить в церковном лоне эту часть православных верующих. Еще весной 1921 года отец Григорий решает поделиться своими мыслями и чаяниями по этому вопросу с самим Всероссийским Патриархом Тихоном. Батюшка пишет Святейшему письмо, в котором впервые ставит вопрос об образовании особой, национальной епархии на территории компактного проживания чувашей, либо же,

если таковой возможности не представится, о посвящении в епископское достоинство кандидата из числа выходцев из той же народности в качестве викарного архиерея Симбирской епархии.

Вот текст этого письма.

«Его Святейшеству,
Святейшему Тихону,
Патриарху Всероссийскому,

Симбирской епархии,
бывшего Буинского уезда
Христорожественской церкви
села Старое Челна Сюрбеево
священника Григория Кокель

Доклад.

В России живет около 1 миллиона чуваш, православных христиан. Они живут в 800 или более приходах. Священники у них чуваша же. Благодаря совершению богослужений на чувашском языке и произнесению проповедей на том же языке, - среди чуваш почти не бывает отпадения в мухамедданство. Но современный дух неверия коснулся и чуваш. Сомневающиеся и колеблющиеся появились и среди них, - но таковых весьма мало. И эти последние, под влиянием твердости в вере остального населения, стали оставлять свои вольнодумства. Среди чуваш христианство утверждалось бы еще сильнее, если бы Богу было угодно поставить им Архиерея из чуваш же. Он стал бы почаще посещать чувашские приходы, проповедовать сам и к тому же побуждать подчиненное ему духовенство. Он стал бы поддерживать духовенство в трудные минуты жизни в деле религии, а таковые трудности встречаются теперь на каждом шагу. В этих случаях авторитетное мнение архиерея, при личном посещении приходов, имело бы громадное значение.

Для чуваш теперь достаточно одного архиерея вполне

самостоятельного. Кстати, есть и чувашская область. В этой области чувашских приходов около 500. Если каждая из церквей будет платить ежегодно по 5 тыс. руб. (а эта сумма теперь стоит только 5 руб.), а со всей области наберется около 2,5 миллионов рублей, - то этой суммы вполне хватит на содержание не только архиерея, но и церковного совета при нем. А если почему-то нельзя поставить самостоятельного архиерея из чуваш, то вполне пришло время поставить викарного архиерея из чуваш для Симбирской епархии. В нашей епархии чувашских приходов около 100. Эти сто приходов вполне могут содержать для себя архиерея. К тому же, при викарном архиерее и канцелярия будет весьма мала.

Ревность о спасении чуваш-христиан побудила меня доложить все вышесказанное на благоусмотрение Вашего Святейшества.

1921 г. – марта 26.

Нижайший послушник Вашего Святейшества
Священник Григорий Кокель».

На этом докладе Святейший Патриарх Тихон начертал резолюцию: «Высокопреосвященному Симбирскому на отзыв. Тихон». Эта резолюция вместе с докладом отца Григория была направлена в Симбирск архиепископу Александру (Трапицыну).

Нам сегодня не известно, что написал будущий священномученик архиепископ Александр Патриарху на его запрос. Известно лишь одно – спустя три года, Святейший Патриарх Тихон направил выпускника Петроградского Богословского института священника Григория Кокель в распоряжение Преосвященного епископа Чебоксарского Афанасия (Малинина) с предписанием о принятии на служение и постриге в монашество. Вскоре благословение Патриарха было исполнено и священник Герман Кокель был пострижен в иеромонахи с именем Герман в честь Святителя Казанского.

31 декабря 1924 года был рукоположен первый православный епископ из чуваш. Им стал именно тот, кто так заботился о спасении и укреплении в вере своих сородичей – священник Григорий Кокель, в монашеском постриге нареченный Германом. Владыка был определен викарным епископом Симбирской (к тому времени уже Ульяновской) епархии с титулом «Ибресинский».

Согласно некоторым источникам, после совершенной хиротонии епископа Германа, Святейший Патриарх Тихон сказал вполголоса новопоставленному архипастырю: «Благословляю тебя бороться с обновленчеством! Неустанно борись!».

Церковный раскол поразил в то время всю Русскую Православную Церковь. Внесшие в массу верующих смуту, отменившие многие каноны, отколовшиеся от Патриарха и ставшие раздирать в угоду создавшей их советской власти Церковь, обновленцы стали воистину «волками в овечьей шкуре». Воспользовавшись тем, что большевики официально признавали правомочие только обновленческого движения и не легализовали Патриаршую Церковь, «живоцерковники» сделали удавшуюся во многих местах попытку захватить иерархическую власть в свои руки. Обновленческая проказа не миновала и Ульяновск.

Прибыв на место служения, владыка Герман сразу же столкнулся с травлей со стороны обновленцев. Новый викарий обьезжает на лошадах, а местами и обходит пешком множество приходов, где вразумляет отступивших от Патриарха священников, возвращая их в лоно истинной Церкви. Однажды в с. Хормалы (ныне Ибрессинского р-на Чувашии) владыка Герман был избит обновленцами чуть не до смерти и еле спасся. По доносам в ГПУ со стороны обновленцев, многие священники-«староцерковники» арестовывались и отправлялись в концлагеря, но на их место епископ Герман рукополагал новых, из числа выпускников основанной когда-то псаломщицкой школы или вообще из грамотных благочестивых мирян, а поэтому число патриарших приходов в епархии не убывало, а даже увеличивалось. В связи с тем, что обновленцы захватили власть в Ульяновском Епархиальном Совете, епископ Герман был назначен высшей церковной властью временно управляющим всей Ульяновской епархией, а резолюцией Святейшего Патриарха от 11 декабря 1924 года – управляющим всеми чувашскими приходами новообразованной национальной Чувашской области. Вскоре епископ Герман в качестве вновь-таки Ульяновского викария, был перемещен в город Алатырь Ульяновской губернии с титулом «Алатырский». Однако власти не дают разрешения владыке на переезд в Алатырь, и он остается жить в селе Ибреси.

Вскоре после описанных событий, вероятно не без содействия про-большевистски настроенных обновленцев, владыка был арестован 28 августа 1925 года. 1 сентября он был отправлен в Ульяновск, а оттуда, просидев в губернской тюрьме два месяца, владыка этапом был доставлен в Чебоксары. Там следствие по делу об обвинении епископа Германа (Кокель) в незаконном якобы служении и присвоении полномочий правящего епископа было завершено, но, так как дата судебного разбирательства не была назначена, то владыку в

конце ноября 1925 года отправляют в Алатырь с подпиской о не выезде с места проживания. Здесь епископ Герман продолжает свое служение в качестве викарного архиерея еще пол года – до времени, когда решится его дальнейшая судьба.

Прибывший в Ульяновск в начале 1926 года новый управляющий Ульяновской епархией «тихоновского» течения епископ Виссарион (Зорнин) и принявший под свой омофор приходы патриаршей ориентации, вскоре сам ушел в новый раскол, именованный «Григорианским», и не признававший высшую иерархическую власть в Церкви законного Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), будущего Патриарха.

Раскольник епископ Виссарион обязал всех благочинных объехать приходы в своих округах и выяснить, где верующие

признают обновленцев, где считают архиереем его, а где придерживаются «сергианства», то есть находятся в духовной власти митрополита Сергия. Один из благочинных ставил в известность своего архипастыря, о том, что «та смута, которую посеял среди верующих вверенного мне округа своими прокламациями епископ Герман (Григорий Кокель), благодаря моим разъяснениям как церковно-приходским советам вообще, так и верующим в частности, рассеялась, совершенно заглохла и особо неблагоприятных

последствий в церковной жизни не имела. Теперь всякая дальнейшая агитация Германа, если бы такая была снова, будет встречаться с презрением по адресу инициатора ее». Есть сведения и еще об одном случае, связанным с владыкой Германом и произошедшим в то же время в Алатыре. Направляясь в один из воскресных дней в местный Киево-Николаевский женский монастырь для совершения службы, владыка у монастырских врат был встречен градом камней, которые бросали монахини, и бранью насельниц обители. Окровавленный епископ вынужден был удалиться от монастыря. Что же это были за прокламации, чего добивался епископ Герман и чем заслужил такую ярую неприязнь со стороны монахинь в своем же викариатстве? Дело в том, что, к прискорбию, этот монастырь перешел под управление епископа-«григорианца» Виссариона, и таким образом монахини «встретили» владыку Германа по причине постоянного обличения им раскольника-архиерея.

Об этом послании и об отношении официальной епархиальной староцерковной власти к прокламациям Алатырского викария сказано в журналах заседания Епархиального Совета. Видимо, будет правильным процитировать полностью запись об обсуждении поведения епископа Германа в указанных протоколах. В них сказано: «Слушали. О некоторых прискорбных с точки зрения мира и единомыслия церковного, а равно и с точки зрения установленной церковными канонами церковной дисциплины и порядка, действиях и распоряжениях по епархии Преосвященного Германа, епископа Ибрессинского, викария Ульяновской епархии. (Несколько удивительна такая неточность в официальных бумагах Совета – с 1925 года епископ Герман титуловался уже не Ибрессинским, а Алатырским, - составитель). Действия эти следующие: 1. С прибытием в г. Ульяновск Преосвященного епископа Виссариона, епископ Герман путем рассылки по приходским советам открытых писем за своей подписью и печатью, - писем с грубо-ругательным содержанием по адресу Преосв. Виссариона, открывает против него настоящую травлю. Эта травля была начата после того, как стало известно из газет, что е. Виссарион, будучи в Москве, 22 декабря 1925 г. принимал

участие в организационном собрании группы епископов, созданном для избрания вр. Высшего Церк. Совета и был избран членом этого Совета. 2. Из прилагаемой при сем копии письма е. Германа к е. Виссариону от 8 апреля с.г. видно, что е. Герман как будто совершенно не имеет понятия о том, каковы должны быть взаимоотношения между православными архипастырями и особенно между епископом-викарием и его епархом. В этом письме сказала прямо несвойственная христианскому епископу ненависть е. Германа к е. Виссариону. И эта ненависть сказала не только в вышеуказанном письме, но и в действиях его во время пребывания е. Виссариона в г. Алатыре 29-31 марта с.г. Епископ Герман не считал нужным даже представиться своему епархиальному архиерею во время пребывания его в г. Алатыре. В распоряжении, изданном е. Германом по церквам г. Алатыря 14 апреля с.г. и др. письмах он, наконец, обрушивается на Ульяновский вр. Епархиальный Совет, называет его «раскольническим» и «неправославным» и приказывает прекратить с ним всякое общение». Епископ Герман, памятуя о данном ему Святейшим Патриархом Тихоном (к тому времени уже почившим) благословении, принимал все возможные меры для борьбы с возникшими в то время расколами, и всячески укорял впавших в них как простых священников, так и архиереев. Он не желал иметь ничего общего с григорианцем Виссарионом, чем и заслужил столь нелестную характеристику своим действиям со стороны подчиненного раскольнику-епископу Епархиального Совета.

Необходимо сказать и о том, что кроме григорианцев также и обновленцы не могли простить епископу Герману его активного противодействия этой про-советской лже-церкви. В связи с тем, что Алатырский уезд административно вошел в состав новообразованной Чувашской национальной области (хотя иерархически продолжал быть частью Ульяновской епархии), чувашское областное церковное обновленческое управление неоднократно обращалось к своей пастве с посланиями, в которых всячески порицалась деятельность владыки Германа. Епископ Алатырский, ведя неутомимую борьбу с обновленчеством, через объяснения и убеждения возвращал в лоно истинной

Православной Церкви заблуждающихся священнослужителей и, считая обновленческие хиротонии безблагодатными, перерукополагал иереев и диаконов, получивших свой сан от обновленческих лже-иерархов. Борьба с раскольниками велась епископом Германом подчас весьма дерзновенно. Так, приходя в какой-либо обновленческий храм, он, дабы доказать нецерковность священнослужения обновленцев, убирал освященное их архиереями миро с престолов и выливал его под престолы. Он принимал в церковное общение изгнанных обновленцами священнослужителей, уличенных теми в симпатиях к староцерковникам. Его противообновленческая проповедь повсеместно достигала цели, и во многих приходах верующие изгоняли из храмов священников-раскольников, а на их места владыка рукополагал наиболее готовых к служению и приверженных Православию мирян. В своих обращениях к верующим владыка именовал и Священный Синод обновленцев, и правящего чувашского «архиепископа» Тимофея, и викария последнего «епископа» Чебоксарского Даниила не иначе как

безблагодатными, еретиками, раскольниками и обновленцами. Видя происходящее, обновленцы, как и самого Святейшего Патриарха Тихона, «лишили» епископа Германа сана, сообщив об этом своим приверженцам в Чувашской епархии: «Герман Кокель 29 января 1925 года за предвосхищение не дарованного лишен Священным Синодом иерейского сана, а если продолжает считать себя епископом, мало того – православным, то своими действиями и нарушением правил Св. Апостол, Вселенских и Поместных Соборов, самого себя изверг из сана». Удивительно, что эти слова вышли из-под пера тех, кто действительно стали нарушителями всех мыслимых и немыслимых канонов и правил Церкви! Но в озлоблении своем обновленцы пошли еще дальше, и «уличили» владыку Германа, не обратившего никакого внимания на «извержение» от раскольников, в еще более страшном грехе: «И так, Герман, не подчиняющийся церковным правилам, вполне заслуживает звания ересиарха». По доносам обновленцев епископа Германа неоднократно вызывают в ГПУ, устраивают у него дома обыски, запрещают выезд на службы на другие, кроме места жительства, приходы.

Наконец, 4 июня 1926 года ОГПУ принимает решение о высылке епископа Германа за пределы Чувашской Республики «принимая во внимание то, что в дальнейшем его пребывание на территории АЧССР может вообще вредно отразиться на политнастроении и спокойствии населения, так как таковой (епископ Герман) своими действиями может вызвать эксцессы среди группы верующих, ... а также распространением ложных, провокационных слухов может вызвать среди населения недоверие к власти, дискредитирования ее и недовольства ею». Владыка покинул Ульяновскую епархию с обязательным прикреплением, согласно приговора, прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года.

Радость обновленцев была беспредельна, и об этом «радостном» событии правящий «архиепископ» Чувашской обновленческой епархии Тимофей сообщил своей пастве в очередном послании: «Не стало раздорника юной Чувашской епархии Германа Кокель, именуемого-ся себя православным епископом. Он, враг Церкви Христовой, нарушитель мира и спокойствия, выслан из пределов

Чувашской епархии».

В 1926-1927 г.г. епископ Герман состоял уже епископом Бугульминским, викарием Самарской епархии. В 1927-1928 г.г. он был епископ Бугурусланским, а в 1928-1929 г.г. – епископом Кузнецким, викарием Томской епархии. В 1929 году епископ Герман был определен на самостоятельную кафедру и до 1930 года был епископом Томским и Алтайским. С ноября 1930 по июль 1931 г.г. - временно управляющий Омской и Павлодарской епархией. В 1931-1932 г.г. - епископ Никольск-Уссурийский, временно управляющий Хабаровской, Приморской и Владивостокской епархиями. В январе – октябре 1932 г. епископ Барнаульский, временно управляющий Бийско-Алтайской епархией. В 1932-1933 годах владыка Герман занимает Хабаровскую кафедру, а в 1933 году перемещен в город Благовещенск в Амурской области. Везде, где бы не служил владыка Герман (а он направлялся всегда священ-ноначалием именно в те епархии, которые были заражены различными раскола-ми), он неустанно боролся за чистоту православия, обли-чал вероотступников и при-зывал свою паству быть верными своей Матери-Церкви.

В Благовещенске епископ Герман 8 сентября 1933 года был арестован и осужден к заключению в концлагерь «за ярую контрреволюционную деятельность». Во время следствия

владыка заявил: «Я являюсь настоящим верующим, к тому же и архипастырем, вера меня спасла в бедах. Я твердо верую в воскресение Христа и Его второе пришествие. Против налогов я не шел. К советской власти я отношусь как к власти, данной от Бога, но власть от Бога должна исполнять волю Божию. А советская власть не исполняет эту волю, а потому она не Божья власть, а сатанинская».

Владыка Герман находился в заключении в концлагере в г. Свободный (ранее Алексеевск) Амурской области. Учитывая его образование, лагерные власти направляли епископа сначала на должность счетовода, а потом делопроизводителя. Но лагерь есть лагерь – издевательства, доносы, унижения, голод и холод касались здесь всех. Но, даже находясь в суровых условиях заключения, владыка не прекращал проповедовать Слово Божие. Именно это и послужило основанием к тому, что его, уже в лагере, обвинили в проведении контрреволюционной агитации и антисоветской пропаганде, а также в участии Алтайской контрреволюционной организации «Мракобесы». Лагерное начальство дало заключенному Кокель следующую характеристику: «по окраске – православный, по категории – активный, не отказывается до сих пор от своих религиозных убеждений». ГПУ вменяло в вину заключенному архипастырю то, что он, находясь в заключении, среди

заклученных проводит «наиболее махровую контрреволюционную деятельность, пытаюсь внушить окружающим ненависть к существующему строю, называет царское время «счастливыми днями»».

Вот слова владыки, которые зафиксированы в материалах уголовного дела, возбужденного в отношении заключенного епископа Германа осенью 1937 года: «Большевики не знают историю и не щадят исторических памятников. Когда был царь, этот помазанник Божий, он заботился о православных и о нас, служителях алтаря Господня, а теперь антихристы со злобой дьявольской гонят Церковь Божию. Но ничего. Мы, верующие, уйдем в подполье и оттуда будем проповедовать распятого Христа. Мы добьемся тех счастливых дней, когда колокола Кремлевских соборов со славою встретят помазанника Божия. А эту свору, эту нечисть, этих поганых коммунистов и комсомол с их нечестивыми вождями, сметут как прах с лица земли русской!... Пусть как ни стараются коммунисты победить христиан, не удастся им это сделать».

По обвинению в «контрреволюционной деятельности и пропаганде» епископ Герман (Кокель) был 17 октября 1937 года

осужден «тройкой» и приговорен к высшей мере наказания.

2 ноября 1937 года ночью владыка был расстрелян. Место погребения первого чувашского архипастыря, духовного просветителя своего народа и неутомимого борца за чистоту веры православной, единственного пока священнослужителя чувашской национальности, прославленного в лике святых, епископа Германа (Кокель) не известно.

Трагическая участь постигла и детей владыки – старший сын Аркадий, еще совсем молодой, как и отец, скончался в заключении, дочь Александру выгнали в Москве зимой из квартиры, и она замерзла на вокзале. Младшая дочь Софья также пережила все возможные и невозможные страдания и чудом осталась жива.

Священномученик епископ Герман (Коккель), епископ Алатырский, причислен к лику общецерковных святых Освященным Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 году.

Память его совершается 20 октября (2 ноября по н. ст.) в день мученической кончины святого и в день празднования Собора Новомучеников и исповедников Российских в воскресенье 25 января (7 февраля н. ст.) или в ближайшее воскресенье после него.

Житие святой преподобномученицы Екатерины (Декалиной),
насельницы Симбирского Спасского женского монастыря.

Годы земной жизни ее с 1875 г. по 1938 г.

Екатерина Декалина родилась в ноябре 1875 г. в селе Панская Слобода Тушинской волости Симбирского уезда Симбирской же губернии в простой русской крестьянской семье. Ее родители жили скромно, но не бедствовали. Отец ее Дмитрий в основном занимался садоводством, занимаясь собственным большим фруктовым садом площадью около двух десятин. Семья жила в добротном деревянном доме, а в хозяйстве Декалиных была и лошадь, и корова. Одним словом, это были среднего достатка крестьяне, всю жизнь свою проживавшие в труде и заботе о хлебе насущном. В семье было четверо детей – старшим был Василий, да еще три сестры: Евдокия, Екатерина и Елизавета. Как и полагалось, в воскресные и праздничные дни Декалины всем семейством ходили молиться в старинный сельский деревянный

Николаевский храм, соблюдали посты, говели, перед Святой Пасхой обязательно причащались. Все дети в семье учились в местной народной школе и были грамотными.

Но из четырех детей Декалиных особой набожностью отличалась средняя дочь – Екатерина. И тогда, когда ее брат и сестры бегали по улице села с ребятами, а потом, подростки, ходили на сельские вечеринки, встречались с друзьями и подругами, Катя просиживала вечера дома и с упоением читала, как тогда говорили, «божественные книги». Став взрослыми, ее брат и сестры обзавелись семьями, нарожали детишек, коих у Василия было двое, у Елизаветы трое, а у Евдокии четверо. Но Екатерина решила посвятить себя иному Жениху, заявив однажды родителям о своем желании уйти в монастырь. Не очень охотно разрешили отец и мать исполнить Кате свое желание, да и было это понятно. Ведь мала была еще Екатерина, лишь 15 лет ей исполнилось, да и помощница по хозяйству была нужна. Однако, поколебавшись, решение дочери одобрили – будет кому за всех родных молиться.

Осенним утром 20 ноября 1890 году только вышедшая из отрочковического возраста Екатерина Декалина была благословлена матерью и отвезена отцом по первому снегу в губернский город Симбирск и стала воспитанницей Спасского женского монастыря. Простой трудолюбивой и аккуратной девушке в обители находилось много занятий. Безропотно и со смирением Екатерина работала на разных послушаниях, исполняя любую порученную ей работу. А вечерами любила подольше помолиться в храме вместе с сестрами и послушницами монастыря. Целых двадцать три года Екатерина прожила воспитанницей и трудницей в обители до тех пор, пока 28 октября 1913 года указом Симбирской Духовной Консистории была определена в число послушниц монастыря и стала законной его насельницей. С того же времени у нее появилось и свое постоянное послушание - Екатерина была определена трудится при монастырской часовне. Духовное начальство ценило спокойную и уравновешенную насельницу – в ведомости о монашествующих и послушницах Симбирского Спасского женского третьеклассного монастыря за 1917 год против имени послушницы Екатерины Декалиной указано:

«хорошей жизни, послушание исполняет усердно».

Этот год стал и последним годом спокойного бытия обители. Вскоре после прихода к власти безбожников-большевиков женский монастырь был закрыт и в начале 1920-х годов в нем был организован первый в губернии концентрационный лагерь. Насельниц же самой обители власти разогнали, и разбрелись лишенные крова монахини кто куда. Некоторые вернулись в свои родные села, кто-то из монахинь устроился трудится при симбирских храмах, кто-то вынужден был идти работать на черные работы в мирские учреждения.

Матушка Екатерина покинула монастырь вместе со своей давней подругой, с которой почти тридцать лет провела в обители – матушкой Анастасией

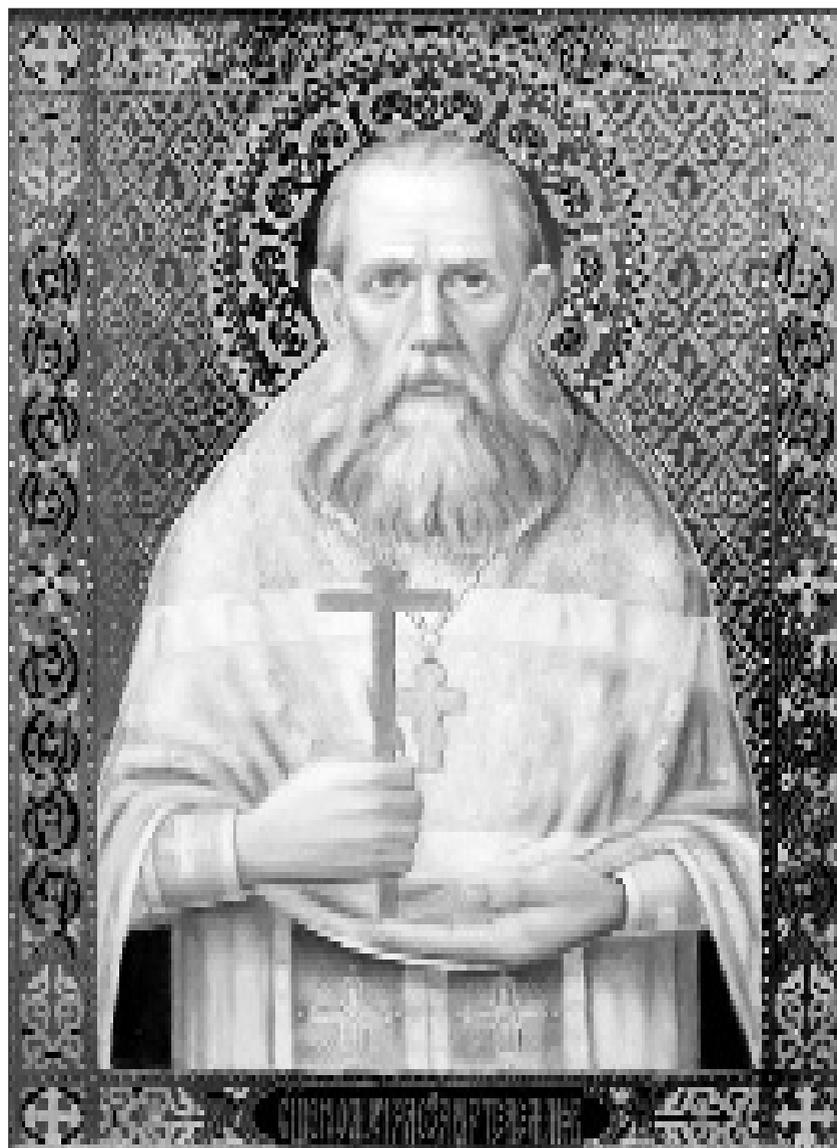
Фокиной. Вместе они трудились и молились в монастыре, были как говорится «не разлей вода». Даже сфотографировались вместе вскоре после того, как обе стали послушницами, были пострижены в рясофор и облачены в монашеские клобуки. Они прекрасно дополняли друг друга, эти две совершенно не похожие одна на другую сестры во Христе. Если Екатерина была строгой, настойчивой и не многословной, то старшая ее на шесть лет Анастасия была по характеру мягкой, отзывчивой и снисходительной. Но обе они были очень добры и по-христиански милосердны.

После того, как матушки Екатерина и Анастасия покинули

монастырь, они вместе стали жить в Симбирске в маленьком домике по Петропавловскому спуску (нынешней улице Степана Разина) под номером 61. Это была поистине как бы монастырская келия на две небольшие комнатки, где стояли две кровати, комод, небольшой шкаф, стол и несколько стульев. Зато все стены дома были уставлены многочисленными иконами, некоторые из которых были в красивых окладах. Матушки постарались вынести из разоренной обители как можно больше святых образов для того, чтобы не дать безбожникам возможности уничтожить их.

После изгнания из монастыря обе матушки для того, чтобы заработать на пропитание, некоторое время трудились в Ульяновской организации «Техлесем-культура», занимаясь привычной для них работой с землей. Однако вскоре их, как «классовых врагов», уволили с этой работы. И начали матушки, которым к тому времени было уже за пятьдесят, трудиться в своем домике, где стали стегать одеяла и покрывала, от продажи которых и жили. Частенько старушки варили варенье из фруктов и ягод, которые собирали в саду около дома. Но не продавали его никогда, а все относили в детский приют. Частенько в дом монахинь прибегали соседские ребяташки, да еще с друзьями приходила внучка старшей сестры матушки Екатерины - Евдокии - маленькая Лидушка (тогда семья старшей дочери Евдокии – Анны – жила неподалеку). Ребяшня любила бывать в этом маленьком гостеприимном доме, где их всегда поили чаем с вареньем, а иногда бабушка Катя (так малыши называли матушку Екатерину) давала им почитать толстую старинную Библию, разъясняя детям непонятные для их пытливого ума места. Только всегда просила матушка детей ничего о прочитанном в школе не говорить – опасалась многое повидавшая в своей жизни бабушка Катя, что могут наказать детей, а то и что худшее случится в то тяжкое безбожное время.

1937 год стал воистину трагическим для всех ульяновцев, которые исповедовали святое имя Христово и не отреклись от Православной Церкви. Именно в то время, осенью и зимой этого года, в Ульяновске и Ульяновском округе были произведены аресты тех священнослужителей, монашествующих и мирян, которым удалось выжить в период массовых репрессий конца

1920-х и начала 1930-х годов, вернуться живыми из концлагерей и ссылок, остаться до поры не замеченными бдительным оком НКВД и продолжать неленостно возносить свои молитвы к Престолу Всевышнего Судии. Чекисты решили уничтожить служителей Церкви в буквальном смысле слова – физически. Для осуществления этой страшной цели нужно было иметь повод, и он был придуман. В недрах комиссариата внутренних дел была создана на бумаге якобы существующая в Ульяновске и округе «контрреволюционная церковно-монархическая фашистско-повстанческая организация», состоящая из духовенства и мирян, и ставившая своей целью свержение советской власти. Никакой подобной организации в природе, безусловно, не существовало. Однако именно по такому подложному и сфальсифицированному обвинению были произведены аресты сотен священников, членов церковных советов, монашествующих и наиболее активных мирян по всей территории нынешней Ульяновской области. Были возбуждены десятки уголовных дел, по которым были осуждены сотни людей, главной виной которых стала их непоколебимая вера.

Одним из таких дел стало самым страшным и кровавым за весь период физического уничтожения Церкви Христовой в Симбирской-Ульяновской епархии в недавнюю эпоху мученичества и исповедничества во всей тысячелетней истории Православной Церкви Российской. Пятьдесят пять человеческих жизней было оборвано в один только день 17 февраля 1938 года – жизней тех православных христиан, кто судим был не за мнимую и вымышленную «контрреволюционную агитацию» и «антисоветскую пропаганду», а за то, что посмели во времена воинствующего безбожия исповедовать себя христианами и принадлежать к Церкви нашего Спасителя. 63 человеческие судьбы были решены росчерком пера. Девять десятков детей остались сиротами. Сотни и тысячи православных лишились своих пастырей и молитвенников.

Среди осужденных по этому делу оказалась и матушка Екатерина Декалина. Поздним вечером 18 декабря 1937 года в маленький домик по Петропавловскому спуску ворвались чекисты. Молча и по-деловому они обыскали весь дом, вытряхнули на

пол содержимое шкафа, сорвали со стен иконы и проверили содержимое киотов – не прячут ли монашки что-нибудь контрреволюционное за святыми образами? Найти пришедшим ничего не удалось. В протоколе обыска, составленном здесь же, кроме паспорта на имя Декалиной Екатерины Дмитриевны,

ничего более не значит. Престарелой монахине велели собираться. Причину ареста никто не объяснял, да и была ли в том необходимость, ведь матушка и так, без лишних слов поняла – пришло время испытания веры. Матушек Екатерину и Анастасию посадили в «воронок» и доставили в городскую тюрьму, где в то время находились уже сотни священников и мирян.

Той же ночью матушку Екатерину привели на допрос. Перед молодым, но уставшим от непрекращающихся проводимых им допросов этих «контрреволюционных мракобесов», чекистом сидела шестидесятидвухлетняя монахиня, со спокойным взглядом и ничем не показывавшая хоть малейшего волнения. Следователь начал заполнять протокол допроса. Когда нужно было заполнить строку анкетного листа о составе семьи, матушка ответила, что она одинокая и родных у нее никого нет. Старушка прекрасно

знала, что за связь с «врагом народа», которым она стала, могли пострадать и ее родственники. Поэтому и назвалась она полностью одинокой.

После всех формальных вопросов в отношении личности арестованной, начался сам допрос. Следователь задал свой первый вопрос: «Расскажите, какое недовольство советской властью Вы высказывали среди верующих, и до какого времени это продолжалось?».

Матушка Екатерина, немного помолчав, сказала: «Да, я действительно недовольна существующим порядком, и всегда, и везде говорила, что советская власть делает гонение на верующих. Монастыри закрыли, церкви закрыли, священников в тюрьмы посажали. Спрашивается – за что? За то, что они всю правду рассказывали верующим? Конечно, я говорила, что эта власть не от Бога, а от антихриста. С этим положением я не могу смириться до настоящего времени, и в силу своих убеждений в существование Бога я и буду говорить об этом до самой смерти».

Следователь молча смотрел на старенькую монахиню. Он никак не мог ожидать от этой пожилой женщины такой спокойной твердости и внутренней непоколебимой уверенности в правоте своих слов. Перед ним сидела монахиня, которая сейчас выступала обвинительницей советской власти! Следователь улыбнулся – допрос можно было не продолжать, арестованная уже одним этим ответом подписала сама себе приговор. Но по правилам одного вопроса было мало. И допрос был продолжен.

Вопрос: «Вы сказали, что вы верите, и верующей остались до настоящего времени. Где Вы исполняли свои религиозные обряды?»

Ответ: «Мы живем вдвоем с монахиней Фокиной Анастасией Степановной. Все религиозные обряды исполняем вдвоем в квартире. Живем, читаем псалмы, молимся. Больше к нам никто не ходил, и мы никуда не ходим».

Вопрос: «Вы являетесь членом церковно-монархической контрреволюционной организации. Требую от Вас чистосердечных признаний!»

Ответ: «Членом этой организации я не состояла и о существовании таковой не знала».

Вопрос: «Выше Вы говорили, что Вы высказывали недовольство против советской власти, что она закрыла церкви, сажает верующих людей в тюрьмы. Вы знаете, что эти самым Вы помогаете врагам советской власти?»

Ответ: «Да, я понимала это, и делала это с тем расчетом, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше верующих. Вот тогда мы потребовали бы, чтобы нам открыли церкви, и, по моему убеждению, это сделать нам бы удалось. Я также надеялась на то, что долго советская власть не просуществует. Я видела это еще и в том, что сейчас очень много недовольных ею за все вот эти притеснения».

Вопрос: «Что Вы говорили в отношении конституции и выборов в Верховный Совет?»

Ответ: «В отношении конституции я говорила о том, что она нам ничего не даст. В Совет попадут коммунисты, а коммунисты против религии. Если бы могли избрать своих, верующих, кандидатов, тогда было бы другое дело. Я говорила против всех выдвинутых кандидатов и против всей выборной системы: лучше нам пойти в церковь, чем на выборы».

На этом допрос окончился. У следователя, записавшего все четкие и откровенные ответы старенькой монахини, вопросов больше не было. Матушку Екатерину отвели в камеру, в которой она провела еще целых два месяца. На допросы ее больше не вызывали.

Тем временем в канун нового года, 29 декабря 1937 года, в Куйбышеве состоялось заседание «тройки» при областном УНКВД. Среди многих сотен фамилий верующих православных людей, осужденных в этот день тремя всевластными вершителями человеческих судеб, была и фамилия Екатерины Дмитриевны Декалиной, монахини, 1875 года рождения, проживавшей в городе Ульяновске. Против имени матушки в протоколе заседания «тройки» размашисто было написано «расстрелять».

Поздней ночью с 17 на 18 февраля 1938 года в подвал здания Ульяновского НКВД по одному заводили мужчин в рясах, женщин в скромных темных платках, простых, одетых в гражданское платье, людей. Приглушенно раздавались выстрелы и через несколько минут в затянутый тентом кузов стоящего во дворе грузовика

несколько человек в форме забрасывали тело очередной жертвы «борьбы с религиозным дурманом». В эту ночь пули палачей оборвали жизни 78 человек, среди которых было три архиерея и более пятидесяти священнослужителей и монахинь. В эту же страшную ночь с тихой молитвой на устах предала душу в руки своего Небесного Жениха и святая мученица монахиня Екатерина. В ту же ночь была расстреляна и ее многолетняя подруга и духовная сестра матушка Анастасия.

Место погребения матушки Екатерины и иных мучеников за веру православную точно не определено.

Преподобномученица Екатерина (Декалина), инокиня Симбирская, причислена к лику общецерковных святых постановлением Священного Синода от 17 августа 2004 года согласно решению Освященного Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2000 года.

Память ее совершается 4 февраля (17 февраля по н. ст.) в день мученической кончины святой и в день празднования Собора Новомучеников и исповедников Российских в воскресенье 25

января (7 февраля н. ст.) или в ближайшее воскресенье после него.

Житие святого священномученика Александра Телемакова, иерея с. Чумакино Инзенского района Ульяновской области. Годы земной жизни его с 1870 г. по 1938 г.

В день памяти своего небесного покровителя святителя и чудотворца Николая, 6 декабря 1870 года, Сызранский чиновник 2-го разряда, служащий казначейства Николай Телемаков получил своего рода весьма значимый подарок – в его семье родился сын, которого при святом крещении нарекли Александром. Господь определил этому младенцу стать в будущем истинным и верным служителем Алтаря Своего, а по достижении старости маститой претерпеть за имя Его гонения, страдания, испытание твердости веры и кончину мученическую, за которые сей исповедник был украшен венцем нетленным и удостоен вечного блаженства в обителях отца Небесного. Здесь же, на земле, Церковью Христовой, которой священномученик Александр служил неленостно и верно, он был прославлен в великом сонме святых Новомучеников и исповедников земли Российской.

Родившись в верующей и благочестивой семье, будущий

пастырь воистину с молоком матери впитал в себя любовь к Спасителю, с малолетства приучен был к молитве и всем сердцем своим привязался к Дому Божию. В городе Сызрани Симбирской губернии, где вырос и провел свои отроческие годы Александр, было множество великолепных храмов, а украшением города был хоть и небольшой, но древний и прекрасно устроенный Вознесенский мужской монастырь, где в специально выстроенном в честь этой святыни храме находился древний Чудотворный список с Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы. Часто приходил в обитель отрок Александр помолиться перед чудным образом Царицы Небесной, испытать благодатный покой в монастырских стенах и подчас успокоиться от порывов и стремлений юношеской поры.

Именно с той, отроческой еще, поры своей жизни решил Александр посвятить себя служению Церкви Христовой. И решение это было принято им лишь из одного стремления быть как можно ближе к Богу, к Его Святому Престолу. Однако он не принадлежал к духовному званию, его отец не был священнослужителем, а переход из одного сословия в другое в те времена иногда связаны были с некоторыми затруднениями. Но, не зирая ни на что, в пятнадцатилетнем возрасте Александр приезжает из Сызрани в Симбирск и поступает в Симбирскую духовную семинарию, которую успешно оканчивает в 1890 году.

Получив духовное образование и показав во время учебы выдающиеся способности и усердие, Александр не был направлен, как тогда практиковалось, в один из сельских приходов обширной Симбирской епархии для получения практических навыков в служении. Епархиальное начальство решило, что он достоин начать свое службу в губернском граде, да и не в простом приходском храме. 2 августа того же 1890 года двадцатилетний выпускник семинарии Александр Телемаков был определен псаломщиком в Симбирский кафедральный собор, в котором три года и проходил свое первое церковное послушание. В сан он не был рукоположен сразу по причине своего тогда еще безбрачного положения – к выбору спутницы своей жизни будущий батюшка подходил весьма серьезно. Летом 1893 года Александр был обвенчан со своей будущей матушкой, тогда двадцатилетней

Группа духовенства Ульяновской епархии, арестованная по делу 1932 года.
В центре (в очках) сидит священник Александр Телемаков

девицей Анной Степановной Платоновой. Восьмого же сентября 1893 г. Преосвященным епископом Симбирским и Сызранским Варсонофием псаломщик в сане диакона Троицкого кафедрального собора Александр Телемаков был рукоположен во священника и направлен на свой первый приход – в с. Мариополь Карсунского уезда. Здесь молодой батюшка прослужил четыре года. Одновременно со своими пастырскими обязанностями отец Александр занимался обучением детишек в местной школе грамоты, где сначала преподавал Закон Божий, а потом и учил школьников читать и писать. Во время жительства в Мариополе в семье Телемаковых родился первенец, сын, которого отец Александр назвал в честь Николая Чудотворца, в день памяти которого он сам появился на свет Божий.

В начале октября 1897 года отец Александр епископом Симбирским Никандром был перемещен на настоятельское место в село Коржевку того же Карсунского уезда (ныне Инзенского района Ульяновской области). При переводе на новое место служения за усердие батюшка был награжден первым священническим отличительным знаком – набедренником.

Коржевка было старинным селом, основанным в 17 веке практически одновременно с самим Симбирском. На год приезда туда отца Александра в нем было 469 дворов и около двух с половиной тысяч жителей. Новый батюшка приехал в это село в год, когда отмечалось двадцатилетие освящения построенного усердием прихожан храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы. При храме в села Коржевка с 1891 года действовала церковно-приходская школа, заведующим которой и стал сразу по приезде в село отец Александр. В этой же школе батюшка стал преподавать Закон Божий, а одновременно стал и законоучителем в местной земской школе. Для отца Александра народное, в полном смысле этого слова, образование было одной из важнейших сфер его деятельности во все время его служения. В Коржевке семья батюшки вновь пополнилась – в 1897 году родился сын Федор, в 1899 году родился третий сын - Александр, а в 1902 году на свет появилась и первая дочь – Анна. Затем Господь послал этому уже немалому семейству еще детишек – в 1904 году Екатерину, а в 1906 году – сына Алексея. В 1908 году

матушка Анна родила дочь Наталью.

Когда младшему ребенку батюшки исполнилось полгода, все многочисленное семейство отца Александра переехало согласно указа Преосвященного Симбирского архипастыря епископа Иакова в находящееся в девяти верстах от Коржевки село Чумакино. За усердие в деле народного образования и неленостное служение в том же 1908 году отец Александр был удостоен благодарности Святейшего Синода с выдачей грамоты.

На новом месте, в Никольском храме села Чумакино, батюшка прослужил почти двадцать пять лет. И все эти четверть века он был ревностным пастырем, которого любили и почитали прихожане. И здесь, как и на двух предыдущих своих приходах, отец Александр немало времени и сил уделял образованию крестьян. Вплоть до октябрьского переворота 1917 года он был законоучителем местной земской школы, научая детей Слову Божию, прививая им нравственную потребность следованию Заповедям Господним, открывая ученикам мир безграничной любви Христовой и уча их исполнять все, что заповедовал соблюдать верующим в Него Спаситель. Отец Александр был и неординарным организатором, церковным и административным деятелем. Пользуясь уважением собратьев-священников, батюшка избирался ими на протяжении десяти лет, до 1908 года, членом благочиннического совета по 6-му Карсунскому благочинническому округу, а в феврале 1908 года стал благочинным этого округа.

Деятельность отца Александра Телемакова не оставалась незамеченной и церковным начальством. В 1914 г. батюшка был награжден наперсным крестом, выдаваемым от Святейшего Синода. За заслуги в деле народного образования он был награжден медалью в честь юбилея организации в России приходских школ, а также был удостоен медалью в память царствования императора Александра III.

В Чумакино семья отца Александра вновь пополнилась. В 1910 году в семье батюшки родился сын Сергей, а в святочные дни 1912 года Господь даровал ему и девятого ребенка – дочь Нину. Семейство отца Александра жило дружно и спокойно, в любви и согласии. Своей домашней церкви, как по православной традиции называют христианскую семью, батюшка уделял особое внимание.

Дети росли верующими, почитающими родителей, помогая друг другу и заботясь о каждом члене многочисленного семейства. Старшие дети уже выросли, и начали самостоятельную жизнь: Николай и Федор стали офицерами, и находились на военной службе, первый на флоте, а второй в пехотных войсках. Дочь Анна стала учительницей, с малолетства видя многолетние

труды отца на поприще народного образования. Младшие учились, а самые маленькие наполняли дом священника своим смехом и беззаботным весельем.

Жизнь священника проходила в трудах. В небольшом хозяйстве семьи Телемаковых была одна лошадь и корова, собственный деревянный дом. Батюшка имел 15 десятин церковной земли, часть которой обрабатывал сам, а часть сдавал крестьянам. Жили не богато, но и не бедствовали, зарабатывая кусок хлеба в том числе и своими руками, занимаясь крестьянским трудом.

Однако спокойному течению жизни в семье отца Александра, как и вообще в жизни Государства Российского, положил конец приход к власти в октябре 1917 года безбожников-большевиков. Буквально вскоре после октябрьского переворота,

советы поставили Церковь вне закона, на духовенство, которое сразу стало для новых властителей врагом и «черносотенно-антисоветским сбродом», начались гонения.

Стараясь не вникать ни в какие политические дрязги, вообще будучи аполитичным человеком, отец Александр старался и при новой, враждебной власти, с честью и усердием нести свое самое важное служение – у церковного престола. Для него самым главным стало сохранить свою паству от бесовской безбожной заразы, которая подобно плесени, стала покрывать души человеческие, сохранить храм от поползновений новых властителей, считавших Дом Божий средоточием мракобесия и контрреволюции.

Но зато власти покоя священнику не давали. Сначала в 1925 году он был лишен избирательных прав как «служитель культа». Потом у батюшки реквизировали землю, оставив для пропитания многочисленной семье лишь две десятины, за пользование которой сельсовет наложил на отца Александра непомерно высокий налог. А за неуплату этого самого налога в 1928 году священника «раскулачили», отобрав у него и землю, и собственный дом со всеми надворными постройками, и лошадь, и корову. Семья осталась практически без средств существования и переселилась жить в церковную сторожку. Доходы же от служения в церкви у батюшки были вовсе мизерные – у прихожан также отбирали землю, зерно, скотину, обрекая их на полуголодное бытие. В начале 1930-х годов Поволжье охватил искусственно созданный властями голод, который усугубился страшными эпидемиями и мором. В это время семью отца Александра постигло большое горе – скончалась матушка Анна, с которой батюшка прожил почти сорок лет в любви и согласии. Вероятно, причиной смерти Анны Стефановны стали и голод, и болезни. Дети отца Александра покинули село: кто-то уже устроился в этой жизни, кто-то учился в городе или районном центре, кто-то из подросших чад решил не обременять отца лишним ртом и уехал самостоятельно добывать пропитание в голодавшей России. К 1930 году старший из детей Николай жил в Ленинграде и работал в каком-то тресте. Он взял к себе младшего брата Сергея. Федор работал в лесхозе на Урале, а Алексей жил в Казани и работал бухгалтером на заводе.

Тем временем, в конце 1920-х и в начале 1930-х годов начались повальные аресты православного духовенства, которое совершенно бесосновательно обвинялось в препятствовании организации в селах новой «советской барщины» - колхозов. Для того, чтобы обвинить священников и верующих мирян, в недрах ГПУ создавались фиктивные обвинения в организации духовенством контрреволюционных групп в различных селах, а также якобы в распространении этими группами разного рода провокационных слухов и антисоветской агитации

В самом начале 1932 года Сызранским ОГПУ была «вскрыта» так называемая сеть контрреволюционных группировок на территории нынешнего Инзенского района. Были проведены аресты, возбуждены уголовные дела. По одному из таких дел были привлечены к ответственности 22 человека, в том числе и 4 священника. Среди них оказался и священник Александр Телемаков.

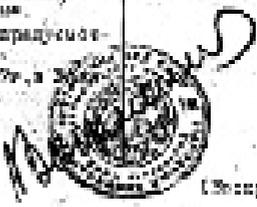
Согласно обвинительному заключению, все осужденные были изобличены в том, что «в целях борьбы с Сов. властью... создали в селах Инзенского и Чамзинского районов контрреволюционные группировки из среды местных религиозных фанатиков,... проводили нелегальные сборища для читки поучений черносотенного характера, книги Сергея Нилуса, а также старо-церковно-монархических книг (Библия, житие святых, Иоанна Златоуста и т.д.), используя для этой цели предрассудки крестьянских масс, и проработки прочитанного в духе его преломления к настоящему времени». Даже Священное Писание и творение святых отцов были враждебны по духу безбожной власти и попадали в разряд черносотенных и монархических!

Кроме этого, арестованным по этому делу вменялось в вину то, что их дома «являлись притоном для странствующего монашествующего элемента, служителей религиозных культов, разных проходимцев-старцев и т.д.». Именно этим словом – «притон» – назывались в советском варианте дома странноприимных христиан, дававших у себя приют тем, кто нуждался в крове и куске хлеба. Даже этот пример может наглядно проиллюстрировать нравственное состояние безбожного большевистского общества. Старцы же, монахи и служители

читаемой многими книгой С. Нилуса «Протоколы сионских мудрецов». Безусловно, для власти, у руля которой сплошь стояли представители еврейской национальности, эта книга известного и почитаемого православного автора была воистину как страшное оружие. Много чего открывала она мыслящему христианину, многое и объясняла. Вот почему, находясь уже в тюремной камере, на вопрос подсадного провокатора о причине твердого противления «новому строительству», один из арестантов, проживавший в с. Городищи, простой крестьянин Е.С. Каминский, которому принадлежал один из экземпляров этой запрещенной книги, говорил: «Если бы Вы прочитали эту книгу, которую я имел у себя, то Вы то же бы делали, что и я. Вот где правда, вот кто нас мучает – евреи. Нужно говорить об этом, чтобы люди твердо держались христианской веры, и нужно, чтобы эту мысль разъяснять каждому, чтобы слова из этой книги, как семя истины, не пропадали напрасно».

Что же касается отца Александра Телемакова, то ему в вину

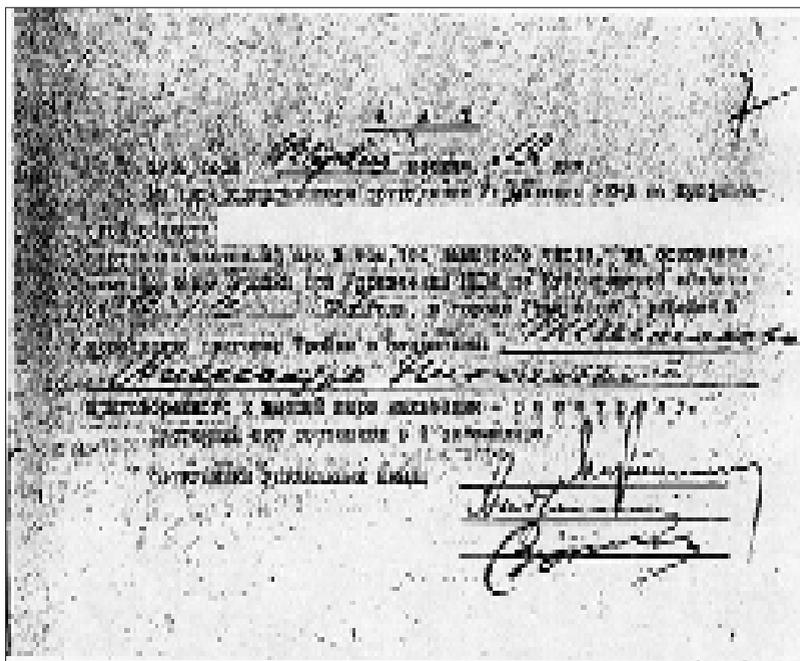
ВЫПИСКА	
Уголовный № 20 — записка отцу от ТИХИ в Кривопольский отдел от 22. декабря 1937 г. № 7 гуд.	
С И Р Ц А И К	П О С Т А Н О В К И
409. Дело № 17355 — Киевского ГО НКВД, Кривопольск. отд., по обвинению гр-на 1) ТЕЛЕМАКОВА Александра Николаевича, Родился 1890 году, уроженец с. Сиверки, Киевской области, рубачка, гр-на ... в 1908 году на в-р действительность всудан- ного на 5 лет исключил до вступления на в-р должности. Индивидуального режима. Обвиняется в предоставлении, предумыс- ленно от. 00/10 ч. 1 ПК РСФСР. СИРЦАИК: Обвинение в В/ИП-200, в 300 рублей т.р.	1. ТЕЛЕМАКОВ Александр гр. Николаевича, РАССУДИТЕЛЬ.
Сектор, Третья бриг. ТИХИ в Кривопольский отдел	

поставили не только знакомство с «Протоколами», но и ведение личной переписки с автором книги Сергеем Нилусом. Вот часть обвинительного заключения, касающаяся непосредственно священника Александра Телемакова: «Телемаков Александр Николаевич – активный член руководящего ядра, совместно с Демкиным организовал группу религиозных фанатиков 12-15 человек, и под видом чтения и пения книг Священного Писания проводили антисоветские и антиколхозные беседы. Совместно с Демкиным имел переписку с автором книги Сергеем Нилусом, широко популяризировал и распространял поучения черносотенского характера, распространял провокационные слухи, как-то: пришествие Иисуса Христа, о предстоящем Божием суде и т.д.». Вот и все обвинение в адрес батюшки. Но как еще можно назвать безбожную антихристову власть, когда для нее второе и славное пришествие Господа нашего Иисуса Христа и грядущий Страшный Суд есть не что иное, как «провокационные слухи»?!

В дневнике осужденного в 1933 году священника Багрянского есть такие строчки об отце Александре и его мнении о «Протоколах»: «Отец Александр Телемаков знаком с книгой Нилуса прежде, чем я приобрел таковую. Во время наших с ним бесед он говорил, что евреи народ умный, все может быть. Что может они и составят свое царство в Палестине, но когда это будет или не будет, нам не известно. Что же касается воцарения израильского царя, то это России не коснется, потому что Россия будет самостоятельным царством».

Именно исходя из выше процитированных «фактов» 25 февраля 1932 года отец Александр Телемаков был арестован Сызранским оперсектором ОГПУ и помещен в Сызранский домзак, так тогда называли тюрьму – «дом заключения». Во время допроса, который состоялся через два дня после ареста батюшки, на вопрос следователя о проводимой им контрреволюционной работе и агитации отец Александр ответил: «Я лично кроме работы по укреплению христианской веры и защиты Церкви никогда никакой иной работы не вел».

Но для советской власти признание священника в том, что он укреплял веру и защищал Церковь, уже были самые явные и

неоспоримые преступления.

За свою веру, служение Богу, проповедь Второго и славного пришествия Спасителя и неотвратимости Суда Божия священник Александр Телемаков был приговорен 7 апреля 1932 года тройкой при ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю по статьям 58-10, 58-11 УК РСФСР к 5 годам заключения в концлагерь с заменой на высылку в Северный край на тот же срок.

Наказание батюшка отбывал в Архангельской области, а также участвовал в строительстве Беломорканала. Претерпев страшные лишения, холод и голод, тяжкий рабский труд, издевательства и беззакония, 64-летний священник выжил и в конце 1934 года был досрочно освобожден из заключения, как сказано в одном из документов в уголовном деле, «по болезни».

Отец Александр вернулся в село Чумакино, где служил до

осуждения и ессылки – больше ему было некуда, а обременять детей присутствием в их семьях отца «врага народа» батюшка не захотел. После к тому времени был архимандрит, и не начал богослужения в нем не было никакой возможности. Однако народ нуждался как в духовном окормлении, так и в совершении таинств и треб. Батюшка начал крестить новорожденных у себя на дому, служить молебны, отпевать покойников. Хоть и с трудом,

но церковная жизнь в деревне не начала налаживаться. Согласно тогдашним законам, деятельность батюшки была противозаконна – ведь он не имел регистрации в НКВД как священнослужитель, а совершение религиозных обрядов на дому запрещалось уже уголовным кодексом. Но священник сознательно шел такой риск – его прихожане нуждались в молитве и пастырском попечении.

Однако, несмотря на жестокие гонения, обрушившиеся на Церковь Христову, и понимание несбыточности этого сердечного желания, мысли о возобновлении богослужения в сельском храме о. Александр не оставлял. Жители Чумакино обращались с просьбами об открытии церкви к сельским и районным властям, однако ничего существенного добиться им не удалось. Да и странно было бы ожидать от атеистической советской власти разрешения об открытии ею же самой закрытого храма. Но все же верующие села надеялись на то, что в церкви опять зазвучит молитва. Вновь и вновь они обивали порог сельсовета, просили, умоляли, даже угрожали жалобами в вышестоящие органы – ведь новая конституция гарантировала им свободу вероисповедания!

И Чумакинский сельский совет в конце 1936 г. для видимости пошел на уступки. Однако обещание открыть храм было отягощено практически невыполнимым условием. Заключалось оно в том, что председатель совета выставил церковной общине к оплате налоговые сборы в сумме 1132 рубля. При выплате налога, по обещанию председателя, служба в церкви будет беспрепятственно разрешена, а сам храм будет передан верующим в аренду. Велико же было лукавство сельского главы советской власти! Ведь он прекрасно понимал, что найти такую сумму в селе, где крестьяне фактически не имели денег, было невозможно. Церковный совет созвал собрание, на котором верующие постановили – нужно собирать средства. И практически невозможное свершилось! Селяне отдавали церковному совету последнее, приносили муку, зерно, яйца – кто что мог. Продукты продавались, а вырученные деньги складывались в кассе прихода. После Рождества Христова 1937 года установленная властями сумма была сдана в сельсовет. Требование, выдвинутое церковной общине, было выполнено, и на праздник Богоявления Господня, 19 января, в чумакинском храме вновь восславили Создателя и освятили крещенскую воду.

Счастью православных не было границ!

Но это духовное ликование было слишком скоротечно. После воскресной Литургии 21 февраля 1937 г. председатель сельсовета вновь закрыл храм. Никакие доводы верующих и требования церковного совета на него не действовали. Колхозный функционер категорически запретил богослужение и более не разрешал проведение общих собраний верующих по вопросу открытия церкви. У этого человека была власть,

и право, не смотря на явную неправду, было на его стороне. Православные 4 марта и 7 апреля обращались с жалобами в Инзенский райисполком, однако никаких результатов они не добились. А председатель сельсовета, которому вышестоящие товарищи отписывали жалобы селян, заявлял, что, так как церковь одурманивает людей, а члены церковного совета являются «вредителями и возмутителями народной темной массы», то храм больше никогда открыт не будет.

26 мая 1937 г. обманутые и возмущенные жители села направили жалобу уже в высшую инстанцию, в Куйбышевский облисполком, где подробно описали свои злоключения. В своем обращении, между прочим, сельчане указали, что, по данным последней переписи, население в селе составило 1178 человек обоюга пола, а из них указало себя неверующими всего лишь меньше тридцати человек - остальные открыто исповедовали себя православными. А, исходя из этого, храм населению Чумакино

крайне необходим. Нужно отметить эти скупые цифры – они так красноречиво говорят о той титанической работе по сохранению веры, которую проводил отец Александр. Ведь нужно помнить, что православные по рождению жители села открыто называли себя верующими в самое страшное время гонений на Церковь. И это тоже было исповедничество. И тоже было немалой заслугой простого сельского батюшки – отца Александра Телемакова.

Жалоба возымела действие. В августе месяце из Куйбышева она была переслана в

Инзенский РК ВКП(б), а секретарь райкома отправил ее начальнику райотдела НКВД с припиской: «Следует обратить внимание на пункт по вопросу переписи и данных о количестве населения – т.е. установить, откуда они могли добыть эти сведения не подлежащие оглашению». Вот что в первую очередь волновало власти, а отнюдь не просьба верующих о помощи.

Поручение местного партийного руководства в НКВД поняли как нужно. В отношении строптивного с их точки зрения чумакинского священника начался сбор компрометирующих материалов. В этих «показаниях», записанных следователем сухими фразами и с явным негативным отношением к священнику, можно прочесть о том, как же жил после освобождения батюшка, многое понять и осознать. «Телемаков начал подговаривать на свою сторону более религиозных лиц, которые бы пошли с ходатайством в райисполком по вопросу открытия церкви. Когда его стал вызывать райисполком для регистрации, то Телемаков на регистрацию не пошел, считая это грехом, и по его религиозным убеждениям считал роспись в регистрационной карточке как грех,

как будто подпись антихристу» - говорится в показаниях одного из раскольников священника-григорианца, жившего в соседнем с Чумакино селе. И дальше: «В настоящее время Телемаков занимается нелегальным крещением новорожденных у себя на дому, производит погребение умерших. Телемаков недоволен нашей конституцией, о которой говорит: «В конституции записано о свободном религиозном культе, но фактически этого нельзя делать, а поэтому конституция существует лишь на бумаге, а на деле ее нет».

В показаниях заведующего чумакинским сельским клубом можно прочитать: «Мне хорошо известно, что гр-н Телемаков без определенных занятий, одинокий, занимается бродячей жизнью по своему району. Часто приходит в дом монашки Калевой, куда и приезжают из других сел и районов религиозные церковники, где поп Телемаков проводит молебственные богослужения и ведет среди прибывших контрреволюционную агитацию – читает божественные книги». Собранных таким образом сведений для обвинения было достаточно.

24 декабря о. Александра арестовали и допросили. Во время допросов отец Александр категорически отрицал выдвигаемые против него обвинения в контрреволюционной и антисоветской деятельности. Весь протокол допроса уместился на одном листе. Уже на следующий день после допроса в Инзенском РО НКВД было готово обвинительное заключение, отправленное сразу же в областной центр. В этом документе, в частности, было сказано: «Проживая в селе Чумакино, Телемаков, будучи недоволен на существующий Советский Строй и будучи за последний год без определенного места службы, вел усиленную агитацию за богослужение. С этой же целью без ведома Сов. Власти, без регистрации в РИК самостоятельно в начале 1937 года начал было служение в церкви, у себя на дому, а последнее время устраивал молебствия – крестил детей и давал направление церковному совету, писали в центральные органы разного рода жалобы и т.д.». Одним словом, по мнению властей, священник был явным контрреволюционером.

Всего лишь через четыре дня после ареста батюшки, 29 декабря 1937 года всемогущая «тройка» при УНКВД по

Куйбышевской области вынесла свой вердикт: «Телемакова Александра Николаевича, рождения 1870 года, уроженца г. Сызрани, русского, гр-на СССР, до ареста священника с. Чумакино Инзенского района, обвиняемого в преступлениях, предусмотренных ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР, - РАССТРЕЛЯТЬ».

Еще сорок дней в переполненной духовенством ульяновской тюрьме ждал своей участи отец Александр. За решеткой он встретил новый, 1938 год, тихой молитвой отпраздновал Рождество Христово, со слезами вспомнил водосвятия в своем храме в день Крещения Господня. Сретение же Господне стало последним праздником для священномученика Александра в его земной жизни. В дни отдания праздника Сретения 19 февраля 1938 года 68-летний отец Александр Телемаков принял мученическую кончину и встретился в Царствии Небесном с Тем, Кому всю без остатка посвятил свою долгую жизнь.

«Акт 1938 года, февраля месяца, 19 дня. Мы, нижеподписавшиеся сотрудники Управления НКВД по Куйбышевской области, составили настоящий акт в том, что нами сего числа, на основании постановления тройки при Управлении НКВД по Куйбышевской области от 29.12.1937 года, в городе Ульяновске, приведен в исполнение приговор тройки в отношении Телемакова Александра Николаевича, приговоренного к высшей мере наказания – расстрелу.

Настоящий акт составлен в 1 экземпляре.

Сотрудники Управления НКВД (подписи)».

Этот акт – страшный документ об убийстве с точки зрения мирской, и акт мученической кончины истинного чада Церкви Христовой для православных верующих.

Место последнего упокоения священника Александра Телемакова не известно.

Священномученик иерей Александр Телемаков, пресвитер Чумакинский, причислен к лику общецерковных святых постановлением Священного Синода от 17 августа 2004 года согласно решению Освященного Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2000 года.

Память его совершается 6 февраля (19 февраля по н. ст.) в день мученической кончины святого и в день празднования Собора

Новомучеников и исповедников Российских в воскресенье 25 января (7 февраля н. ст.) или в ближайшее воскресенье после него.

Житие святого преподобноисповедника Гавриила (Игошкина), архимандрита в г. Мелекесе
(ныне Димитровграде) Ульяновской области.
Годы земной жизни его с 1888 г. по 1959 г.

23 мая 1888 года в бедной крестьянской семье Ивана Павловича и Варвары Павловны Игошкиных, проживавших в небольшой деревушке Самодуровка Городищенского уезда Пензенской губернии (ныне с. Сосновка Сосновоборского района Пензенской области) родился сын. В то время детская смертность была чрезвычайно высока, особенно в деревнях. А посему родители младенца уже через два дня после его рождения решили крестить новорожденного с мыслью о том, что, ежели Господу будет угодно призвать к себе их сына, то он отойдет в мир иной будучи христианином и удостоится Царствия Небесного. Однако опасения их были напрасны – Господь судил даровать этому младенцу долгие годы жизни и многолетнее служение Его Церкви. Но все это произойдет позже, а тогда Иван Игошкин понес своего новорожденного сына в храм соседнего села Сыреси, где священник Александр Фортунатов крестил мальчика и нарек ему имя Иоанн – в тот день совершалась память Третьего обретения главы Иоанна, Крестителя Господня.

Так началась жизнь в Христовой Церкви будущего великого подвижника Российского Православия преподобноисповедника Гавриила Мелекесского.

Воспитание от своих родителей Ваня получал в строгом соблюдении заповедей Божьих и любви к храму. Грамоте Иван обучался в двухклассном сельском училище, да кроме этого много читал книг христианско-нравственного содержания. Так постигал он и грамоту, и духовную премудрость. Впитанная с молоком матери вера способствовала тому, что в возрасте шестнадцати лет Иван Игошкин оставил отеческий дом, и, осененный родительским благословением, в 1904 году отправился в соседнюю Симбирскую губернию, где поступил в число послушников Богородице-Казанской Жадовской обители, располагавшейся в Карсунском уезде. Так начал он свои духовные подвижничество и возрастание в Симбирской епархии, в которой, после многих лет служения в различных местах России и нелегких испытаний, ему будет и суждено завершить свой земной путь.

Будучи небольшим мужским монастырем, Жадовская Пустынь славилась во всем Поволжье своей святыней – Чудотворным образом Богородицы Казанским, на месте явления которой обитель и была основана. Здесь, под покровом Царицы Небесной, Иван прожил пять лет до того дня, когда в 1909 году он не был призван на военную службу в армию. Так как Иван Игошкин призывался в войска из монастыря и обладал незаурядным голосом, то и определен новобранец был на службу певчим хора при военном соборе крепостной артиллерии города Ковно (ныне Каунас). По милости Божией Иван вновь был при храме и «пел Богу дондеже есмь».

Окончил службу Иван Игошкин через четыре года в марте 1913 года и вернулся в отчий дом, где вместе с родителями занимался крестьянским трудом, а также исполнял должность псаломщика в соседнем с Самодуровкой селе Сыресях – в том самом храме, где его самого и крестили. Однако вскоре разразилась Первая мировая война и Иван в 1914 году был вновь мобилизован на военную службу, на сей раз в действующую армию. Иван Иванович был определен для прохождения службы в должности псаломщика при походном храме 25-го военного госпиталя. Вновь

Господь хранил будущего Своего пастыря и давал ему благую возможность молиться у Своего алтаря за Россию и ее воинство. В конце 1917 года рядовой Иван Игошкин был демобилизован из армии по болезни и был отправлен на родину, в Пензенскую губернию. Дома Иван вновь занялся хлебопашеством и опять стал псаломщиком в своем приходе.

Время возвращения Ивана Ивановича в отчий дом совпало со временем красного переворота, когда власть в России захватили большевики. Сначала страшные братоубийственные годы гражданской войны, затем разразившийся голод в Поволжье поставили российскую деревню на грань выживания. Буквальное расхищение и разорение коммунистами крестьянских хозяйств заставляло большую часть жителей села покидать свои дома и отправляться в города в поисках пропитания. В 1921 году Иван Игошкин вместе с двумя своими младшими братьями Григорием и Афанасием также были вынуждены оставить родную Самодуровку и отправиться в поисках лучшей доли в иные места. Братья Игошкины поселились в городе Покровск Саратовской губернии, а их сестра Пелагия после смерти родителей в 1922 году переехала на жительство в город Кузнецк Пензенской губернии.

Иван Иванович, имея к тому времени и опыт несения монастырского послушания, а также исполнения обязанностей псаломщика в годы военной службы, решает навсегда связать свою жизнь с Церковью. Для Российского Православия то время было началом страшного красного террора, когда сотнями и тысячами расстреливали духовенство, закрывали храмы, а под видом сбора средств для помощи голодающим ценности в домах Божьих коммунистами просто расхищались. Но ничего не устало Ивана Ивановича, и он с твердым намерением стать священнослужителем обращается к архиепископу Уральскому и Покровскому Тихону (Оболенскому). Подвергнув Игошкина соответствующему испытанию в знании богослужебного устава, Священной Истории и умении проповедования, владыка Тихон в феврале 1921 года рукополагает Ивана Игошкина во диакона и назначает на штатное место к Троицкому храму г. Покровска (ныне г. Энгельс). 25 марта 1922 года диакона Иоанна владыка Тихон рукополагает во священника с оставлением на служение в

той же Троицкой церкви.

В 1923 году архиепископ Уральский Тихон вошел в состав Священного Синода при Святейшем Патриархе Тихоне. Время то было беспокойным, Церковь потрясал сильнейший обновленческий раскол и 67-летний маститый и опытный иерарх, коим и был владыка Уральский, был нужен в Москве. 30 августа 1922 высокопреосвященный Тихон выехал в первопрестольный град. С собой архипастырь пригласил поехать и священника Иоанна Игошкина. Владыке понравился этот глубоко верующий и не по годам мудрый пастырь, который, по мнению Высокопреосвященнейшего Тихона, был достоин того, чтобы служить в Москве.

По приезде в столицу отец Иоанн был определен на служение в Покровский храм на Большой Ордынке. Этот храм до революции был церковью Марфо-Мариинской обители сестер милосердия, основанной преподобномученицей великой княгиней Елизаветой Федоровной. Духовником обители был настоятель Покровского храма протоиерей Митрофан Серебрянский, который оставался и после революции служить там же. Для отца Иоанна протоиерей Митрофан стал добрым примером пастырства и опытным наставником. Их совместное служение в одном алтаре продолжалось до ареста батюшки Серебрянского в 1926 году. В том же году в мае месяце скончался и духовный наставник отца Иоанна ставший к тому времени уже митрополитом владыка Тихон (Оболенский). А в 1928 году безбожные властители закрыли и сам Покровский храм. Тогда же оставшегося без места служения отца Иоанна Игошкина назначили в штат располагавшегося рядом с бывшей обителью храма в честь Святителя Николая в Пыжах.

В 1929 году священник Иоанн Игошкин принял монашеский постриг с наречением имени Гавриил в честь святого Архангела Божия. Постриг был совершен в Богоявленском монастыре что в Китай-городе викарием Московской епархии епископом Сергиевским Петром (Рудневым). После принятия монашеского достоинства иеромонах Гавриил продолжил свое служение в Никольском храме. В июне 1930 года отец Гавриил был возведен в сан игумена.

14 апреля 1931 года батюшку арестовали по подозрению в

активной контрреволюционной деятельности. Спустя две недели игумен Гавриил (Игошкин) по постановлению особого совещания при Коллегии ОГПУ был приговорен к трем годам заключения в концлагерь. Батюшку отправили в Вишерские лагеря на Урал, где за колючей проволокой он и находился до июня 1932 года, когда по состоянию здоровья срок его заключения был сокращен, и он был отправлен в ссылку, без права проживания в 12-ти крупнейших городах страны, в г. Ростов Ярославской области. Здесь отец Гавриил стал служить настоятелем Никольского храма во Ржищах. Спустя чуть более месяца батюшка вынужден был покинуть Ростов и направиться в город Владимир под надзор местного ОГПУ. Здесь отец Гавриил был назначен настоятелем храма в честь мученика Никиты, в котором прослужил до января 1934 года. Именно в это время окончился срок ограничения его приезда в центральные города Союза. Отец Гавриил возвратился в Москву и вновь был определен на служение в Никольский (Благовещенский) храм в Пыжах на улице Большая Ордынка, но на сей раз уже в качестве исполняющего должность настоятеля. В том же 1934 году отец Гавриил был возведен в сан архимандрита и тогда же был

лишен возможности служить в храме на Большой Ордынке. Произошло следующее.

Многочисленные расколы сотрясали тогда Русскую Православную Церковь. Практически все они были если не спровоцированы, то уж наверняка поддержаны от имени советской власти органами ЧК и ОГПУ. Большевикам было необходимо изнутри расколоть Церковь, ослабить ее и пошатнуть авторитет церковной власти в глазах верующего народа. После этого с религией можно было бы справиться безбожникам и

без особого труда. Именно с помощью одного из самых крупных раскольничьих движений – обновленчества – большевики решили бороться с истинным православием – Патриаршей Церковью. При пособничестве чекистов обновленцы, признавшие безбожную власть, искавшие каноны Церкви и ставшие воистину «красной церковью», захватывали не только отдельные храмы, но и целые епархии. Тяжкая участь постигла и храм, где служил отец Гавриил – в июле церковь Николая в Пыжах стала принадлежать раскольникам. Обновленцы изгнали из этого храма «тихоновцев», предложив им перед этим перейти на сторону обновленчества. Архимандрит Гавриил, не признававший никогда этих еретиков, категорически отказался от посул раскольников и вынужден был перейти служить в находившийся рядом храм Воскресения

Христова в Кадашах. За батюшкой из ставшей раскольническим храмом Никольской церкви в Воскресенский храм перешло множество прихожан – своим духовным чадам отец Гавриил запрещал любое молитвенное общение с обновленцами.

Однако прослужить на новом месте отцу Гавриилу долго не пришлось. В праздник Преображения Господня его вместе с несколькими другими священнослужителями и монашествующими

арестовали по подозрению в причастности к тайной контрреволюционной церковно-монархической организации, ставившей якобы своей целью свержение большевистского строя и восстановление монархии. Интересен тот факт, что архимандрит Гавриил (Игошкин) в совершенно секретной докладной записке СПО УГБ НКВД по Московской области был назван организатором «тайных церквей», который «будучи в чине т.н. епископа, скрывает свое звание», но, по заявлению одного из мнимых руководителей указанной контрреволюционной организации, «такие тайные епископы нужны в настоящее время для посвящения в духовный сан новых лиц из мирян». Таким образом, следствие имело целью доказать вину отца Гавриила в духовном руководстве церковно-монархической организацией и совершение им, как якобы епископом, тайных монашеских постригов и хиротоний членов этой мифической организации. Во время допроса батюшке следователем был задан вопрос о дате его посвящения в епископское достоинство, на что отец Гавриил ответил: «Посвящения моего во епископа не было, но я готовлюсь принять сан епископа». Таким образом, основное обвинение отпало само собой. Никаких иных доказательств принадлежности архимандрита Гавриила к означенной контрреволюционной организации следствием добыто не было. 3 октября 1934 года потерпевшие фиаско чекисты были вынуждены освободить отца Гавриила из-под стражи и прекратить в отношении него уголовное разбирательство.

Батюшка после освобождения продолжил некоторое время служить в Воскресенском храме, однако вскоре, 20 октября 1934 года, власти закрыли и этот храм, во главе общины которого стоял уже ранее судимый и потенциально опасный для большевиков как ревностный пастырь архимандрит. Отец Гавриил был вынужден оставить свое служение в Москве, где один за другим закрывались православные «тихоновские» храмы, и переехать на служение в Подмоскowie. С 23 октября того же года отец Гавриил стал настоятелем Покровского храма в селе Звягино Пушкинского района.

Узнав о новом месте служения батюшки, в храм села Звягино из Москвы начали приезжать как духовные чада отца

Гавриила, так и просто его бывшие прихожане, знавшие, уважавшие и любившие этого честного и глубоко верующего молитвенника и истового служителя алтаря Божия. Батюшка часто беседовал с приходившими и приезжавшими в храм верующими, помогал советом, утешал в скорбях, объяснял сущность всяческих новых веяний в Церкви, уговаривал крепко держаться Православия и ни при каких условиях не оставлять храм и не изменять истинной вере.

В октябре 1936 года храм, в котором служил отец Гавриил, был подожжен. Некоторые из прихожан считали, что это страшное дело было совершено руками комсомольцев – тех, кто с юности был заражен бесовским коммунистическим

богоотрицанием. Батюшка сильно переживал об уничтожении дома Божия – в то время, когда повсеместно закрывались превращаемые затем в склады, амбары и клубы церкви, каждый сохранившийся храм был воистину островком надежды, веры и любви. Отца Гавриила, лишившегося мест своего служения, направляют в город Пушкин, где он стал служить в местном Духосошестввенском храме. Однако буквально спустя несколько недель, в праздник в честь Казанской иконы Богородицы 4 ноября 1936 года, отца Гавриила вновь, уже в третий раз, арестовывают. Опять батюшке было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности «под маской церковника». Архимандрит Гавриил был заключен в Бутырскую тюрьму, где

начались его многочасовые допросы. Следователь пытался добиться от священника признания в совершенных якобы им преступлениях против советской власти, вынуждал отца Гавриила рассказать о своих связях с другими «контрреволюционными элементами». Батюшка категорически отрицал свою какую бы то ни было антисоветскую деятельность, равно как и отрицал свои знакомства с другими священнослужителями. Следствие желало доказать, что отец Гавриил регулярно среди своих почитателей, приезжавших к нему в село Звягино из Москвы, распространял клеветнические слухи о советской власти. Батюшка категорически отрицал даже сам факт приезда к нему прихожан из столицы – ведь любое имя, названное им, могло бы стать причиной ареста его духовного чада. Также архимандрита

СССР
Министерство Государственной Безопасности
Управление МГБ по Ульяновской области

О Р Д Е Р № 598
8. Май 1959 г.

Д. вставлен двойной _____ листы

Сотруднику Иванов И. И. № 40

Т.п. Васильев

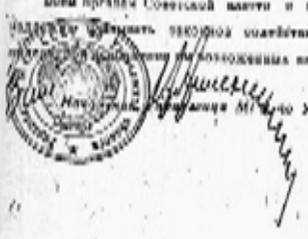
Вид поручения обслуживание ОБЪЕКТ в АРМСТ

По И. И. Иванов

Присланы Гор. И. И. Иванов, тов. И. И. Иванов
д.п. Ивановской области.

Именем органов Советской власти и граждан СССР
подлежит выполнять все работы, связанные с предоставлением
подлежит исполнению на возложенных на него поручениях

Исполнитель И. И. Иванов
М.п. И. И. Иванов

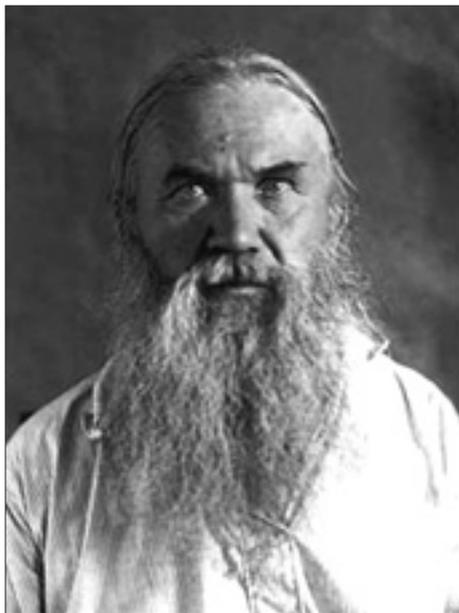
уличали в том, что он занимался сбором денежных средств среди прихожан для оказания помощи сосланному духовенству. Кроме этого, отец Гавриил был обвинен в том, что духовно окормлял насельниц бывшей Московской Марфо-Мариинской обители, которые в достаточном числе проживали в самом селе Звягино. Возможно, что сестры обители специально переехали из Москвы в это село после ликвидации монастыря для того, чтобы продолжить свое духовное делание под руководством архимандрита Гавриила, прослужившего в обители около пяти лет перед ее закрытием. Однако сам факт того, что

Марфо-Мариинская обитель была основана и находилась под патронажем первой и единственной своей настоятельницы преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны, уже являлся для советской власти незыблемым доказательством контрреволюционности всех, кто был хоть как-то связан с этим монастырем. Ведь Елизавета Федоровна, расстрелянная большевиками вскоре после революции, принадлежала к столь ненавистному большевиками Царствующему Дому Романовых. А что для коммунистов могло быть более контрреволюционным, чем монархия?

7 января 1937 года отец Гавриил получил от НКВД «рождественский подарок» - он был осужден Особым совещанием по ст. 58-10 УК РСФСР к пяти годам заключения в лагерях. Батюшку отправили отбывать свой срок в Ухто-Печерский лагерь НКВД. Начались годы лишений, страданий, болезней и поношений.

Однако беда не приходит одна. Спустя год после ареста отца Гавриила еще одно горе постигло семью Игошкиных. В феврале 1938 года в г. Энгельс Саратовской области был арестован, а через десять дней расстрелян младший брат батюшки Афанасий, работавший сторожем Вознесенского храма в Энгельсе.

Но вновь, по милости Божией, батюшка претерпел все до конца - пять лет заключения отца Гавриила в лагере подошли к концу. Но даже тогда, когда окончился его срок лишения свободы согласно приговору, батюшка не был освобожден

– советскую страну постигло испытание гитлеровским молохом. 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. В круговороте первых месяцев войны о заключенных просто не вспоминали. Да и куда их можно было отпускать – через несколько месяцев после нападения на СССР фашисты уже стояли под Москвой. Отец Гавриил пробыл в лагере на 9 месяцев (с учетом содержания под стражей во время следствия) более положенного срока и был освобожден лишь в июле 1942 года.

После освобождения архимандрит Гавриил, не имевший к тому времени даже своего угла, направил свои стопы в Пензенскую область, в город Кузнецк, где проживала его сестра Пелагия. Батюшка прожил у нее лишь немногим более месяца, и чуть-чуть восстановив свои уже слабеющие от возраста силы (ему уже шел пятьдесят пятый год), не желая обременять собой близких, он отправился в соседнюю Ульяновскую область в поисках в тамошней епархии места для служения. В то время в Ульяновске пребывал в эвакуации Глава Российского Православия Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) с канцелярией Патриархии. Батюшка шел в Ульяновск пешком и в пути сильно заболел. Отец Гавриил вынужден был остановиться в селе Базарный Урень Тагайского (ныне Майнского) района, где его приняли в свой дом две старушки сестры Беляковы – Матрена и Анна. Они были весьма набожными старыми девами, а поэтому уделяли отцу Гавриилу и его здоровью все свое время. Была уже осень, а батюшка был одет в простой поношенный кафтан, а на ногах у него были надеты резиновые галоши поверх шерстяных носков.

Во всей округе на много десятков, а иногда и сотен, километров не было ни одного действующего храма. Принеся с собой святой антиминс и раздобыв чудом сохранившиеся у верующих людей после закрытия местных церквей священные евхаристические сосуды, батюшка тайно в доме у сестер Беляковых начинает совершать Божественную Литургию. На эти службы собиралось множество народа. Однако, такое тайное служение было чревато весьма серьезными последствиями – совершение богослужений священником без регистрации в органах власти было уголовно наказуемым преступлением. Но даже это, а также то, что батюшка

был под неусыпным надзором НКВД, не останавливало его – народ изголодался по пище духовной, по совместной молитве. Очень многие из верующих на протяжении десятка лет не имели возможности исповедаться и причаститься. Отец Гавриил крестил детишек, совершал таинство венчания, служил молебны и отпевал умерших. В то же время он узнал о том, что ни в самом Ульяновске, ни в Ульяновской епархии свободных священнических вакансий нет. А посему отец архимандрит счел за большее благо оставаться в том же селе Базарный Урень, где была постоянная потребность в его пастырском окормлении огромного числа православных верующих. И хотя существовала постоянная опасность того, что самого батюшку в любой момент могут арестовать за совершение богослужений без разрешения властей, он продолжал выполнять свой пастырский долг.

Особое внимание во времени пребывания архимандрита Гавриила в Базарном Урене нужно уделить его знакомству с проживавшим в соседнем селе Копышовка и пользовавшимся огромным народным почитанием болящим старцем Василием Струевым. Батюшка после своего выздоровления достаточно часто посещал дом старца, служил там Литургии, причащал и самого болящего, и всех приходящих в его дом на службу верующих. Отец Гавриил всегда пользовался случаем и неизменно обращался к народу с поучениями и проповедями, в которых призывал к хранению веры, терпению и покорности воле Божией.

В Базарном Урене батюшка прожил до мая 1946 года. В то время он обратился с прошением к епископу Ульяновскому и Мелекесскому Софронию (Иванцову) о назначении его на штатное священническое место в одном из храмов епархии. К тому времени – осенью 1943 года - Патриархия вновь вернулась в Москву, а вместе с ней уехали и некоторые из священников, служивших в двух действовавших в то время Ульяновске храмах. В связи с этим появились и вакансии для духовенства на приходах. Отец Гавриил был определен на настоятельское место к церкви в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» в самом Ульяновске. Батюшка вновь, спустя девять лет, предстоял у престола в храме Божьем, и для него это была самая большая радость. «Слухами земля полнится» - сказано в

народной пословице. Вскоре в Ульяновске и в соседних селениях среди народа распространилось известие о необыкновенном архимандрите, служащем в Неопалимовском храме. На его службы стали сходиться и съезжаться множество верующих из города и окрестных сел. Отца Гавриила сразу полюбили как истового молитвенника, доброго священника и исповедника веры православной. Именно возникшая известность и любовь прихожан к отцу архимандриту не давала покоя местным властям. Ему так и не дали прописки на место жительства в самом Ульяновске, и отец Гавриил скрепя сердце был вынужден покинуть областной центр и, согласно новому указу ульяновского преосвященного владыки, переехал в город Мелекес, где занял настоятельское место в Никольском храме.

По приезде в Мелекес (нынешний город Димитровград) отец Гавриил приобрел небольшой деревянный домик, в чем материальную помощь оказал батюшке его родной брат Григорий, проживавший в Москве. Истовый молитвенник, кроткий и незлобивый священник, находивший всегда верный путь к душе каждого приходившего к нему человека, отец Гавриил с первых же дней своего пребывания в Мелекесе приобрел среди православной паствы известность, любовь и заслуженный авторитет. К нему, как к мудрому духовному наставнику, стали приходиться за житейскими и духовными советами множество народа, в том числе и молодежи. Батюшка часто сам служил в храме, а посему, видя усердие в молитве нового настоятеля, в храма стало приходиться все больше и больше молящихся. Зная о том, как народ изголодался за предыдущие десятилетия по Слову Божьему, отец Гавриил, по благословению владыки Софония, стал проводить с прихожанами и всеми желающими вечерние духовные беседы, на которых читал Священное Писание, толковал Евангелие и проповедовал об истинных христианских нравственных ценностях.

Конечно же, подобная деятельность священника сразу же была зафиксирована в местном отделении службы госбезопасности. Ведь то, о чем говорил и проповедовал архимандрит Гавриил, шло вразрез с проводимой в то время политикой советского государства. Диктатура богоборческой коммунистической

партии, царившее в обществе насилие со стороны представителей советской власти, страх и подавление всяческого инакомыслия, пропагандирование необходимости построения в стране коммунистического общества как рая на земле – все это было совершенно обратным тому, о чем говорил отец Гавриил: о любви к ближнему, смирении, покорности воли Божьей, приобретении благодатных духовных даров, стремлении достижения Царствия Божия. Немало-важным фактом для органов была как возросшая в городе активность верующих, так и увеличение числа православных, посещавших единственный в Мелекессе храм. Необходима была причина для изоляции от «строителей светлого будущего» неугодного «религиозного мракобеса и рецидивиста».

Вскоре таковая причина была найдена. По попущению местных гражданских властей, если не сказать при их содействии и по их желанию, в руководство Мелекесским приходом попали люди, чье моральное и нравственное состояние желало быть, мягко говоря, намного лучшим. Фактически устраненный согласно советскому законодательству от управления приходом и находящийся лишь в качестве наемного требоисполнителя, священник не мог и не имел права вмешиваться в хозяйственные и финансовые дела храма. В Мелекесской же общине этим во всю пользовались и староста, и председатель ревизионной комиссии, и некоторые члены церковной двадцатки. Пьянство, расхищение церковных средств, безнравственное поведение – все это было присуще помянутым членам руководства Мелекесской православной общины. Именно по настоятельному требованию отца архимандрита церковным советом был уволен с работы один из этих завладевших церковной кружкой духовных ренегатов - регент хора некто Костин, совершенно нравственно разложившийся тип, пьяница и развратник. Настоятель Никольского храма неоднократно зывал к совести этих людей, но тщетно. Они только все больше и больше таили в себе злобу и ненависть к обличавшему их архимандриту. Вскоре во все инстанции – начиная от Московской Патриархии заканчивая облизполкомом - от руководителей церковного совета Мелекесской общины посыпались жалобы и клеветнические

доносы на батюшку. Вскоре по одному из таких доносов, подписанному бывшим регентом хора Никольского храма Костиным, 8 июля 1949 года отца Гавриила по постановлению Ульяновского УМГБ арестовали. Сотрудники госбезопасности пришли за священником во время службы, и под плач и скорбные возгласы прихожан вывели отца Гавриила из храма. Остановив проезжавшую мимо грузовую машину, габэшники усадили священника в кузов на кучу угля и таким образом доставили его в отделение милиции. Вслед за увозившим настоятеля грузо-виком еще долго бежали пла-чущие прихожане, осеняемые черной от угля рукой архиман-дрита Гавриила, благосло-влявшего народ. Через нес-колько дней батюшку из Мелекесса перевели в Улья-новскую внутреннюю тюрьму управления МГБ. Это было страшное место.

Всего десятилетие назад в этой же тюрьме томились сотни ульяновских верующих – архиереев, священников, монахинь и простых мирян. Почти двести из них были расстреляны в подвале этого же дома. И вот в одной из камер внутренней тюрьмы вновь появился священник.

Отцу Гавриилу было предъявлено обвинение во «враждебном настроении к политике ВКП(б) и Советского правительства и проведении на протяжении ряда лет среди своего окружения враждебной работе». На второй день после ареста, 10 июля батюшку вызвали на первый допрос. Следователь потребовал у священника подробно рассказать о своей жизни с момента рождения до дня ареста и скрупулезно записал все в протокол допроса. Также арестованному архимандриту было задано несколько вопросов о произносимых им в храме проповедях и о вечерних собраниях верующих, на которых отец Гавриил толковал Священное Писание. Батюшка объяснил, что подобные собеседования им проводились по благословению правящего архиерея, но после запрета из облисполкома он подобные встречи с прихожанами прекратил, не переставая, однако, регулярно проповедовать в храме после службы.

13 июля и в последующие дни допросы были продолжены. Но начинались они уже поздно вечером и оканчивались далеко за полночь. Это была свое-образная тактика – большой

священник должен был быть более сговорчивым и менее внимательным во время таких ночных допросов. Соответственно, можно было бы получить интересующие сведения и словить допрашиваемого на каком-либо неосторожно сказанном слове. Но расчет на это был тщетным – отец Гавриил полностью контролировал происходившее. В самом начале он заявил следователю следующее: «По религиозным убеждениям я православный христианин и других религиозных убеждений я не придерживался и не придерживаюсь. Никаких политических убеждений я не имею. Я – христианин и священнослужитель, подчиняюсь в своем поведении законам Священного Писания и не вмешиваюсь ни в какие политические дела. Как христианин, я считаю, что всякая власть исходит от Бога, которой мы и должны подчиняться. Таких взглядов я придерживаюсь и в отношении к советской власти».

Казалось бы, что этими ответами батюшка ставит точку на всех обвинениях в антисоветской агитации и враждебном отношении к существовавшей власти. Но следствие решило все же добыть у арестованного архимандрита нужные для обвинительного приговора показания. И бесконечные ночные допросы продолжались. Во время одного из них, 13 сентября 1949 года, около полуночи, отец Гавриил обратился к следователю: «Я себя плохо чувствую, и просил бы следствие в допросе сделать перерыв». Видимо, состояние арестанта действительно было тяжелым – более ночных допросов не было. Взять заключенного священника что называется «измором» следствию не удалось. Но регулярные допросы продолжались.

От отца Гавриила сотрудники ГБ добивались самообличающих показаний о проведении как антисоветской агитации, так и религиозной пропаганды. Нужно было, чтобы священник подтвердил свою деятельность по привлечению в церковь детей и якобы имевшие место призывы не принимать во внимание достижения науки. Следствие пыталось найти компрометирующие батюшку сведения во время его проживания в селе Базарный Урень, уличить его в противозаконном совершении церковных служений и обрядов

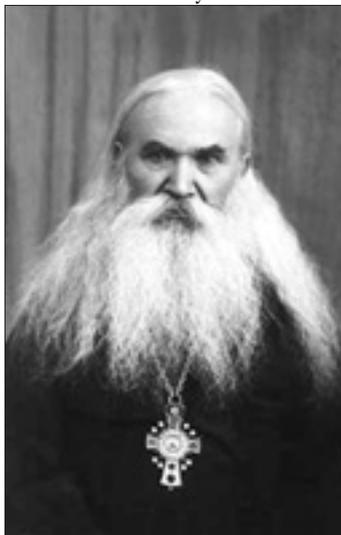
в тот период, а также добивалось признаний от отца Гавриила в том, что «он поминал в церкви за упокой имя врага народа Иоанна Кронштадтского». Великий светильник веры святой праведный протоиерей Иоанн в то время прославлен еще не был. Но его, скончавшегося задолго до октябрьского переворота 1917 года, но пророчески предсказавшего в России воцарение безбожных властителей, большевики считали черносотенцем и врагом советской страны. Соответственно, и поминавшие имя отца Иоанна автоматически становились его единомышленниками и, соответственно, врагами народа. Всего в период следствия и пребывания в тюрьме во время следствия с 8 июля по 9 октября архимандрита Гавриила допросили одиннадцать раз. И в ходе всех допросов батюшка категорически отвергал какие-либо из приписываемых ему преступлений, называя клеветы и доносы на него со стороны вышеозначенных представителей руководства Мелекесской православной общины тем, чем они в действительности и являлись – враньем и лжесвидетельством. Однако фактическое фиаско следователей, не сумевших добиться от арестованного священника самооговора, не помешало им на основании имевшихся в деле доносов составить заключение по делу «по обвинению Игошкина Ивана Ивановича в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч.2 УК РСФСР», то есть в антисоветской пропаганде и агитации. 26 октября копия обвинительного заключения была вручена отцу Гавриилу, а 2 ноября 1949 года состоялось заседание Судебной коллегии по уголовным делам Ульяновского областного суда. Приговором Судебной коллегии во время выездного заседания в городе Мелекесе архимандрит Гавриил (Игошкин) был осужден на десять лет лишения свободы с конфискацией всего принадлежащему ему имущества. На основании поданной отцом Гавриилом кассационной жалобы 3 декабря того же года состоялось заседание Судебной коллегии по уголовным делам уже Верховного Суда РСФСР, которая своим определением, в связи с недостаточностью обличающих обвиняемого фактов, отменило решение Ульяновского суда и направила дело на новое рассмотрение во ... все тот же Ульяновский

суд. 29 декабря 1949 года Ульяновский областной суд вновь приговорил отца Гавриила все к тем же десяти годам лишения свободы.

Вскоре больного и слабого отца Гавриила (ему был уже 61 год!) в зимнюю стужу отправили этапом в далекую Сибирь. Там, в лагере города Мариинска Кемеровской области, батюшка проведет долгие годы своего заключения. Переполненные уголовниками бараки встретили священника настороженной тишиной. Престарелый поп мог сразу же стать объектом насмешек, издевательств и кощунства. Чего можно было еще ожидать от потерявших подчас совесть и человеческое подобие воров, убийц и насильников? Но случилось маленькое чудо – злоба и недоверие сокамерников сменилось буквально сразу уважением и почтением к седовласому монаху. Войдя в камеру, он сразу сказал, что является священником и попросил разрешения помолиться.

Гул неодобрения и насмешек сменился тишиной и вниманием – эки может быть впервые в жизни вслушивались в произносимые старцем слова молитвы, в которых он просил у Бога милости не только для себя, но и для всех тех, кто в тот момент были рядом с ним – «озлобленных и заключенных».

Через некоторое время отчаянные уголовники и рецидивисты избрали отца Гавриила старшим барака – невиданная честь для простого осужденного, тем более старика-священника. Именно ему доверяли решать возникающие споры среди осужденных, именно ему было предоставлено право делить продукты, а также, осознавая сколь велика сила его предстательства пред Богом, именно к батюшке шли за благословением. Вскоре без этого

благословения отца архимандрита ээки уже ничего не делали. Батюшка даже в заключении не оставлял своего пастырского делания. Он тайно совершал молебны, исповедовал единоверцев, отпевал умерших заключенных. Отец Гавриил говорил с людьми о Боге, о Его милосердии, о всепрощающей Божественной любви. И казалось бы безвозвратно потерянные для общества люди, закореневшие во грехах преступники, прислушивались к седовласому священнику. Их покрывшиеся льдом безверия и «окамененным нечувствием» сердца оттаивали, в глазах появлялась искра человечности, а в душах пробуждались настоящие чувства и благие желания. Интересно, что с поры этого, последнего, заключения отца Гавриила до наших дней чудом сохранились бесхитростные и простые строки стихотворения, написанные одним из заключенных сокамерников батюшки, которые посвящены святому этому подвижнику. Может быть, эти слова лучше всяких витийствований житиеписателя расскажут как о годах заключения отца Гавриила, так и об отношении к нему тех, кто в те годы был рядом с будущим святым подвижником. Это как бы воспоминания о первом дне пребывания отца архимандрита в заключении. Вот эти строки:

Ночь в права свои вступила,
Тишина стоит кругом.
Люди спать уж улеглись
И не мыслят о другом.
Их этапом проводили
Из Ульяновска сюда.
Престарелые, больные –
Не годятся никуда.
В их число затем включили
Двух служителей Христа,
Сюда, в сушилку, поместили
Пока им не найдут места.
Один из них – священник местный,
Отец Димитрий – с ближних мест.
Другой – от мира отрешенный
Монах от самых юных лет.

Гавриилом наименовали,
Постригли в иноческий чин,
Архимандрита званье дали,
Но пасти пришлось преступный мир.
И вот теперь, по воле Бога,
Свободы он лишен как мы.
И вместе с нами разделяет
Участь горькую тюрьмы.
Духовно опытного старца
Нам вовсе не пришлось просить –
Наши жаждущие души
Он сам решил напоить.
И полилась из уст беседа,
Как смягчающий елей.
С благоговеньем мы внимали
В смысл его простых речей.
Он говорил спокойно, тихо
О Боге, о Его любви.
Его слова, как огонь палящий,
Своею силою нас жгли.
Он уж закончил, а мы ждали,
Чтоб он продолжил свою речь.
И тут же слово себе дали
Его слова в сердцах сберечь.
Дорогой снежной утомленный,
С трудом боролся он со сном –
Но не хотел ему отдаться,
И думал с нами об одном.
Но все же смежились очи,
Его объял спокойный сон.
Он отдался ему покорно
И был в забвеньи погружен.
Спи до утра, маститый старец,
Забудь страдания свои!
Их разделяют с тобой вместе
Собратья во Христе твои!

Отец Гавриил и в заточении, не смотря на телесные немощи, не терял присутствия духа. Он чем мог помогал своим собратьям-заточенным, делился всегда с ними теми продуктами, которые посылали ему за колючую проволоку прихожане из Мелекесса и из других мест, где батюшку помнили и любили. Он прекрасно понимал, что единственной причиной его заточения является служение его Церкви, а самой главной «антисоветской деятельностью» - неленостное проповедование истины Христовой. Отец Гавриил прекрасно помнил слова, сказанные ему следователем во время вручения копии обвинительного заключения. Этот разговор священник процитировал в одной из поданных им в высшие судебные инстанции кассационной жалобе: «По окончании следствия я был вызван начальником следственного отдела Харитоновым, который в присутствии следователя Палатова порицал меня за проповеди, которые вообще называл антисоветской агитацией. На мое возражение, что мои проповеди носили чисто Евангельский, нравственный характер, говорились только в церкви, для верующих, что является вполне законным, так как религия является частным делом каждого верующего гражданина Союза ССР, Харитонов возразил, что религия не частное дело, а государственное преступление, и каждый верующий является государственным преступником. На суде 2 ноября 1949 года прокурор Гуслинский в своей обвинительной речи сказал, что подсудимый виновен, так как советская власть борется и гонит религию, а он проповедует ее». Такое отношение большевистской власти ко всякому верующему было в советские времена повсеместной нормой. И, казалось бы, чего проще – если уж не отречься от веры, то хотя бы прекратить служение в Церкви, и тогда половина претензий ко священнику со стороны властей будет снята, и можно будет рассчитывать на освобождение и прекращение репрессий. Но отец Гавриил не допускал даже мысли о том, что он может перестать быть совершителем Божественных таинств. Он не только не думал о снятии с себя сана, но постоянно и повсеместно проповедовал Слово Божией – и в храме, и в частных беседах, и в заточении. Он исповедовал свою веру, он служил Богу и был воистину

исповедником истины Господней.

Неоднократно батюшка обращался с прошениями о помиловании в различные властные структуры. Говоря о несправедливом осуждении, лжесвидетелях и подтасовке фактов, а также о приписывании ему несовершенных преступлений, отец архимандрит говорил и о своей немощи.

Не о духовной, ибо крепости и несокрушимости его духа можно было только дивиться, а о слабости телесной – старец жестоко страдал в лагерных условиях не только от многочисленных хворей, но и от холода, голода и просто от старческой немощи. «Прошу Верховный Суд принять во внимание мои старческие годы, мне уже почти 70 лет, - писал отец Гавриил в одной из жалоб, - стал дряхлым, слабым и больным стариком. Глаза плохо видят, уши плохо слышат, руки болят, ломят, дрожат и трясутся, сердце больное, левая нога была сломана в лагере и плохо работает, в прошлом году перенес две сложные операции, и ко всему этому отдышка. Я уже дважды наказан, поработал государству в усиленных трудах в лагере 8 лет, теперь сама старость и болезни для меня являются наказанием». Однако на кассации, заявления и жалобы батюшки следовал один и тот же ответ: «Приговор Ульяновского областного суда от 29 декабря 1949 года в отношении Игошкина оставить в силе, а его кассационную жалобу – без удовлетворения».

В марте 1953 года умер Сталин. Не стало палача, сгноившего в лагерях и расстрелявшего десятки миллионов граждан бывшей Святой Руси. Страна как бы очнулась от десятилетий страданий, кошмаров и кровопролития. Из тюрем и лагерей, согласно вышедшему указу об амнистии, начали выпускать десятки тысяч заключенных. Это были и уголовники, и «политические», и проворовавшиеся руководители различного ранга. Но амнистия не коснулась зэка Игошкина – отец архимандрит был для советской власти страшнее любого вора и убийцы – он был идеологическим врагом, священником.

Но Господь сподобил батюшку разрешением от уз действительно чудесным образом. У начальника лагеря, в котором отец Гавриил отбывал наказание, тяжело болела

жена. Никакие медицинские ухищрения не способствовали выздоровлению женщины. И тогда, как к последней надежде, начальник лагеря обратился к старцу с просьбой исцелить его супругу. «Но ведь я не врач! – ответил священник. – Я ведь могу только молиться Богу об исцелении больной». «Вот именно об этом я Вас и прошу», - сказал офицер МГБ. Две недели отец архимандрит прожил в доме своего тюремщика, неустанно прося Господа об исцелении страдальцы. И чудо случилось – больная выздоровела именно по молитвам праведника! Благодарный начальник лагеря сам стал хлопотать об освобождении священника перед местным областным судом, не дожидаясь решения из Москвы. 3 октября 1954 года

отец Гавриил согласно решению Кемеровского областного суда «по болезни» был досрочно освобожден и 23 октября того же года оставил пределы лагеря, направившись в Мелекесс, где проживал и служил до своего заключения.

Официально батюшку освободили не потому, что он был не виновен и осужден несправедливо, а «по болезни». То есть для государства он продолжал быть преступником, которого оно, это государство, «великодушно» досрочно освободило из заключения. Покинувшему лагерь «преступнику» на день освобождения исполнилось 67 лет... Из тридцати трех лет своего служения Церкви в священническом достоинстве отец Гавриил пробыл в заключении семнадцать с половиной лет. Вернувшийся в Мелекесс старец вынужден был снимать угол у не побоявшейся приютить у себя бывшего заключенного простой верующей женщины – дом, в котором батюшка жил до ареста в 1949 году, был конфискован и передан в распоряжение государства. А так как отец архимандрит был просто досрочно освобожден без отмены решения суда, то и рассчитывать на возвращение собственного дома ему не приходилось. Батюшка снова обратился с жалобой в Верховный Суд СССР, куда вновь сообщил о несправедливом решении суда, отправившего его в лагерь, и просил: «Верните мне мой угол и дайте мне, старому и больному, спокойно дожить до смерти и умереть в кругу близких лиц». Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 6 января 1955 года приговор Ульяновского областного суда 1949 года был отменен, а дело производством прекращено. Это был для отца Гавриила настоящий рождественский подарок! Можно было теперь начинать хлопоты о возвращении дома. Вскоре деревянный домишко на улице Неверова в Мелекессе вновь обрел своего прежнего хозяина. Вместе с престарелым батюшкой в его дом переехала и милосердная женщина, которая приютила старца после возвращения из заключения в Мелекесс – по просьбе отца Гавриила она взяла на себя труды о попечении, заботе и уходе за ним.

Подорванное многолетними заключениями здоровье и возраст уже не давали возможности отцу архимандриту служить в

храме постоянно. Однако желание хоть изредка приносить святую Бескровную Жертву не оставляло престарелого священника. Однако этому не суждено было осуществиться. Не имеющий регистрации у гражданской власти священнослужитель не имел права служить в церкви. Да и штатное духовенство Никольского храма в Мелекесе с некоторой предосторожностью и опаской поглядывало на освободившегося из заключения старика-архимандрита. Страх еще сковывал сердца людей – вероятность при-влечения к себе внимания со стороны соответствующих органов в связи с пусть даже и служебными отношениями с «врагом народа» еще была велика. Не имея ничего непосредственно против самого батюшки, местное духовенство не было расположено поддерживать с ним какие бы то ни было связи. Отец Гавриил пребывал в некоем духовном вакууме. Но зато помнившие и любившие батюшку бывшие его прихожане не оставляли старца. Многие из духовных чад отца Гавриила, узнав об его освобождении, стали приходить и приезжать к нему. Подчас в доме батюшки появлялись гости из далеких уголков страны, прилетавших к нему иногда даже на самолетах.

В душе отца Гавриила для каждого было местечко, для каждого

СОДЕРЖАНИЕ

Житие св. блаженного Андрея Симбирского.....	4
Житие св. праведного Алексея Бортсурманского.....	31
Житие св. священномученика Стефана Немкова.....	59
Жития св. священномученика Михаила Воскресенского..	68
Житие св. священномученика Иоанна Ильинского.....	76
Житие св. священномученика Николая Покровского.....	86
Житие св. священномученика Александра Гневушева.....	96
Житие св. священномученика Александра Трапицына....	111
Житие св. священномученика Германа Кокель.....	153
Житие св. преподобномученицы Екатерины Декалиной..	175
Житие св. священномученика Александра Телемакова...1	186
Житие св. преподобноисповедника Гавриила, архи- мандрита Мелекесского.....	204

Протоиерей Алексей Скала

Святые, в земле Симбирской
просиявшие

Книга издана на средства Спасо-Вознесенского прихода
г. Ульяновска

